

въ

ЖИТОМИРѢ

въ память чудеснаго избавленія

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

отъ злодѣйскаго покушенія

ВОЛЫНСКАГО ПОЛЯКА

БЕРЕЗОВСКАГО.

ЖИТОМИРЪ.
Въ Типографіи Волынскаго Губернскаго Управленія.
1868.

ЧАСОВНЯ

ВЪ

ЖИТОМИРѢ

ВЪ ПАМЯТЬ ЧУДЕСНАГО ИЗБАВЛЕНІЯ

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

ОТЪ ЗЛОДѢЙСКАГО ПОКУШЕНІЯ

Волынскаго поляка

Березовскаго.

Состав. А. Б. Братчиковъ.

ЖИТОМИРЪ.

Въ Типографіи Волынскаго Губернскаго Управленія.

1868.

ФАСАДЪ ЧАСОВНИ

ВЪ ЖИТОМИРѢ

ВЪ ПАМЯТЬ ЧУДЕСНАГО ИЗБАВЛЕНІЯ

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

ОТЪ ЗЛОДѢЙСКАГО ПОКУШЕНІЯ

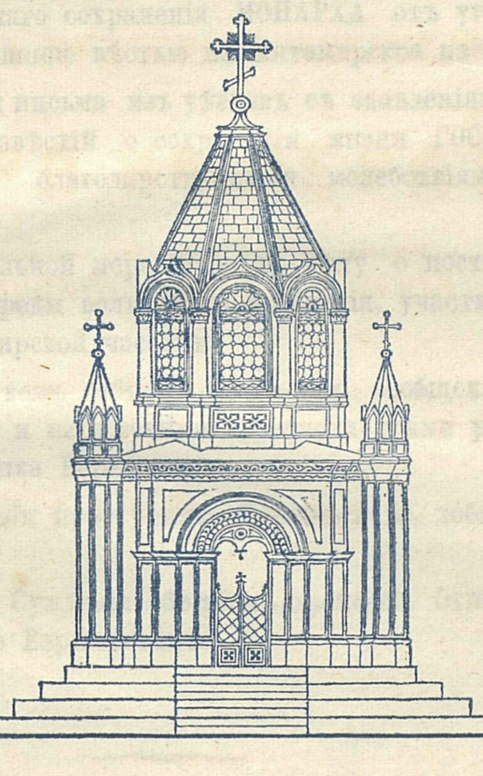
Волынскаго поляка

БЕРЕЗОВСКАГО.

Часовня длиною и шириною $2^2/_3$ саж.

Ступени длиною и шириною $4^1/_2$ саж.

Вышина ступеней $1^1/_3$ саж.

Вышина часовни съ карнизомъ 2 саж.

Вышина отъ карниза до купола $1^1/_3$ саж.

Вышина купола съ крестомъ $2^5/_6$ саж.

Часовню предполагается устроить гранитную, наличники около дверей и колоны изъ полированнаго лабрадора. Карнизъ, капители, базы и дверныя притворы чугунныя бронзированныя. Купола и кресты мѣдныя позолоченныя.

Содержаніе.

I. Вѣсть о сдѣланномъ 25 мая 1867 г. въ Парижѣ покушеніи на жизнь ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. Благодарственное молебствіе въ Житомирѣ. Мысль о построеніи въ Житомирѣ часовни въ память чудеснаго сохраненія МОНАРХА отъ угрожавшей опасности. Впечатлѣнія произведенныя страшною вѣстью на житомирское населеніе.

II. Телеграммы, донесенія и письма изъ уѣздовъ съ заявленіями вѣрноподданническихъ чувствъ при полученіи извѣстій о сохраненіи жизни ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА отъ опасности, выражавшихся благодарственными молебствіями, торжествами и разными благотвореніями.

III. Извлеченіе изъ официальной переписки по дѣлу о построеніи въ Житомирѣ часовни. Списокъ лицамъ изъ среды волынскаго населенія, участвовавшимъ въ пожертвованіяхъ на устроеніе Житомирской часовни.

IV. Подробности о парижскомъ событіи 25-го мая, сообщенныя французскими и другими иностранными газетами и парижскими кореспондентами русскихъ газетъ. Первоначальныя показанія преступника Березовскаго.

V. Свѣдѣнія о происхожденіи преступника Березовскаго, добытыя изъ волынскихъ офиціальныхъ источниковъ.

VI. Процессъ Березовскаго. Сужденія объ этомъ процессѣ. Отправленіе Березовскаго въ ссылку. Послѣднія извѣстія о Березовскомъ.

ЧАСОВНЯ

въ

ЖИТОМИРѢ

въ память чудеснаго избавленія

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

отъ злодѣйскаго покушенія

Волынскаго поляка Березовскаго.

I.

Вѣсть о сдѣланномъ 25 мая 1867 г. въ Парижѣ покушеніи на жизнь ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. Благодарственное молебствіе въ Житомирѣ. Мысль о построеніи въ Житомирѣ часовни въ память чудеснаго сохраненія МОНАРХА отъ угрожавшей опасности. Впечатлѣнія произведенныя страшною вѣстью на житомирское населеніе.

Страшная вѣсть о сдѣланномъ въ Парижѣ покушеніи на жизнь ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА достигла Житомира 27-го мая. Утромъ этого дня, волынскій губернаторъ, генералъ-маіоръ И. В. фонъ-Галлеръ получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ, статсъ-секретаря Валуева телеграмму слѣдующаго содержанія:

27-го мая, около полуночи.

25-го мая, вечеромъ, получено мною изъ Парижа отъ графа Адлерберга слѣдующее телеграфическое извѣстіе: Божій Промыслъ охранилъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА сегодня, около 5 часовъ по полудни, на возвратномъ пути чрезъ Булонскій паркъ, послѣ военнаго смотра; выстрѣлъ изъ пистолета былъ направленъ на экипажъ, въ которомъ находились оба ИМПЕРАТОРА и Великіе князья Наслѣдникъ Цесаревичъ и Владиміръ Александровичъ. Выстрѣлъ, сдѣланный со стороны Императора Наполеона, никого не коснулся, но ранилъ лошадь шталмейстера, сопровождавшаго экипажъ. Преступникъ былъ немедленно схваченъ и почти растерзанъ народною толпою; онъ молодой человѣкъ, по видимому французъ. Подлежащія власти, въ руки которыхъ онъ переданъ, производятъ слѣд-

ствіе; подробности будутъ сообщены скоро, изслѣдованіе приведетъ ихъ въ ближайшую извѣстность.

Въ тотъ же день русское телеграфное агентство прислало въ редакцію волынскихъ губернскихъ вѣдомостей слѣдующія телеграммы:

I. Покушеніе на жизнь ГОСУДАРЯ совершено двадцатилѣтнимъ полякомъ, выстрѣлившимъ при выѣздѣ въ Булонскій лѣсъ; пистолетъ разорвало: преступникъ лишился руки, упалъ съ дерева, крича: »да здравствуетъ польша«! Никто не раненъ. Толпа схватила преступника и передала стражѣ. Парижъ сильно смущенъ. Вечеромъ ГОСУДАРЬ былъ на балѣ Русскаго посольства, гдѣ встрѣченъ восторженнымъ образомъ.

II. Преступникъ—уроженецъ Волынской губерніи—именемъ Березовскій, эмигрировавшій два года назадъ, нѣсколько дней искавшій случая для покушенія; признался, вполнѣ обнаруживая признаки фанатизма. Пуля уклонилась отъ разрыва пистолета.

Съ разсвѣтомъ дня, едва только разнеслась по Житомиру вѣсть объ этомъ событіи, всѣ русскіе, живущіе въ городѣ, толпами поспѣшили въ соборную церковь, принести благодарственное моленіе за сохраненіе драгоцѣнной жизни МОНАРХА; за тѣмъ отслуженъ молебенъ на площади, по окончаніи коего, русскіе гражданскіе и военные чиновники отправились къ Волынскому губернатору, и поздравивъ его превосходительство съ счастливымъ для нашего отечества событіемъ—избавленія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА отъ покушенія злодѣя, заявили тутъ же свое единодушное желаніе увѣковѣчить память объ этомъ происшествіи, устроеніемъ въ Житомирѣ часовни или другаго какого либо соотвѣтствующаго памятника. Въ одну минуту составилась подписка, и не смотря на небольшое русское общество случившихся тутъ лицъ, подписка уже простиралась до 1000 руб., и его превосходительство изъявилъ согласіе ходатайствовать о разрѣшеніи высшимъ правительствомъ на сооруженіе памятника и на открытіе на этотъ предметъ подписки.

О впечатлѣніяхъ произведенныхъ въ средѣ житомирскаго населенія потрясающимъ извѣстіемъ о событіи, происшедшемъ въ Парижѣ, волынскія губернскія вѣдомости сообщаютъ такъ: *).

»Давно ли мы праздновали годовщину завѣтнаго дня 4-го апрѣля, и вотъ, по неисповѣдимымъ судьбамъ, въ скрижаль народной памяти приходится занести другой подобный день 25-го мая.

»Когда въ минуту обычной, вседневной жизни, внезапно бываемъ застигнуты неожиданнымъ, потрясающимъ извѣстіемъ, тогда естественно мы не въ состояніи бываемъ ни наблюдать, ни размышлять о томъ, что происходитъ вокругъ насъ. Въ подобномъ состояніи, подъ вліяніемъ извѣстій, одно за другимъ приносимыхъ телеграммами, находились, конечно, всѣ Русскіе 26-го мая и въ слѣдующіе за тѣмъ дни, когда вѣсть о покушеніи на жизнь ГОСУДАРЯ неожиданно какъ громомъ поразила и возбудила ужасъ и негодованіе въ сердцѣ каждаго Русскаго. И только теперь, пережившп первыя впечатлѣнія и душевную боль, вызванныя страшнымъ событіемъ, сердце и чув-

*) Смотр. Волынскія Губернскія Вѣдомости 1867 г., № 61.

ства начинаютъ дѣйствовать свободнѣе, и мы начинаемъ снова переживать прошедшее, принимая и анализируя разнообразныя проявленія и оттѣнки народнаго духа, выразившагося въ минувшіе дни тѣмъ или другимъ образомъ.«

»Житомирское населеніе, какъ извѣстно, слагается изъ незначительнаго числа русскихъ, и притомъ по большей части пріѣзжихъ чиновниковъ, за тѣмъ большинство составляютъ евреи и поляки. Что касается до послѣднихъ, то разница между ними и людьми чисто русскаго происхожденія, въ отношеніи духа или интелегенціи никогда непредставляется съ такою рѣзкостію, какъ въ дни, почему либо знаменательные. И въ самомъ дѣлѣ, по среди вседневной, такъ сказать будничной, или домашней жизни личности, не только тѣ, кои не вполнѣ проникнуты русскимъ духомъ, а даже совсѣмъ чуждыя русской народности, еще не выдаются слишкомъ рельефно изъ общей ея массы; но въ явленіяхъ жизни публичной, даже не нужно имѣть слишкомъ зоркихъ глазъ, чтобы отличить, гдѣ именно преобладаетъ истинное чувство, и гдѣ играетъ роль одна только форма безъ содержанія. Въ памятный день 27-го мая, въ нашемъ городѣ, утромъ, какъ только разнеслась молва о происшедшемъ въ Парижѣ событіи, тотчасъ, и можно сказать, почти каждый изъ русскихъ, оставилъ свои занятія и, по искони православному обычаю во всѣхъ случаяхъ обращаться прежде всего къ Богу, поспѣшилъ въ соборный храмъ; который по этому, за долго еще до прибытія мѣстныхъ духовенства и властей, уже былъ переполненъ собравшимся со всѣхъ частей города православнымъ русскимъ людомъ. Торжественность этого всенароднаго моленія еще болѣе возвышалась присутствіемъ войскъ, собранныхъ для парада. И во всемъ этомъ, справедливость требуетъ замѣтить, видна была не одна формальность, а неподдѣльныя русскія чувства, выражавшіяся молитвами и ощущеніями радости при мысли о чудесномъ избавленіи ГОСУДАРЯ отъ грозившей опасности. Евреи также въ этотъ день молились въ своихъ синагогахъ; въ однихъ только католическихъ костелахъ, какъ мы слышали, не было особенно большаго стеченія народа. Русское общество неограничилось только заявленіями чувствъ, а еще пожелало, въ память благоговѣнія предъ Провидѣніемъ, сохранившимъ МОНАРХА, соорудить въ Житомирѣ часовню, о каковомъ благочестивомъ и вмѣстѣ патріотическомъ желаніи тогда же и было заявленно правительству. Въ этотъ и слѣдующіе дни, въ русскихъ гостинныхъ всякіе разговоры съ чего бы ни начинались, всегда сливались въ радостныя привѣтствія и восторгъ, при разсказахъ о спасеніи ГОСУДАРЯ. Ничего подобнаго не было видно, въ той части житомирскаго населенія, члены коего (не всѣ однако), неизвѣстно почему, и притомъ иной разъ съ нѣкоторою кичливостію называютъ себя поляками. Эти представители отжившей польши, въ первый день по полученіи извѣстій, не смотря на движеніе въ городѣ, казалось погружены были въ состояніе нравственнаго оцѣпенѣнія; по крайней мѣрѣ, такъ можно было заключить изъ того, что не смотря на хорошую погоду, ихъ не было замѣтно въ обычныхъ мѣстахъ для прогулки [1]).

»Вотъ что значатъ плоды прошлаго увлеченія несбыточными политическими мечтами, увлеченія—разторгающаго всякую живую связь съ преданіями, вѣрованіями и

---

[1]) Изъ числа такихъ личностей, на другой день многіе являлись въ редакцію губернскаго управленія, для того, чтобы въ вышедшемъ наканунѣ 61-мъ нумерѣ губернскихъ вѣдомостей прочесть парижскія извѣстія; значитъ, апатія уступила мѣсто любопытству, *очень понятному* если принять въ соображеніе, что въ числѣ городскихъ жителей поляковъ нѣсколько семействъ носятъ фамилію Березовскихъ.

надеждами русскаго народа. И послѣ этого, вправѣ ли такіе отщепенцы отъ родственной имъ русской семьи, обвинять насъ въ превратномъ толкованіи, если, видя со стороны житомирскаго только католическаго общества холодность, недостатокъ сочувствія или побужденія присоединиться къ общему торжественному заявленію чувствъ русскаго народа, мы, какъ простые наблюдатели, равнодушіе такъ называющагося польскаго общества объяснимъ развѣ тѣмъ, что въ средѣ его, по настоящее время кроются личности, не совсѣмъ отрѣшившіеся отъ заблужденій и фанатисма, навѣянныхъ въ краѣ бывшею ксендзовско-шляхетскою пропагандою». *).

*) Смотр. Волынскія Губернскія Вѣдомости 1867 г., № 64.

II.

Телеграммы, донесенія и письма изъ уѣздовъ съ заявленіями вѣрноподданническихъ чувствъ при полученіи извѣстія о сохраненіи жизни ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА отъ опасности, выражавшихся благодарственными молебствіями, торжествами и разными благотвореніями.

По полученіи въ Житомирѣ извѣстій о покушеніи на жизнь ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, 25-го мая въ Парижѣ, г. начальникомъ губерніи была послана г. министру внутреннихъ дѣлъ 27 того же мая телеграмма слѣдующаго содержанія:

»По отслуженіи сего числа на площади, противъ Каѳедральнаго собора, благодарственнаго молебствія, съ колѣнопреклоненіемъ, за сохраненіе драгоцѣнныхъ дней ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА отъ угрожавшей Ему вновь опасности въ Парижѣ, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Высокопревосходительство повергнуть къ священнымъ стопамъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА отъ лица всѣхъ служащихъ и не служащихъ людей русскихъ всѣхъ сословій и народа, вѣрноподданническія поздравленія и чувства глубочайшей безпредѣльной радости и искренняго благодаренія Богу, сохранившему намъ жизнь обожаемаго ГОСУДАРЯ. Собравшееся ко мнѣ послѣ молебствія русское общество и волостные старшины съ крестьянами изъ ближайшихъ селеній заявили желаніе соорудить въ память этого событія въ г. Житомирѣ, по подпискѣ, часовню и предоставили мнѣ испросить на открытіе по губерніи подписки Высочайшее соизволеніе. Испрашиваю предстательства по сему Вашего Высокопревосходительства.«

Вслѣдствіе сего, 31-го того же мая, получено отъ г. министра внутреннихъ дѣлъ слѣдующее предложеніе: ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, вслѣдствіе телеграммы отъ всѣхъ русскихъ жителей г. Житомира, съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ радости, по случаю отвращенія Божіимъ Промысломъ угрожавшей ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ опасности, Высочайше повелѣть соизволилъ объявить за выраженныя чувства благодарность ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Изъ всѣхъ уѣздовъ стекаются извѣстія о вѣрноподданническихъ чувствахъ, возбужденныхъ въ русскомъ Волынскомъ населеніи событіемъ 25 мая. О патріотическихъ движеніяхъ русскихъ, живущихъ въ Волынскомъ краѣ, пусть раскажутъ, полученныя въ то время телеграммы и письма:

Дубно, 27 мая. Новое покушеніе на жизнь ГОСУДАРЯ принято крестьянами съ крайнимъ негодованіемъ. Вездѣ приносятся теплыя молитвы, вездѣ выражаются желанія ознаменовать чѣмъ либо видимое покровительство Россіи Провидѣніемъ Божіимъ. По просьбѣ многихъ послана отъ имени крестьянъ и мировыхъ учрежденій телеграмма графу Шувалову, съ выраженіемъ вѣрноподданнической преданности ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ и чувствъ невыразимой радости, что Промыслъ Божій вновь охранилъ жизнь обожаемаго МОНАРХА для счастія всѣхъ вѣрноподданныхъ.

Дубно, 28 мая. Помолясь Господу Богу о новомъ знаменіи Благости Божіей, вторично сохранившей дорогую жизнь ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА отъ покушенія убійцы, русскіе чиновники города Дубна, желая увѣковѣчить это событіе, изъявили желаніе соорудить для приходскаго собора серебряную икону Спасителя несущаго крестъ, для чего и открыта подписка тотъ часъ по окончаніи молебствія. Просятъ повергнуть къ стопамъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА вѣрноподданническія чувства отъ имени всѣхъ русскихъ чиновниковъ города Дубна. О совершеніи молебствія по уѣзду сдѣлано распоряженіе.

Ровно, 29 мая. Телеграмма, посланная въ Парижъ князю Горчакову: православное духовенство, мировые дѣятели, чиновники всѣхъ вѣдомствъ крестьяне-собственники и другія сословія города Ровна и уѣзда, принося теплыя молитвы о спасеніи драгоцѣнной жизни нашего возлюбленнаго МОНАРХА, общаго благодѣтеля семидесяти милліоновъ Русскаго народа, просятъ повергнуть вѣрноподданническія чувства къ священнымъ стопамъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Почаевъ, 28 мая. Отъ епископа Агаѳангела: благодарственное молебствіе Господу Богу за спасеніе драгоцѣнныхъ дней священной особы ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, нынѣ торжественно Почаевскою Лаврою совершено съ колѣнопреклоненіемъ и цѣло-дневнымъ звономъ; духовенство, чиновники, народъ, глубоко пораженные, молились, съ горячимъ вѣрноподданническимъ чувствомъ.

Новоградволынскъ, 28 мая. Письмо къ губернскому предводителю, отъ уѣзднаго предводителя, посланное по эстафетѣ. Сегодня утромъ мы получили горестую вѣсть о покушеніи на драгоцѣнную жизнь ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА; тотчасъ послѣ того русскіе, исполненные ужаса, собрались для принесенія благодарности—премилосердому Господу Богу о его неизмѣнной благодати. Весь народъ молится о чудесномъ спасеніи Нашего обожаемаго МОНАРХА и проситъ Васъ, Милостивый Государь,—повергнуть чувства наши, къ стопамъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и заявить о нашихъ неизмѣнныхъ вѣрноподданническихъ чувствахъ.

Ковель, 29 мая. Пораженные ужасомъ при извѣстіи о новомъ злодѣйскомъ покушеніи на жизнь ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, мы, должностныя лица, вознесли благодарственныя молитвы Богу за сохраненіе дорогаго намъ Царя, и покорнѣйше просимъ повергнуть къ стопамъ обожаемаго АВГУСТѢЙШАГО МОНАРХА—Освободителя наши усерднѣйшія поздравленія съ явнымъ знаменіемъ Благодати Божіей, изъявленіе нашихъ неизмѣнныхъ вѣрноподданническихъ чувствъ и пламенныя пожеланія, чтобы Господь Богъ продлилъ жизнь ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, столь нужную для блага и славы Россіи, на многія лѣта. *).

Копія телеграммы (на французскомъ языкѣ), посланной изъ города Острога: ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, въ Парижъ.

ГОСУДАРЬ!

Слова недостаточны для выраженія тѣхъ чувствъ, которыя наполнили наши сердца при полученіи извѣстія, о покушеніи на жизнь ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, 25 мая въ Парижѣ.

*) Смотр. Волынскія Губернскія Вѣдомости 1867 г. № 62.

Припадая къ алтарямъ, мы возносимъ горячія молитвы ко Всевышнему, умоляя о сохраненіи, столь драгоцѣнной для насъ, жизни обожаемаго нашего МОНАРХА—и подносимъ къ стопамъ ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА выраженіе чувствъ вѣрности и преданности нашей.

Негодованіе и горесть, при слухѣ сего новаго преступленія, происходившаго отъ неблагороднаго и презрительнаго внушенія, могутъ быть сравниваемы только съ любовію и признательностію вѣрноподданныхъ ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА жителей г. Острога Волынской губерніи;—эта русская правовѣрная страна, со времени существованія своего, отвергаетъ всякую связь съ ренегатами, которые осмѣливаются утверждать, что эта страна имъ принадлежитъ.

Русскіе, вѣрноподданные
ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
жители города и уѣзда Острога.

Слѣдуетъ 456 подписей.

Изъ Дубно, 31 мая. Г. губернатору, отъ предсѣдателя Дубенскаго мироваго съѣзда, Раевскаго. Считаю долгомъ увѣдомить, что на посланную отъ съѣзда и крестьянъ телеграмму, полученъ слѣдующій отвѣтъ, графа Шувалова: ГОСУДАРЬ признателенъ вѣрноподданическимъ чувствамъ, выраженнымъ въ вашей депешѣ.

Изъ Луцка, 31 мая. Г. губернатору, отъ предсѣдателя Луцкаго мироваго съѣзда, Радзѣевскаго. Предсѣдатель, посредники Луцкаго съѣзда и крестьяне всѣхъ участковъ просятъ Ваше Превосходительство повергнуть предъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ овладѣвшее ими глубоко—радостное чувство, при извѣстіи о чудесномъ избавленіи, Промысломъ Божіимъ, жизни ГОСУДАРЯ отъ угрожавшей опасности 25-го мая. *).

Мелебствіе въ Староконстантиновѣ. Вѣсть полученная по эстафетѣ отъ начальника губерніи, о вторичномъ злодѣйскомъ покушеніи въ Парижѣ на священную жизнь Того, кого Россія считаетъ своимъ Державнымъ Преобразователемъ, въ Комъ видитъ она залогъ своего благодѣнствія, пронеслась по нашему городу и окрестнымъ селеніямъ съ быстротою молніи; 29 мая утромъ, по окончаніи Божественной Литургіи, въ соборномъ успенскомъ храмѣ, духовенство съ крестныхъ ходомъ, при неумолкавшемъ колокольномъ звонѣ, прибыло на городскую площадь возлѣ зданія уѣзднаго суда, гдѣ, заботливостію уѣзднаго исправника, устроенъ былъ для духовенства особый помостъ усланный коврами и обставленный вокругъ зеленеющими деревьями, на каковомъ мѣстѣ при огромномъ стеченіи народа, совершено было соборное торжественное, съ колѣнопреклоненіемъ, благодарственное молебствіе, предъ начатіемъ коего, настоятелемъ собора произнесено было приличное торжеству слово, а по возглашеніи многолѣтія ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, чиновниками уѣзднаго суда, съ акомпанементомъ музыки, составленной изъ нихъ же, пропѣтъ былъ народный гимнъ »Боже Царя Храни«. Молебствіе подъ открытымъ небомъ, при видѣ блестящихъ ризъ духовенства, хоругвій, разнообразія мунди-

---

*) Смотр. Волынскія Губернскія Вѣдомости 1867 г., № 63.

ровъ, и при безмолвной тишинѣ усердно молящагося народа о спасеніи жизни Царя Освободителя, представляло самую умилительную картину. Одновременно совершалось молебствіе въ капуцинскомъ монастырѣ и въ еврейской синагогѣ. Праздникъ »Шевіосъ« пятидесятницы, празднуемый израильтянами въ память религіознаго и вмѣстѣ историческаго событія—возвѣщенія Божественнаго Закона на горѣ Синаѣ—по случаю радостной вѣсти о спаненіи ГОСУДАРЯ, совершился торжественнѣе обыкновеннаго. Послѣ молебствія, совершеннаго на площади, духовенство, квартирующій въ городѣ командиръ бессарабскаго полка со всѣми штабъ офицерами и чиновниками всѣхъ вѣдомствъ, прибыли въ залъ уѣзднаго суда на завтракъ. Въ залѣ портретъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА украшенъ былъ съ особеннымъ изящнымъ вкусомъ цвѣтами и гирляндами живой зелени. Тостъ за здравіе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА превозглашенъ былъ исправляющимъ должность предводителя дворянства, уѣзднымъ судьею А. Л. Тутковскимъ, слѣдующими словами: »Господа! Неисповѣдимый Промыслъ Божій вторично сохранилъ чудеснымъ образомъ всѣмъ намъ драгоцѣнную жизнь ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА; вознеся нынѣ самую теплую молитву, выпьемъ отъ души за здоровье обожаемаго МОНАРХА! Да здравствуетъ на славу и благоденствіе Россіи!« Причемъ чиновниками суда съ акомпанементомъ музыки пропѣтъ былъ народный гимнъ »Боже Царя Храни«. Вечеромъ домъ, занимаемый уѣзднымъ судомъ, былъ иллюминованъ. *).

Село Суемцы 29 мая и 1 Іюня 1867 года. Жизнь селянина бѣдна крупными явленіями; поэтому въ средѣ сельскихъ жителей является полное равнодушіе къ всѣмъ событіямъ, переживаемымъ частными лицами, или цѣлыми обществами. Чтобы какое нибудь явленіе могло вызвать вниманіе селянина, оно должно отличаться рѣзкою поразительною особенностію,—поразительною по своей необычайности и важности.—На дняхъ, мы жители с. Суемецъ и его окрестностей, были въ подобномъ положеніи.—Наша обычная тишина была нарушена;—случай такой рѣдкій, что мы неможемъ неподѣлиться нашими впечатлѣніями.—То, что мы пережили и перечувствовали, мы увѣрены нечуждо населенію всей русской земли.—Въ ночь съ 28 на 29 мая мы получили извѣстіе, о сдѣланномъ новомъ покушеніи на жизнь ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА въ Парижѣ и новомъ проявленіи къ намъ, людямъ русскимъ, благости Промыслителя въ сохраненіи этой жизни отъ преступной руки злодѣя.—Мы поспѣшили сообщить объ этомъ горестномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ счастливомъ по послѣдствіямъ событіи своимъ прихожанамъ и, выразить наше намѣреніе принести благодарственную молитву предъ Престоломъ Всевышняго въ стѣнахъ нашего скромнаго сельскаго храма.—Сообщенная нами вѣсть разнеслась быстро и по окрестнымъ селеніямъ.—На утро, т. е. 29 мая, несмотря на то, что былъ будничный день, а слѣдовательно рабочій, къ нашему храму собрались мужчины и женщины въ числѣ болѣе тысячи душъ.—При такомъ стеченіи мы не могли принести благодарственное моленіе въ самомъ храмѣ, а совершили оное съ колѣнопреклоненіемъ среди церковной ограды предъ лицемъ собравшагося народа. Предъ начатіемъ молебствія была произнесена рѣчь, соотвѣтствующая этому событію.—По окончаніи молебствія мѣстный мировой посредникъ въ свою очередь обратился къ народу съ рѣчью, въ которой между прочимъ сказалъ: »Мы всѣ, движимые безпредѣльною любовью къ ГОСУДАРЮ, должны усердно благодарить Бога за счастливое сохраненіе Его жизни«.—Что вызвало въ народѣ

*) Смотр. Волынскія Губернскія Вѣдомости 1867 г., № 67.

громкое »ура!«—Что же собрало такую массу народа? Наши противники, враги Русскаго начала, по своей старой привычкѣ, скажутъ, что толпа была собрана по приказу мѣстныхъ властей.—На такой отвѣтъ мы возразимъ коротко. Крестьянамъ, Положеніемъ 19-го февраля 1861 года, представлено право въ извѣстныхъ предѣлахъ заботиться объ ихъ личныхъ и общественныхъ интересахъ, посредствомъ собранія сельскихъ сходовъ.—Но это для крестьянъ такъ ново, а между тѣмъ время постоянно поглощено заботами объ удовлетвореніи самыхъ насущныхъ ежедневныхъ потребностей ихъ домашняго быта, что они подъ разными предлогами, не смотря на настояніе своихъ сельскихъ властей и даже мировыхъ посредниковъ, уклоняются отъ участія въ какихъ либо сходахъ.—Итакъ власть оказывается пока безсильна предъ личною нуждою крестьянъ;—а тутъ въ ночь подъ 29 число разносится вѣсть о сдѣланномъ покушеніи на жизнь ГОСУДАРЯ и на утро крестьяне обоихъ половъ, всѣхъ возрастовъ, сходятся у порога сельскаго храма и приносятъ мольбу за сохраненіе Одной драгоцѣнной для нихъ жизни.—Живя нѣсколько лѣтъ среди народа, мы близко его знаемъ;—мы знаемъ что для него дорого, и на чемъ сосредоточиваются его простыя, безхитростныя, но непоколебимыя убѣжденія.—Крестьяне всѣ свои надежды въ хорошее, спокойное будущее, увѣренность въ прочности своего настоящаго благосостоянія, сосредоточиваютъ на одной Особѣ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, освободившаго ихъ отъ узъ крѣпостнаго состоянія, предоставившаго имъ преуспѣвать нравственно и матеріально въ сословіи крестьянъ-собственниковъ,—защитившаго ихъ отъ посягательствъ враждебной народу польской пропаганды.—Наконецъ крестьяне твердо вѣрятъ, что подъ защитою Русскаго Царя, ихъ родовое православіе ограждено отъ іезуитскихъ на него посягательствъ.—Мы думали, что выраженіе нашими прихожанами и жителями окрестныхъ селеній вѣрноподданническихъ чувствъ къ ГОСУДАРЮ, ограничится совершеннымъ 29 мая молебствіемъ;—не тутъ то было:—1-го числа этого мѣсяца мы были поражены единственнымъ и небывалымъ зрѣлищемъ.—Въ этотъ день духовенство, мѣстный мировой посредникъ и крестьяне-собственники 2-го участка Новоградволынскаго уѣзда, согласились помолиться вновь и вкупѣ.—Въ этой молитвѣ приняли участіе, по приглашенію г. мироваго посредника, бывшій въ г. Новоградволынскѣ проѣздомъ артиллерійскій генералъ, бригадный, батарейный командиры и офицеры квартирующей въ городѣ батареи, всѣ мировые дѣятели и мѣстная полиція.—Торжество происходило такимъ образомъ. — По восходѣ солнца православный народъ началъ съѣзжаться и сходиться въ с. Суемцы со всѣхъ концевъ 2-го мироваго участка.—Во время отправленія всенощной храмъ и окружающій его погостъ были наполнены старымъ и малымъ.—Литургія была совершена соборне тремя священниками.—Два хора пѣвчихъ, составленные изъ крестьянъ, пѣли литургію.—Къ концу ея масса народа увеличилась тысячъ до пяти душъ.—Въ отправленіи молебствія приняли участіе 15 священниковъ и, по большему стеченію народа, оно совершено было на церковномъ погостѣ.—Зрѣлище было вполнѣ умилительное. — Толпа въ нѣсколько тысячъ людей, въ средѣ которой безъ различія званій были представители высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ и рядомъ простые воины, была одушевлена однимъ чуствомъ—любовію къ ГОСУДАРЮ и одной молитвой за счастливое сохраненіе Его жизни отъ руки злодѣя.—Предъ молебствіемъ однимъ изъ присутсвовавшихъ священниковъ, сказано было приличное случаю слово. Послѣ молебствія всѣ присутствовавшіе посѣтили меня. — Нечего говорить, кто и что было предметомъ нашего разговора.—Мы, люди разной среды по общественному своему по-

ложенію, въ этой бесѣдѣ не замѣчали между собою никакой розни.—Мы всѣ были полны единодушія и мысли, что Всеблагій Промыслъ попечительно заботится о насъ и всей Россіи, сохраняя драгоцѣнную жизнь ГОСУДАРЯ — Освободителя и Преобразователя. Отдохнувъ немного, мы отправились всѣ съ народомъ къ квартирѣ г. мироваго посредника, около которой на улицѣ и подворьѣ были разставлены столы для угощенія собравшихся.—Здѣсь картина представилась въ иномъ родѣ, не менѣе умилительная.— Подъ открытымъ небомъ усѣлись за приготовленные столы духовенство, новый русскій предводитель дворянства, мѣстные мировые дѣятели, исправникъ, военные чины, приставъ и вокругъ ихъ крестьяне-собственники.—Во время обѣда шла бесѣда таже и каждому приходила мысль о новости и небывалости такого собранія.—За недостаткомъ прислуги кушанья были разносимы членами семейства г. посредника.—Это еще болѣе возвышало патріархальное величіе праздника. Въ концѣ обѣда мѣстный г. мировой посредникъ предложилъ тостъ за здоровье ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА;—тостъ, и »народный гимнъ«, исполненный хоромъ артиллерійскихъ музыкантовъ, были сопровождаемы громкимъ, продолжительнымъ »ура!« Празденство этимъ неокончилось:—начались среди народа пѣсни и танцы.—Гулянье продолжалось до поздняго вечера.—По наступленіи сумерокъ у крыльца квартиры г. мироваго посредника былъ освѣщенъ вензель имени Его Величества; дворъ и садъ были иллюминованы плошками.—По наступленіи ночи собравшіеся гости и народъ, поблагодаривъ радушныхъ хозяевъ, разъѣхались и разошлись.— Хозяевами этого празденства были—семейство мѣстнаго мироваго посредника Николая Осиповича г. Бѣлозерскаго и крестьяне-собственники Смолдыревской волости. Г. Бѣлозерскій принялъ на себя угощеніе духовенства и съѣхавшихся военныхъ и гражданскихъ чиновъ, смолдыревская же волость угощала крестьянъ-собственниковъ 2-го мироваго участка, и не излишне замѣтить, что хозяева не поскупились на угощеніе и радушіе.

Такіе праздники служатъ выраженіемъ внутренняго чувства устраивающихъ и принимающихъ въ нихъ участіе.—Они еще болѣе скрѣпляютъ взаимную пріязнь между людьми различныхъ сословій.—А крестьяне, особенно дѣти, сохранятъ въ своихъ воспоминаніяхъ и безхитростныхъ разсказахъ о случаѣ, вызвавшемъ такой праздникъ.— Старики передадутъ своимъ внукамъ въ простомъ, но живомъ разсказѣ какъ народъ со своими духовными пастырями и властями собирался во едино—помолиться за чудное спасеніе жизни своего ГОСУДАРЯ и какимъ празденствомъ окончился такой незабвенный день.—Грядущія поколѣнія будутъ знать какъ на Волыни ихъ отцы любили своего Царя-Освободителя и вѣрно не отстанутъ отъ своихъ предковъ въ томъ же чувствѣ.

Да продлитъ Всевышній драгоцѣнную для всѣхъ Русскихъ жизнь своего Помазанника на многія лѣта, и да укрѣпитъ своею Десницею Его державный скипетръ для славы и благоденствія Его и его народа, а »враговъ его смятетъ, плодъ ихъ отъ земли погубитъ и сѣмя ихъ отъ сыновъ человѣческихъ.« *). **).

Священникъ **Флоръ Карашевичъ.**

С. Суемцы, Новоградволынскаго уѣзда.

---

*) Мы слышали, что въ этотъ день, изъ числа присутствовавшихъ на праздникѣ, трое лицъ римско-католическаго исповѣданія, а именно двое участковыхъ землемѣровъ и занимающійся письмоводствомъ у мироваго посредника,—тутъ же присоединились къ православію.

**) Смотр. Волынскія Губернскія Вѣдомости 1867 г., № 68.

Изъ Острога. Спѣшу подѣлиться съ вами тѣми чувствами, которыя мы, жители маленькаго уголка Волынской губерніи, испытали сего дня. Едва заря освѣтила нашъ городъ Острогъ, какъ ко мнѣ постучались въ дверь. Полусонный, беру въ руки принесенную изъ полиціи бумагу и представьте ужасъ мой при прочтеніи ея: опять покушеніе на жизнь обожаемаго МОНАРХА! и гдѣ же? въ Парижѣ! Предчувствіе не обмануло на этотъ разъ: убійца былъ полякъ. Я вышелъ на улицу; весь городъ былъ на ногахъ. Въ 10 часовъ толпа народа хлынула къ соборной церкви; давка была такъ сильна, что большая часть прибывшихъ на богослуженіе стояли на церковномъ погостѣ. По окончаніи богослуженія, духовенство въ облаченіи съ крестнымъ ходомъ двинулись на городскую площадь, на Красную гору, гдѣ должно было совершиться благодарственное Господу Богу молебствіе за спасеніе драгоцѣнной жизни МОНАРХА. Развѣвающіяся хоругви, толпы народа въ разнообразныхъ костюмахъ, поднимавшіяся на гору, придавали этой картинѣ видъ величественно-торжественный. Нашъ городъ Острогъ давно не видалъ ничего подобнаго. Общее сочувствіе было такъ сильно, что при чтеніи полученной телеграммы и оглашеніи имени убійцы поляка, неудержимый крикъ негодованія вырвался изъ толпы присутствовавшихъ. По окончаніи благодарственнаго съ колѣнопреклоненіемъ Господу Богу молебствія, при чемъ была сказана мѣстнымъ протоіереемъ проповѣдь, возглашено было многолѣтіе Государю и Царствующему Дому. Нельзя изобразить, какимъ восторженнымъ крикомъ »ура!« сопровождалось »многія лѣта«.

По окончаніи молебствія, предложено было отпраздновать этотъ радостный день и повергнуть къ стопамъ МОНАРХА чувства вѣрно подданнической преданности. Общество собралось на квартирѣ предсѣдателя мироваго съѣзда. Изготовленная телеграмма была подписана присутствовавшими и разослана по городу. Оказалось 456 подписей, и нѣтъ сомнѣнія, что число ихъ утроилось бы, еслибы не спѣшили отправленіемъ ея въ Парижъ. Вмѣстѣ съ этою телеграммой изготовлена была телеграмма и къ Императору Наполеону, но къ сожалѣнію встрѣтились административныя препятствія къ ея отсылкѣ. Хотѣлось выразить увѣренность, что честная французская нація не менѣе насъ оскорблена поруганіемъ своего національнаго чувства, и вмѣстѣ съ тѣмъ намекнуть на то, что польскіе эмигранты недостойны тѣхъ благодѣяній, коими до настоящаго времени ихъ осыпали. Это въ самомъ дѣлѣ можетъ быть не совсѣмъ было ловко, хотя и совершенно вѣрно.

Послѣ провозглашенія тоста за здравіе и долголѣтіе возлюбленнаго МОНАРХА, сопровождавшагося оглушительнымъ ура, одинъ изъ присутствовавшихъ, бывшій мировой посредникъ, Острожскаго уѣзда, Мукосѣй-Шибинскій сказалъ рѣчь, въ которой энергически, обратясь къ присутствовавшимъ полякамъ, предложилъ имъ на выборъ: или оставить свои польскія притязанія и окончательно слиться съ русскимъ населеніемъ края, или же, въ противномъ случаѣ, подвергнуться всеобщему презрѣнію. За тѣмъ слѣдовали тосты одинъ за другимъ, начиная съ членовъ Августѣйшаго Дома, провозглашены были тосты и за единеніе всѣхъ славянъ въ одной общей семьѣ, и за Кирилло-Меѳодіевское братство, какъ зерно тѣхъ благотворныхъ послѣдствій, которыхъ должно ожидать отъ этого братства въ центрѣ ополяченной Волыни. Много было высказано теплыхъ, за душевно-патріотическихъ и восторженныхъ словъ, сопровождаемыхъ каждый разъ одобреніемъ. Среди этихъ возгласовъ, одинъ изъ присутствовавшихъ сказалъ: »много было говорено о томъ русскомъ колоритѣ, который начинаетъ пріобрѣтать

нашъ Юго-Западный край послѣ вѣковаго порабощенія его горстью пришельцевъ—поляковъ. Вамъ, Г.г. пріѣзжіе въ нашу Волынь, собравшаяся здѣсь русская семья должна казаться явленіемъ обыкновеннымъ, но мы, здѣшніе коренные русскіе жители, дивимся этому благотворному превращенію нашего отечества. Что было три года тому назадъ, и что сдѣлалось теперь—не узнаваемо! Польская рѣчь замѣнилась русскою; вездѣ чуется Русь и Русь, и мрачная туча полонизма быстро очищаетъ нашъ горизонтъ. Первое водвореніе русскаго элемента среди ополяченной Волынской губерніи, принадлежитъ безспорно Михаилу Ивановичу Черткову, успѣвшему въ такое короткое время положить несокрушимый камень русской здѣсь народности. Не менѣе того преклонимся предъ личностью Александра Павловича Безака, неусыпными трудами и государственною мудростью котораго нашъ Юго-Западный край дѣлается окончательно русскимъ, и закрѣпляется съ великою Россией тѣмъ узломъ, который никакія тысячелѣтія не въ состояніи будутъ теперь разсторгнуть«.

Затѣмъ хозяинъ дома обратился къ присутствовавшимъ съ слѣдующими словами: »Какъ членъ мировыхъ учрежденій, коимъ обязанъ нашъ край развитіемъ великой реформы 19 февраля 1861 года, я хочу высказать Вамъ, господа, что едвали не этой реформѣ мы обязаны тѣмъ, что можемъ подѣлиться нѣсколькими отрадными минутами въ своемъ родномъ кружкѣ. Кто какъ не мировые посредники явились у насъ первыми аванпостами русскаго элемента, такъ быстро вкоренившагося въ этомъ ополяченномъ краѣ? Люди эти, бросивъ свои пожитки, свой домашній очагъ, и все, что дорого русскому сердцу, пустились въ нашъ край, бывшій до 1863 года для нашихъ велико-русскихъ собраній terra incognita. Что привлекло ихъ въ этотъ край, какъ непламенное желаніе честно послужить русскому народу? Этотъ чудный огонь былъ вызванъ не менѣе чуднымъ явленіемъ манифеста 19-го февраля 1861 г. ЦАРЬ, давшій въ день 19-го февраля 1861 г. новую жизнь милліонамъ своихъ подданныхъ, не есть обыкновенный ЦАРЬ. Подобному вѣнценосцу небыло еще названія въ исторіи міра, а потому еще разъ поднимемъ бокалы за здравіе и многолѣтіе Того, Кто такъ мудро ведетъ Богомъ ввѣренный Ему народъ стезей правды, міра и братолюбія.«

Оглушительное »ура!« было отвѣтомъ.

Едва въ 7 часовъ разошлось собравшееся общество, вынося въ душѣ своей чувство отраднаго воспоминанія о проведеномъ днѣ.

Мы слышали, что члены Острожскаго Кирилло-Меѳодіевскаго братства предложили устроить въ память этого дня подписку въ пользу одной воспитанницы Кирилло-Меѳодіевской православной женской школы. Дай Богъ, чтобы это доброе дѣло осуществилось«*)

---

*) Смотр. Московскія Вѣдомости 1867 г. № 131

III.

Извлеченіе изъ официальной переписки, по дѣлу о построеніи въ Житомирѣ часовни.—Списокъ лицамъ изъ среды волынскаго населенія, участвовавшимъ въ пожертвованіяхъ на устроеніе Житомирской часовни.

Изъ предыдущаго читателю уже извѣстно, что волынскій губернаторъ въ телеграммѣ, посланной 27-го мая на имя министра внутреннихъ дѣлъ, испрашивалъ Высочайшее соизволеніе на открытіе подписки на сооруженіе въ Житомирѣ часовни въ память спасенія МОНАРХА при вторичномъ покушеніи на ЕГО ДРАГОЦѢННУЮ ЖИЗНЬ.

Еще до полученія Высочайшаго соизволенія, въ средѣ русскаго населенія Волыни уже обнаружилось всеобщее сочувствіе къ пожертвованіямъ.

Сохранимъ на память распоряженія волынскаго губернатора. 7-го іюня, губернаторъ писалъ предсѣдателямъ мировыхъ съѣздовъ:

»Нѣкоторые изъ мировыхъ посредниковъ, передавая мнѣ заявленія крестьянъ о вѣрноподданническихъ чувствахъ, по поводу преступнаго покушенія на жизнь ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА въ Парижѣ, присовокупляютъ, что многіе изъ крестьянъ предполагаютъ выписать иконы въ память чудеснаго избавленія ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА отъ угрожавшей опасности.

»Такъ какъ житомирское русское общество и волостные старшины съ крестьянами ближайшихъ селеній заявили желаніе соорудить въ г. Житомирѣ въ память этого событія общую, по подпискѣ, отъ губерніи часовню, а нѣкоторыя сельскія общества житомирскаго уѣзда уже пожертвовали на сей предметъ по 15 коп. съ души, то я прошу Васъ, Милостивый Государь, поставивъ въ извѣстность подвѣдомственныя Вамъ лица и сельскія общества, о предполагаемомъ сооруженіи часовни въ г. Житомирѣ, объяснить имъ, что желательнѣе было бы обратить жертвуемыя деньги въ общій капиталъ на сооруженіе часовни, за воспослѣдованіемъ по настоящему предмету испрашиваемаго мною Высочайшаго соизволенія; о чемъ, въ свое время, будетъ опубликовано.«

Одновременно съ этимъ, губернаторъ писалъ къ уѣзднымъ исправникамъ слѣдующее:

»Житомирское русское общество и волостные старшины съ крестьянами ближайшихъ селеній, послѣ благодарственнаго молебствія за спасеніе драгоцѣнной жизни ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА отъ угрожавшей ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ опасности въ Парижѣ, заявили желаніе соорудить въ г. Житомирѣ въ память событія общую, по подпискѣ, отъ губерніи часовню и тутъ же дѣлу этому дали начало.«

»Получивъ свѣдѣніе, что нѣкоторые изъ служащихъ лицъ въ губерніи, движимые чувствами вѣрноподданнической преданности къ ГОСУДАРЮ, предположили выписать иконы, для поставленія ихъ въ церквахъ, въ память чудеснаго избавленія возлюблен-

наго МОНАРХА отъ руки злодѣя, я прошу Ваше Высокоблагородіе объявить чиновникамъ ввѣреннаго Вамъ уѣзда, православнаго исповѣданія, что, за полученіемъ Высочайшаго соизволенія, желательно было бы немедленно приступить къ сооруженію часовни въ г. Житомирѣ, какъ памятника, могущаго увѣковѣчить событіе 25-го мая и обратить жертвуемыя деньги въ общій капиталъ, образующійся по подпискѣ на этотъ предметъ.«

Дѣятельность губернатора не ограничилась означенными циркулярами. Увѣренный въ безпредѣльной готовности крестьянъ принести посильную лепту на всякое патріотическое предпріятіе, но желая, чтобы эти приношенія происходили совершенно добровольно безъ всякаго вмѣшательства властей, онъ, циркулярно, сообщилъ предсѣдателямъ мировыхъ съѣздовъ слѣдующее:

»До свѣдѣнія моего дошло, что нѣкоторые гг. мировые посредники, вслѣдствіе писемъ моихъ на имя гг. предсѣдателей мировыхъ съѣздовъ, отъ 7-го іюня № 1542, считаютъ обязательнымъ требовать отъ крестьянъ по 15 копѣекъ съ души, на сооруженіе часовни въ городѣ Житомирѣ, въ память чудеснаго избавленія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА отъ угрожавшей ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ опасности въ Парижѣ.

»Имѣя въ виду, что пожертвованіе, по самому значенію своему, должно быть дѣйствіемъ совершенно добровольнымъ, чуждымъ всякаго сторонняго вліянія, особенно, лица, облеченнаго властію, я прошу Ваше Высокоблагородіе поставить объ этомъ въ извѣстность гг. мировыхъ посредниковъ, объяснивъ имъ, что настояніе съ ихъ стороны о пожертвованіи крестьянами какой бы то ни было опредѣленной цифры противно не только сдѣланному съ моей стороны приглашенію, но и цѣли, для которой приношенія предназначаются, и что гг. посредникамъ слѣдуетъ только поставить крестьянъ въ извѣстность о предполагаемомъ сооруженіи часовни въ г. Житомирѣ на добровольныя приношенія отъ православныхъ лицъ всей губерніи и, за тѣмъ, пригласить къ обращенію на этотъ предметъ тѣхъ суммъ, которыя собраны уже крестьянами на выписку, въ память означеннаго событія, иконъ и другихъ вещественныхъ знаковъ безпредѣльной преданности ихъ къ Августѣйшему Государю—Освободителю.«

7-го августа 1867 г., Кіевскій, Подольскій и Волынскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ А. П. Безакъ увѣдомилъ волынскаго губернатора, что предположеніе житомирскаго русскаго общества и волостныхъ старшинъ, ближайшихъ селеній о сооруженіи въ Житомирѣ часовни, сообщено, по Высочайшему повелѣнію, оберъ-прокурору Св. Сунода.

Православный волынскій епископъ Агаѳангелъ, отношеніемъ отъ 17-го октября того же 1867 года, увѣдомляя губернатора, о томъ, что оберъ-прокуроръ Св. Сунода, во исполненіе Высочайшаго повелѣнія, ходатайство житомирскаго русскаго общества и волостныхъ старшинъ ближайшихъ селеній о разрѣшеніи соорудить въ Житомирѣ, по подпискѣ отъ губерніи, часовню въ память событія 25-го мая сего года, сообщилъ ему для зависящаго распоряженія,—просилъ о присылкѣ къ нему плана часовни для преподанія благословенія на сооруженіе оной.

По полученіи этого увѣдомленія, губернаторъ писалъ предсѣдателямъ мировыхъ съѣздовъ:

»Получивъ окончательное разрѣшеніе на постройку часовни въ городѣ Житомирѣ, въ память чудеснаго избавленія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА отъ угрожавшей Его Величеству опасности въ Парижѣ 25 мая 1867 года, и увѣдомляя объ этомъ Ваше Высокоблагородіе, въ дополненіе къ письму отъ 7-го прошлаго іюня, покорнѣйше прошу Васъ ускорить, по возможности, передачею въ мою канцелярію пожертвованныхъ денегъ,—такъ какъ въ настоящее время, за полученіемъ означеннаго разрѣшенія, необходимо приступить къ составленію смѣты и заготовленію необходимыхъ матеріаловъ.«

Пока происходила переписка, изъ коей мы привели выше нѣкоторые факты, русскіе обитатели Волыни, подъ вліяніемъ патріотическаго чувства, сносили пожертвованія.

Сообщаемъ списокъ лицамъ, подписавшимся въ Житомирѣ.

Генералъ-маіоръ фонъ-Галлеръ	100 руб.
Князь Имеретинскій - - - -	200
Вице-губернаторъ Плачковскій	25
Елена Щербакова - - - - -	10
Анна Щербакова - - - - - - -	10
Управляющій акцизными сборами Щербаковъ - - - -	100
Скуратовъ - - - - - - - -	10
Корпуса жандармовъ подполковникъ Иваницкій - - - -	10
Старшій совѣтникъ губернскаго управленія Торбургъ - - -	15
Предсѣдатель мироваго съѣзда Кобылинъ - - - - - -	15
А. И. фонъ-Галлеръ - - - -	100
Мировой посредникъ Гловачевскій - - - - - - - - -	20
Начальникъ житомирской жандармской команды, штабсъ-капитанъ Устиновъ - - -	5
Нижніе чины житомирской жандармской команды - - -	10
Губернскій почтмейстеръ Спекторскій - - - - - - -	20
Членъ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ Хохули - -	10
Директоръ Ростовцевъ - - - -	15
Полиціймейстеръ Лебедевъ - -	5
Чиновникъ Багриновскій - -	3
Николай Шигаринъ - - - -	5
Мировой посредникъ староконстантиновскаго уѣзда Раппъ	15
Мировой посредникъ баронъ Врангель - - - - - -	10
Ѳ. И. Подвысоцкій - - - - -	3
В. Омелянскій - - - - - -	5
Ѳ. Кошаровскій - - - - - -	5
К. Стрижкевичъ - - - - - -	3
В. Волотовъ - - - - - - - -	3 руб.
Акаемовъ - - - - - - - - -	3
Н. И. Кушевичъ - - - - - -	3
И. Куликовскій - - - - - -	3
Баронъ Бутлеръ - - - - - -	10
А. Захаровъ - - - - - - -	5
Варвара Лебедева - - - - -	5
Александръ Козаревичъ - - -	10
Маргарита Казаревичъ - - -	10
Лидія Козаревичъ - - - - -	10
Денисенко - - - - - - - -	5
Парошкевичъ - - - - - - -	5
Чернацкій - - - - - - - -	5
Скойбеда - - - - - - - - -	1
Янкевичъ - - - - - - - - -	1
А. Цыхъ - - - - - - - - -	2
Чомаковъ - - - - - - - - -	2
Лобоцкій - - - - - - - - -	1
Злотаревичъ - - - - - - - -	2
Адамъ Пашинскій - - - - -	2
Александръ Пашинскій - - -	1
Назимовъ - - - - - - - - -	10
Коллежскій совѣтникъ Козловскій	5
И. д. помощника полиціймейстера Левицкій - - - -	5
Секретарь городской полиціи Карпинскій - - - - - - -	3
Муравьева - - - - - - - -	10
И. Муравьевъ - - - - - - -	26
Надв. сов. Александръ Пряcловъ, смотр. провіантск. магазина	3
Уѣздный стряпчій Макухинъ -	2
Житомирскій градской врачъ Стишинскій - - - - - - -	3
Штабъ-лекарь, надворный совѣтникъ Лавровъ - - - - - -	2
Чиновникъ особыхъ порученій Бѣленко - - - - - - - -	3

Состоящій за адъютанта при волынскомъ жандармскомъ управленіи, прапорщ. Ушаковъ	3 руб.
Михаилъ Озеровъ	2
Константинъ Щукинъ	3
А. Лященко	1
Е. Щукина	1
Лотоцкій	1
Жандармскій *штабъ офицеръ* Яновъ	10
Э. Д. фонъ-Миквицъ	5
Афендикъ	1
О. Артиновъ	5
Я. Муравьевъ	10
Е. Журавлевъ	10 руб.
К. Ляшковъ	25
А. Ляшкова	25
М. Почининъ	25
И. Хоботинъ	25
Сокоревичъ	1
Сипаловъ	— 50 к.
Директоръ раввинскаго училища	20 р. 50 к.
Управляющій волынской контрольной *палатой* и другіе чинов. оной	148
Начальница, препод. и учен. женской гимназіи	33 р. 10 к.

Вскорѣ за тѣмъ прислали пожертвованія:

Изъ м. Почаева, православный епископъ Агаѳангелъ - - - - 100 руб.

Изъ острожскаго уѣзда, графиня А. Д. Блудова - - - - - - 10

Изъ владимірскаго уѣзда, священникъ с. Грибовицы отъ себя и собранныя имъ отъ лицъ духовнаго званія - - - - - - - - - - 15

Пожертвованія собранныя въ уѣздахъ, присланы слѣдующими лицами:

Уѣздными исправниками, съ пожертвованными деньгами лицами разныхъ сословій

Житомирскій	67 р.	59 1/2 к.
Овручскій	114 р.	45
Луцкій	24 р.	71
Кременецкій	117	49
Заславскій	100	10 3/4
Ровенскій	87	36
Владимірскій	76	60
Староконстантиновскій	49	
Острожскій	65	25

Мировыми посредниками, съ деньгами пожертвованными крестьянами:

1 уч. житомирскаго уѣзда	127 р.	97
2 уч. житомирскаго уѣзда	577	
3 уч. житомирскаго уѣзда	467	75
4 уч. житомирскаго уѣзда	366	12 1/2
5 уч. житомирскаго уѣзда	140	5
1 уч. староконстантин. уѣзда	200	2 1/2
2 уч. староконстантин. уѣзда	137	
4 уч. староконстантин. уѣзда	17	
1 уч. дубенскаго уѣзда	70	
2 уч. дубенскаго уѣзда	50	
4 уч. дубенскаго уѣзда	12	3 1/2
1 уч. острожскаго уѣзда	535	8 1/2
2 уч. острожскаго уѣзда	423	65
3 уч. острожскаго уѣзда	125	70
4 уч. острожскаго уѣзда	662	20
1 уч. заславскаго уѣзда	78	20
2 уч. заславскаго уѣзда	67	
4 уч. заславскаго уѣзда	170	52
1 уч. овручскаго уѣзда	220	99
2 уч. овручскаго уѣзда	130	4
3 уч. овручскаго уѣзда	129	81 1/2
1 уч. луцкаго уѣзда	199	22 1/2
2 уч. луцкаго уѣзда	70	46
3 уч. луцкаго уѣзда	289	67 1/2
4 уч. луцкаго уѣзда	191	65
1 уч. ровенскаго уѣзда	48	35
2 уч. ровенскаго уѣзда	11	75
3 уч. ровенскаго уѣзда	151	77
4 уч. ровенскаго уѣзда	295	41 к.
1 уч. кременецкаго уѣзда	92	7
2 уч. кременецкаго уѣзда	87	56
3 уч. кременецкаго уѣзда	197	
4 уч. кременецкаго уѣзда	112	12 1/2
1 уч. владимірскаго уѣзда	188	10
2 уч. владимірскаго уѣзда	167	
3 уч. владимірскаго уѣзда	22	64 1/2
4 уч. владимірскаго уѣзда	10	
5 уч. владимірскаго уѣзда	60	58 к.
1 уч. ковельскаго уѣзда	150	8
2 уч. ковельскаго уѣзда	141	3
3 уч. ковельскаго уѣзда	100	31 1/2
4 уч. ковельскаго уѣзда	162	41 1/2
1 уч. новоградволынск. уѣзда	366	
4 уч. новоградволынск. уѣзда	219	85 1/2
5 уч. новоградволынскаго уѣзда	79 р.	72 к.

Сверхъ этого предсѣдателями заславскаго мироваго съѣзда 135 руб. 77 коп. и овручскаго - - - - - - - - - - - - - - - - 36 руб.

Такимъ образомъ сумма пожертвованій по 5-е марта 1868 года простиралась до 10,274 руб. 79³/₄ коп.

Заканчивая на этомъ извлеченіе изъ переписки по дѣлу о построеніи часовни, отрадно припомнить, что взрывъ патріотизма, охватившій всѣ сословія русскихъ жителей Волыни, трогательнымъ образомъ выражался въ средѣ крестьянскаго населенія. Крестьяне, по полученіи извѣстія о подпискѣ на часовню, не дожидаясь отъ своего начальства внушеній или толкованій, тотчасъ дѣлали приговоры о пожертвованіяхъ. Мы не помѣщаемъ текста самыхъ приговоровъ потому, что это заняло бы много мѣста, но во всѣхъ этихъ приговорахъ, простою безискуственною рѣчью изливались чувства неподдѣльной преданности крестьянъ къ Царю-Освободителю.

IV.

Подробности о парижскомъ событіи 25-го мая, сообщенныя французскими и другими иностранными газетами и парижскими корреспондентами русскихъ газетъ.—Первоначальныя показанія преступника Березовскаго.

Едва разнеслась потрясающая вѣсть о злодѣйскомъ покушеніи въ столицѣ Франціи на жизнь ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, всѣ газеты Европы заговорили объ этомъ страшномъ событіи.

Предѣлы нашей брошюры не дозволяютъ привести и сотой доли извѣстій, которыми переполнены періодическія изданія того времени. Ограничимся выборомъ извѣстій, яснѣе и правдивѣе обрисовывающихъ происшествіе.

Въ »Gasette des Tribunaux« были сообщены слѣдующія подробности покушенія на жизнь ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА: »Въ пять часовъ, по окончаніи парада, Императоръ Наполеонъ и Августѣйшіе гости сѣли въ коляску, чтобы вернуться въ Парижъ. Поѣздъ тронулся въ слѣдующемъ порядкѣ: въ первой коляскѣ сидѣли Императоръ Наполеонъ и ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ, насупротивъ Ихъ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ и Великій Князь Владиміръ Александровичъ. Король Прусскій съ сыномъ своимъ сидѣли во второй коляскѣ. Въ ту минуту какъ первая коляска проѣзжала близь большаго каскада, между сплоченными рядами зрителей, дозволявшими ей ѣхать только шагомъ, изъ толпы отдѣлился молодой человѣкъ, быстро приблизился къ экипажу, распахнувъ жилетъ, вынулъ оттуда двухствольный пистолетъ и выстрѣлилъ въ коляску. Одинъ изъ шталмейстеровъ Императора Наполеона, г. Рембо, замѣтившій движеніе убійцы, пришпорилъ лошадь и всталъ между нимъ и Государями. Пуля прошла сквозь ноздри лошади, проскользнула между Императорами и Великими Князьями и ранила женщину, стоявшую въ первомъ ряду по другую сторону коляски. Разстояніе было такъ близко, что кровь лошади брызнула на ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и Государя Наслѣдника, вторая пуля осталась въ стволѣ пистолета, который разорвало въ рукахъ убійцы. Убійца, сбитый съ ногъ и схваченный, съ трудомъ былъ отнятъ живымъ тремя полицейскими изъ рукъ толпы, требовавшей его смерти. Въ ту же минуту громкіе крики: »Да здравствуетъ Императоръ! Да здравствуетъ Царь!« раздались со всѣхъ сторонъ. Коляски не остановились ни на минуту, и оба государя, спокойствіе и хладнокровіе которыхъ не измѣнили имъ ни на одну секунду, приказали ѣхать далѣе шагомъ. Убійцу подняли почти безъ чувствъ: разрывъ

пистолета раздробилъ ему большой палецъ на лѣвой рукѣ. Только черезъ часъ онъ пришелъ совершенно въ себя. Когда его привели въ зданіе префектуры, а врачъ, осмотрѣвъ его рану, перевязалъ ему руку, префектъ полиціи снялъ съ него допросы. По словамъ его, онъ прибылъ въ Парижъ изъ Бельгіи, два дня тому назадъ, съ намѣреніемъ покуситься на жизнь **ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА.** Наканунѣ только купилъ онъ пистолетъ, который послужилъ ему для покушенія. Вечеромъ императорскій прокуроръ и слѣдственный судья Гопе начали слѣдствіе.«

Въ газетѣ »France« пишутъ: »Виновный въ покушеніи на жизнь Императора Всероссійскаго помѣстился близь фонтана въ Булонскомъ лѣсу, тамъ, гдѣ толпа была гуще, разсчитывая, что здѣсь можно цѣлиться вѣрнѣе, по причинѣ медленнаго движенія императорскаго поѣзда. Къ счастію, г. Бургуанъ, распоряжавшійся поѣздомъ, рѣшился перемѣнить направленіе и взять вправо, видя, что въ аллеѣ, съ лѣвой стороны, собралась слишкомъ густая толпа народа. Тогда убійца прошелъ лѣсомъ къ императорскому экипажу и выстрѣлилъ на разстояніи пяти шаговъ. По крайней мѣрѣ, онъ самъ такъ показываетъ. Но свидѣтели-очевидцы утверждаютъ, что онъ неподвижно ждалъ на мѣстѣ преступленія нѣсколько времени проѣзда экипажа, что заставляетъ предполагать, что у него были сообщники. Когда преступникъ промахнулся, императоръ Наполеонъ поднялся съ мѣста и замахалъ шляпою, въ знакъ того, что всѣ невредимы. Толпа разразилась неумолкаемымъ крикомъ радости, въ которомъ слились восклицанія: »Да здравствуетъ Императоръ! Да здравствуетъ Русскій Царь!« Оба Государя выказали замѣчательное присутствіе духа. Между тѣмъ г. Бургуанъ, услыхавъ выстрѣлъ и не зная въ чемъ дѣло, вообразилъ, что это дѣйствуетъ адская машина и далъ знакъ поѣзду двинуться быстрѣе, такъ что лошади понесли вскачь. **ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ** имѣлъ минуту невыразимой тревоги, увидя Наслѣдника Цесаревича забрызганнаго кровью, но это была кровь раненной лошади шталмейстера, ѣхавшаго подлѣ императорскаго экипажа. Народъ хотѣлъ тутъ же повѣсить на деревѣ виновника покушенія«.

Въ »Кельнской Газетѣ« пишутъ: »Когда въ Булонскомъ лѣсу раздался пистолетный выстрѣлъ, то окружающая группа напала на виновнаго и хотѣла убить его. Но рослый полицейскій загородилъ его своимъ тѣломъ, говоря: »Laissez faire justice« (предоставьте дѣйствовать правосудію). На помощь подскакали конный муниципальный гвардеецъ, офицеръ и одинъ трубачъ. Убійца былъ блѣденъ, какъ мертвецъ; одежда на немъ была изодрана схватившими его людьми, такъ что онъ былъ почти нагъ. Лѣвый рукавъ пальто былъ оторванъ и позволялъ видѣть его окровавленную руку. Одна женщина была ранена и у одного мальчика было въ крови ухо. Сцена представляла величайшее смятеніе. Слышались крики: »Да здравствуетъ Императоръ!« Женщины и дѣти плакали и громко кричали. Эта сцена продолжалась около шести минутъ. Полагаютъ, что Березовскому удалось бы скрыться, но онъ не считалъ этого возможнымъ. На преступникѣ была черная фуражка. Ему только что выдали изъ префектуры денежное пособіе въ 30 фр., на которые онъ и купилъ пистолетъ, стоившій 9 франк. Первыя слова его были, когда его привели къ префекту полиціи Піетри: »Благодарю вашихъ агентовъ: безъ нихъ меня бы растерзали». Хотя въ заговоръ не вѣрятъ, однако въ Булонскомъ лѣсу произведены измѣренія, чтобы убѣдиться, возможно ли было одному человѣку успѣть прійти изъ Лоншана къ фонтану, къ проѣзду императорскихъ экипажей. Опасаются, не было ли соучастниковъ убійства. До сихъ поръ призвано семь свидѣтелей

полковникъ Лалеманъ, двое полицейскихъ, раненая женщина и двое рабочихъ, также задѣтыхъ осколками. Березовскаго отправили въ мазазскую тюрьму. Онъ совершенно спокоенъ. Въ султанъ на каскѣ ИМПЕРАТОРА Всероссійскаго попалъ кусочекъ свинца. Оба Государя и Великіе Князья были сильно взволнованы и обнялись, узнавъ, что всѣ они остались не вредимы. Березовскій участвовалъ 16-ти лѣтъ въ польскомъ возстаніи. Онъ разошелся съ отцемъ, за то, что тотъ, держалъ сторону русскаго правительства«. *).

Въ той же газетѣ »La France« пишутъ: »Нѣкоторыя изъ лицъ свиты ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА, подъ вліяніемъ первой минуты смятенія, выражали желаніе о немедленномъ возвращеніи въ Россію, но ИМПЕРАТОРЪ рѣшительно объявилъ, что не сократитъ своего пребыванія ни на часъ и не измѣнитъ ничего въ росписаніи своего путешествія«.

»Какъ только Императрица Евгенія узнала о покушеніи на жизнь ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА, то она пріѣхала въ Елисейскій дворецъ, чтобы выразить свое сочувствіе Августѣйшему Гостю Франціи и Императора Наполеона. ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ былъ глубоко тронутъ этимъ заявленіемъ со стороны Императрицы.«

»Съ 6 часовъ вечера слухъ о покушеніи разнесся по Парижу. Всѣ съ жадностью вслушивались въ подробности, всѣми овладѣло смятеніе, ужасъ, негодованіе. Тотчасъ же множество лицъ явилось записывать свои имена въ Тюльерійскомъ и Елисейскомъ дворцахъ, для заявленія своего сочувствія. На другой день еще пріемныя залы Елисейскаго дворца, биткомъ набитыя народомъ, не въ состояніи были вмѣстить толпу, явившуюся протестовать противъ гнуснаго покушенія, отъ имени французскаго народа. ИМПЕРАТОРЪ Всероссійскій и Прусскій Король прибыли въ 6 часовъ вечера къ Императору Наполеону. Оба Императора были совершенно спокойны; на лицахъ ихъ не было слѣдовъ волненія. Въ Тюльери собралось уже многочисленное собраніе. Государственный министръ Руэ, министръ внутреннихъ дѣлъ маркизъ Лавалеттъ, военный министръ маршалъ Ніель, министръ юстиціи Барошъ, министръ двора маршалъ Вальямъ и другіе высокіе сановники, сенаторы, депутаты явились къ Императору. Принцесса Матильда, герцогиня Муши, принцъ и принцесса Мюратъ также собрались у Императора Наполеона.

Великая княгиня Марія Николаевна, узнавъ объ опасности, которой подвергся ея августѣйшій братъ, поспѣшила въ Елисейскій дворецъ съ понятнымъ волненіемъ и успокоилась только тогда, когда увидѣла ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, вышедшаго къ ней на встрѣчу.«

»Вернувшись въ Елисейскій дворецъ, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ приказалъ представить себѣ шталмейстера Императора Наполеона, г. Рембо. Онъ передалъ ему знаки ордена Св. Станислава со звѣздою, сказавъ, что, вѣроятно, обязанъ ему спасеніемъ своей жизни и что никогда не забудетъ этого.«

Въ газетѣ »France« находятся еще слѣдующія свѣдѣнія о покушеніи въ Булонскомъ лѣсу:—»Одинъ изъ тѣхъ фанатиковъ, которымъ не прикрыть политическими страстями своего истиннаго званія убійцъ, выстрѣлилъ, въ Булонскомъ лѣсу, почти въ упоръ въ экипажъ, въ которомъ сидѣли рядомъ ИМПЕРАТОРЪ Всероссійскій и Императоръ французовъ. Но Провидѣніе не допустило до осуществленія гнуснаго замысла и оба Государя остались невредимы. Вся Франція откликается на горестное негодованіе парижскаго населенія, которое едва допустило, чтобы убійца былъ переданъ живой судебной власти.

*) Это не вѣрно.

Къ счастію, виновный въ этомъ преступленіи не французъ, а человѣкъ, злоупотребившій нашимъ гостепріимствомъ, которымъ и самъ онъ пользовался. Взрывъ негодованія публики есть первое наказаніе за слѣпой фанатизмъ, вредящій собственному дѣлу. Воздадимъ благодареніе Богу, за то, что Онъ предохранилъ насъ отъ несчастія видѣть убитымъ на французской землѣ ГОСУДАРЯ, прибывшаго къ намъ съ полнымъ довѣріемъ. Возблагодаримъ Его, что Онъ спасъ въ тоже время и государя Франціи, предохранивъ насъ отъ величайшаго позора и отъ величайшихъ бѣдствій. Единодушныя рукоплесканія публики равно относились къ обоимъ Государямъ, чудесно избавленнымъ отъ одной общей опасности. Этотъ случай, соединившій ихъ въ бѣдѣ и въ радости, послужитъ новою связью между ними».

По поводу покушенія на жизнь ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, въ «Крестовую Газету» пишутъ изъ Парижа:—»Невозможно описать, какое впечатлѣніе произвелъ этотъ случай на толпы публики, когда вѣсть о немъ молніею облетѣла улицы. Многіе заплакали при мысли о позорѣ, которымъ фанатическій полякъ запятналъ французское гостепріимство. Узнавъ, что ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО невредимъ, публика возблагодарила Провидѣніе. Это чудовищное безумство находится, однако, въ связи съ безчинствами, которыя позволяли себѣ нѣкоторыя отдѣльныя личности передъ тѣмъ, и съ безтакностью нѣкоторыхъ газетъ.«

Въ »Сѣверо-германской Газетѣ« пишутъ по поводу событія 25-го мая: »Это происшествіе не оставило, по счастію, другаго послѣдствія, кромѣ благодарности Божественному Промыслу, спасшему МОНАРХА и чувства сожалѣнія при воспоминаніи о томъ, что даже самое милосердіе ИМПЕРАТОРА Всероссійскаго не могло обезоружить польскаго фанатизма, который не уважаетъ даже права гостепріимства, на той почвѣ, гдѣ выходцы постоянно находили себѣ пріютъ«.

Парижскій корреспондентъ »Кельнской газеты« пишетъ: »Такъ какъ, несмотря на покушеніе 25-го мая, въ программѣ празднествъ ничего не было измѣнено, и весь дворъ въ этотъ день отправился на балъ въ русскомъ посольствѣ, то почти весь личный составъ полиціи поставленъ былъ на ноги. На всѣхъ пунктахъ, по которымъ только могли проѣзжать августѣйшіе гости, находилось безчисленное множество полицейскихъ агентовъ, какъ въ формѣ, такъ и переодѣтыхъ. На той части улицы Гренелль, гдѣ находится домъ русскаго посольства, было прекращено сообщеніе для публики. Въ прилежащихъ улицахъ публикѣ не позволяли останавливаться. Впрочемъ народу въ этихъ мѣстахъ было очень мало. Публика боялась, конечно, не новаго покушенія, а столкновенія съ полиціею, которая обращалась съ ней не совсѣмъ вѣжливо«.

»Императоръ Наполеонъ сказалъ, послѣ покушенія, Императору Всероссійскому: —Мы вмѣстѣ были въ огнѣ; теперь мы братья по оружію.—

»26 мая (7 іюня), утромъ въ 12 часовъ, императоръ Наполеонъ потребовалъ къ себѣ шталмейстера Рембо, обнялъ его и пожаловалъ ему знаки ордена почетнаго легіона«.

Г. Аллеманъ, жандармскій полковникъ, присутствовавшій при проѣздѣ Государей въ качествѣ зрителя, и видѣвшій какъ убійца вынималъ пистолетъ изъ кармана, первый схватилъ его и вырвалъ изъ рукъ народа. Фамилія раненой женщины г-жа Лабори;

она жена генеральнаго совѣтника Тарнскаго департамента. Пуля скользнула по ея виску. Рана не опасна. Лошадь шталмейстера Рембо околѣла въ ту же ночь отъ полученной ею раны.

Въ минуту покушенія на жизнь ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА, въ библіотекѣ Луврскаго дворца вспыхнулъ пожаръ; но къ счастью былъ во время замѣченъ и потушенъ.

Парижскій корреспондентъ газеты »Indépendance belge пишетъ: »Несмотря на увѣренія преступника, что у него нѣтъ сообщниковъ, нѣкоторыя обстоятельства заставляютъ думать, что сообщники у него были. Коляска, въ которой ѣхали оба Монарха, не могла, по случаю слишкомъ большаго стеченія народа, проѣхать по той аллеѣ, по которой предполагалось и должна была слѣдовать по такой дорогѣ, гдѣ ее не ожидали; слѣдовательно убійцы должны были разсѣяться по всѣмъ пунктамъ, гдѣ только могъ проѣхать поѣздъ, такъ какъ одинъ и тотъ же человѣкъ не могъ такъ скоро перейти съ одного мѣста на другое. Говорятъ даже, что нѣкоторыя лица, бросившіяся на преступника, повидимому съ остервененіемъ и намѣреніемъ растерзать его, въ сущности имѣли въ виду спасти его, что и принудило нѣкоторыхъ полицейскихъ сержантовъ обнажить сабли. Впрочемъ, самъ преступникъ показываетъ, что онъ перебѣжалъ съ одного мѣста на другое, а плохое оружіе подтверждаетъ мысль о томъ, что онъ дѣйствительно дѣйствовалъ безъ соучастниковъ. Несмотря на это, аресты все таки произведены. Послѣ краткой успокоительной рѣчи императора Наполеона къ народу, коляскѣ приказано было ѣхать. Лошадь, защитившая собою Монарховъ, и опасно раненная (другіе говорятъ, что она уже пала), угрожала всаднику сбросить его, а потому герцогъ Николай Максимиліановичъ Лейхтенбергскій посадилъ его въ свой экипажъ. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ вспомнилъ при этомъ, что герцогъ Николай Максимиліановичъ Лейхтенбергскій присутствовалъ и при покушеніи 4 апрѣля, и прибавилъ, что онъ закажетъ для него свой портретъ въ томъ мундирѣ, въ которомъ онъ былъ на торжествѣ, происходившемъ наканунѣ. Г. Рембо, шталмейстеръ Императора Наполеона, разсказывалъ послѣ, что онъ видѣлъ человѣка съ поднятыми къ верху руками, бѣгущимъ къ Императорской коляскѣ, и подумалъ, что онъ хочетъ подать какую нибудь просьбу Государю. Человѣкъ этотъ толкнулъ его лошадь, которая, въ слѣдствіе этого, сдѣлала прыжокъ прямо къ нему, и только что поравнялась съ нимъ, какъ тотъ и выстрѣлилъ. Выстрѣлъ былъ довольно силенъ. Лошадь Рембо, раненая въ голову, закачалась и кровь животнаго брызнула въ коляску. На допросѣ Березовскаго прежде всего спросили о его національности; онъ очень твердо назвалъ себя полякомъ и безъ малѣйшаго колебанія разсказалъ о мѣстѣ своего рожденія. Его спросили: «Какъ вы могли рѣшиться выстрѣлить въ ГОСУДАРЯ, бывшаго гостемъ пріютившаго васъ правительства»?—»Это правда,—отвѣчалъ Березовскій,—я сознаюсь, что совершилъ передъ Франціею великое преступленіе«,—и залился слезами. «Стрѣляя въ ЦАРЯ вы могли попасть въ Императора Наполеона?»—«О, нѣтъ! польская пуля не можетъ ошибиться такъ жестоко: она должна была прямо попасть въ Царя».—Послѣ этого отвѣта, свидѣтельствующаго о фанатизмѣ, который подвигнулъ его на преступленіе, Березовскій долго молчалъ. Находившійся при допросѣ шефъ жандармовъ, генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ сдѣлалъ ему нѣсколько вопросовъ на русскомъ, на польскомъ и на французскомъ языкахъ. Онъ распрашивалъ его о его про-

шедшей жизни, и Березовскій отвѣчалъ, что онъ съ шестнадцати лѣтъ принималъ участіе въ возстаніи, но что два года тому назадъ совершенно оставилъ свое семейство.— »Не поддерживали ли вы однако переписки съ вашимъ отцомъ«?—»Нѣтъ я ему никогда не писалъ, а когда я прощался съ нимъ, то онъ сказалъ мнѣ, что онъ проклянетъ меня, если я снова буду замѣшанъ въ революціи«. За тѣмъ Березовскій, показаніе котораго будетъ, разумѣется, провѣрено, объявлялъ нѣсколько разъ, и притомъ совершенно спокойно, что онъ никому не сообщилъ о своемъ намѣреніи, «боясь измѣны». Преступникъ, какъ извѣстно, раненъ въ руку. Раненая рука его, обложенная въ корпію, постоянно лежитъ въ тазу съ водою, которая перемѣняется каждый часъ. Онъ очень спокоенъ, и притомъ, какъ по всему видно, человѣкъ весьма развитой. Прежде чѣмъ подписывать допросные пункты и отвѣты, онъ весьма внимательно перечиталъ ихъ и не оставилъ безъ вниманія даже приписку о томъ, что найденный на мѣстѣ преступленія пистолетъ, есть именно то оружіе, которымъ былъ сдѣланъ выстрѣлъ, при чемъ предложилъ выраженіе найденный (retrouvé) замѣнить словомъ поднятый. Въ стволѣ пистолета, разорванномъ около казенной части, найдена еще одна пуля«. *).

Затѣмъ, обращаемъ вниманіе читателя на слѣдующую корреспонденцію московскихъ вѣдомостей. **).

»Телеграфъ принесъ уже вамъ печальное извѣстіе о покушеніи, сдѣланномъ на жизнь ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. Вотъ подробности этого ужаснаго дѣла. Смотръ былъ за Булонскимъ лѣсомъ въ Longchamps. Возвращаясь со смотра ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ ѣхалъ въ четверомѣстной коляскѣ, сидя рядомъ съ императоромъ Наполеономъ; противъ ГОСУДАРЯ сидѣлъ Наслѣдникъ Цесаревичъ; противъ Наполеона III— Великій Князь Владиміръ Александровичъ. По заведенному здѣсь обычаю, по бокамъ экипажа ѣхали верхомъ дежурные шталмейстеры: со стороны ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА— ѣхалъ г. Бургуанъ, со стороны императора Наполеона г. Рембо. Толпа, возвращавшаяся со смотра, окружала экипажи и мѣшала имъ двигаться впередъ; подъѣхавъ къ Café de la Cascade, поѣздъ Ихъ Величествъ встрѣтилъ особенно большое стеченіе толпы и повернулъ влѣво, чтобъ объѣхать по боковой аллеѣ и выѣхать на большую аллею ближе къ Парижу. Когда экипажъ повернулъ противъ кофейни, то раздался выстрѣлъ изъ пистолета, попавшій прямо въ голову лошади г-на Рембо, ибо выстрѣлъ раздался съ той стороны, съ которой сидѣлъ Наполенъ III. Лошадь мотнула головой; брызги крови полетѣли въ карету и обагрили лицо Великаго Князя Владиміра Александровича. У убійцы былъ двухствольный пистолетъ Lefouché; вслѣдъ за первымъ выстрѣломъ раздался второй, но это былъ разрывъ пистолета, которымъ у убійцы оторвало два пальца. Общій крикъ негодованія раздался вокругъ экипажа, и толпа бросилась на убійцу, который хладнокровно поднялъ руки, желая спасти себя, закричалъ: »Vive l'Empereur de Russie«! Но толпа не вдалась въ обманъ и готова была бы разорвать на части убійцу, еслибы тутъ не подоспѣлъ жандармскій полковникъ г. Алеманъ, который прикрылъ собою преступника и объявилъ, что онъ принадлежитъ правосудію. Тѣмъ не менѣе толпа успѣла разорвать въ куски всю его одежду такъ, что онъ почти голый попалъ въ руки полиціи, посадившей его въ первую попавшуюся извощичью карету, изъ которой высадили

*) Смотр. Вечерн. Газет. 1867 г., № 121.

**) Смотр. Московск. Вѣдомост. 1867 г., № 119.

двухъ дамъ. Толпа разнесла клумбу растеній, предъ которою стоялъ преступникъ, такъ, что на этомъ мѣстѣ не осталось ни одного куста. Затѣмъ толпа бросилась съ восторженными криками вслѣдъ за коляской, въ которой сидѣли Императоры. Король Прусскій, ѣхавшій съ Императрицей Евгеніей на разстояніи четверти часа сзади первой кареты, узналъ объ этомъ событіи только въ Тюльерійскомъ дворцѣ; когда онъ проѣзжалъ мимо мѣста, гдѣ было совершено преступленіе, не оставалось ни малѣйшаго слѣда совершившагося. Неожиданный выстрѣлъ въ мѣстѣ, гдѣ никакъ не могли думать о проѣздѣ ГОСУДАРЯ, падаетъ поводъ думать, что убійцъ было нѣсколько и что они были разсыпаны въ различныхъ мѣстахъ, по которымъ слѣдовалъ Императорскій поѣздъ. Въ газетѣ Figaro говорятъ, что на самомъ полѣ, гдѣ былъ смотръ, замѣтна была толпа изъ семи или восьми поляковъ, говорившихъ между собою съ особою горячностью.

»Въ толпѣ были ранены женщина и какой-то мальчикъ. Преступникъ назвалъ себя уроженцемъ Волынской губерніи, Березовскимъ; онъ молодой человѣкъ, жившій въ послѣднее время безъ занятій въ Парижѣ и получившій, не далѣе какъ во вторникъ, изъ префектуры парижской полиціи въ видѣ исключенія субсидію въ тридцать франковъ. Французскія газеты прямо говорятъ, что онъ воспользовался этими деньгами, чтобы купить пистолетъ. Въ тотъ же день ему сдѣлали два допроса, изъ коихъ первый держали генеральный прокуроръ г. де-Гоне и префектъ полиціи г. Пьетри; на допросѣ этомъ онъ благодарилъ полицію, которая спасла его отъ вѣрной смерти, ибо толпа готова была растерзать его. При второмъ допросѣ были гг. Барошъ, Руэръ, Пьетри, де-Гоне и графъ Шуваловъ. Всѣ проѣзжавшіе и проходившіе вчера мимо Елисейскаго дворца кричали: »Vive l'Empereur de Russie«. Въ самый дворецъ являлись цѣлыя толпы лицъ, желавшихъ своею подписью выразить свою радость по случаю спасенія жизни ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. Г. Рембо получилъ орденъ Св. Станислава первой степени. Всѣ театры и улицы были иллюминованы.

»Сегодня утромъ всѣ Русскіе спѣшили въ Елисейскій дворецъ привѣтствовать ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО; всякій шелъ, не думая о костюмѣ, а стремясь только выразить свое вѣрноподданническое чувство. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ вышелъ къ собравшимся въ двѣнадцать часовъ и разстроганнымъ голосомъ благодарилъ за оказываемую Ему преданность; Онъ упомянулъ, что второй разъ уже перстъ Божій сохраняетъ Ему жизнь, но что Онъ всегда готовъ предстать предъ Господа Бога. Присутствовавшіе едва сдерживали рыданія и, какъ и слѣдовало ожидать, всѣ направились въ православную церковь; не только церковь, но и весь дворъ былъ полонъ молившихся. Императоръ Наполеонъ въ полной парадной формѣ, императрица Евгенія, принцесса Матильда, король Прусскій, наслѣдный принцъ Прусскій, г. фонъ-Бисмаркъ, фельдмаршалъ князь Барятинскій были въ церкви. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ пріѣхалъ въ часъ пополудни; Его сопровождали Августѣйшіе Сыновья, Великая Княгиня Марія Николаевна, Его Высочество Николай Максиміліановичъ. Толпа внесла ЦАРЯ въ церковь, и началось благодарственное молебствіе. Были слышны рыданія. Когда ГОСУДАРЬ вышелъ изъ церкви, Его встрѣчали криками »ура!«

»Въ два часа съ половиной былъ отслуженъ благодарственный молебенъ въ верхнемъ этажѣ русскаго трактира на выставкѣ, въ присутствіи весьма многихъ лицъ.

»Негодованіе Парижанъ общее, и никогда еще они не спѣшили такъ выразить сочувствіе всему русскому. Крики »Vive l'Empereur de Russie!« продолжаютъ раздаваться вблизи Елисейскаго дворца.«

Второе письмо того же корреспондента.

»**Парижъ 7-го іюня.** Только что отправленное мною письмо было писано подъ впечатлѣніемъ ужаснаго событія и полно единственно имъ. Собираю теперь замѣтки за предыдущіе дни. Газеты всѣ эти дни, еще до покушенія, наперерывъ старались сообщать подробности о ЦАРѢ, печатали разныя біографическія свѣдѣнія о Русскомъ ИМПЕРАТОРѢ, не поясняя откуда берутся эти подчасъ весьма оригинальныя легенды. Само собою разумѣется, что та часть здѣшней печати, которая всегда горячилась за поляковъ и смотрѣла на Россію чрезъ очки, одолженные проживающими въ Парижѣ поляками, само собою разумѣется, что эта часть печати не могла смотрѣть равнодушно на тотъ торжественный и симпатичный пріемъ, которымъ Французы выражаютъ свое сочувствіе Русскому ИМПЕРАТОРУ. Чтобы не выходить изъ круга своихъ воззрѣній на наше отечество Opinion Nationale и Siécle стараются какъ бы не замѣчать присутствія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА въ Парижѣ и не говорить о немъ ничего на своихъ столбцахъ. Но такая политика находитъ наказаніе въ самой себѣ; эти газеты не расходятся вовсе въ уличной продажѣ, потому что парижская публика жадна до тѣхъ новостей, которыя взяты изъ ежедневной парижской жизни. Siécle получилъ вчера отличную головомойку отъ Figaro, газеты весьма распространенной въ розничной продажѣ, немного оппозиціонной и изобилующей всякими новостями. Figaro говоритъ, что не замѣчать выраженія симпатіи Французовъ Русскому ЦАРЮ значитъ измѣнять одной изъ завѣтныхъ сторонъ французскаго характера, гостепріимству, и что такой образъ дѣйствій не только не приличенъ, но анти-патріотиченъ. Столица Франціи ликуетъ, и потому печать, отголосокъ общественнаго мнѣнія, должна также ликовать и выражать свое удовольствіе, что Французы на этотъ разъ вѣрны своимъ традиціоннымъ правиламъ гостепріимства. Если частное лицо изъ Россіи пріѣзжаетъ въ Парижъ, то конечно Парижанинъ будетъ стараться доставить ему пребываніе въ столицѣ Франціи пріятнымъ; тѣмъ болѣе слѣдуетъ признать общую поспѣшность выразить участіе Главѣ Русскаго народа. Figaro, выражая такую мысль, съ замѣчательнымъ остроуміемъ нападаетъ на тѣ неприличныя выходки, которыя позволилъ себѣ Siécle; выходки эти заключаются въ томъ, что полонофильская газета недоумѣваетъ, почему ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ былъ въ Комической Оперѣ и не былъ въ театрѣ Французской Комедіи, не смотрѣвъ произведеній Расина и Мольера. Фигаро говоритъ, что надо ЦАРЮ предоставить, по крайней мѣрѣ, ту же свободу дѣйствій, которою пользуется всякій частный путешественникъ. Русскій ИМПЕРАТОРЪ, продолжаетъ эта газета, содержитъ въ С.-Петербургѣ превосходную труппу французскихъ актеровъ; мы должны быть Ему за это признательны и предоставить свободу смотрѣть въ Парижѣ тѣ піэсы, которыя ему наиболѣе нравятся. Изъ этого очерка передовой статьи вчерашняго Figaro вы видите, что Французы слѣдятъ за каждою новостью о Русскомъ ЦАРѢ, и мыслящая часть протестуетъ противъ не ловкихъ и не приличныхъ

полонофильскихъ намековъ въ нѣкоторыхъ газетахъ. Въ сегодняшней передовой статьѣ Figaro возвращается къ тому же вопросу о пребываніи въ Парижѣ Русскаго ИМПЕРАТОРА, и старается разсѣять слухи, распущенные по городу о произведенныхъ будто бы арестахъ за крики на улицахъ: Vive la Pologne! Figaro не видитъ тутъ никакого повода къ наказанію, и напротивъ считаетъ такой крикъ приличнымъ въ присутствіи ИМПЕРАТОРА. Еслибы, говоритъ эта газета, французскому Императору, во время его поѣздки заграницу, начали кричать: Да здравствуетъ Бретань! Да здравствуетъ Нормандія! то Наполеонъ, конечно, принялъ бы это за выраженіе особаго вниманія къ нему. Польша же по отношенію къ Россіи тоже, что Бретань и Нормандія по отношенію къ Франціи. Намъ такія разсужденія французской печати должны показать насколько измѣнился взглядъ на польскій вопросъ.«

Приводимъ изъ офиціальныхъ французскихъ источниковъ, со словъ »Сѣверной Почты« еще слѣдующія свѣдѣнія о злодѣйскомъ покушеніи на жизнь ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, которыя поясняютъ и дополняютъ выше сообщенныя: »25 мая (6 іюня), около 4½ часовъ по полудни, по окончаніи смотра, происходившаго въ Булонскомъ лѣсу и въ минуту, когда коляска, гдѣ находились ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ, Императоръ Наполеонъ и Великіе Князья Наслѣдникъ Цесаревичъ и Владиміръ Александровичъ, проѣхала метровъ на 200 далѣе большаго водопада и находилась въ такъ называемой аллеи Сень-Дени, одинъ польскій выходецъ, по имени Березовскій, стоявшій въ 3 или 4 шагахъ отъ кареты, слѣва отъ нея, сдѣлалъ по каретѣ два выстрѣла изъ своего пистолета. Одна изъ пуль полетѣла въ лошадь дежурнаго шталмейстера Рембо, и очень легко ранила въ високъ г. Лабори, находящагося нынѣ проѣздомъ въ Парижъ. Остановленный тотчасъ лицами, находившимися возлѣ него и въ особенности капитаномъ парижской стражи г. Любэ, при помощи стража Жиродона, убійца былъ вскорѣ схваченъ. Эти лица должны были защищать Березовскаго отъ негодованія толпы, которая, бросилась на него съ крикомъ: »Правосудіе! Правосудіе! Убьемъ его!« Къ этимъ угрозамъ присоединились восторженныя восклицанія въ честь обоихъ Государей, которые были сопровождаемы до Елисейскаго и Тюльерійскаго дворцовъ единодушными пожеланіями, между тѣмъ капитанъ парижской стражи Гарронъ-де-Прель, г. Буаксидъ-Данкладъ, квартирмейстеръ Гершъ, фурьеръ Бюскайль, принадлежащіе къ тому же корпусу, подоспѣли на мѣсто, и убійца, лишившійся чувствъ и котораго лѣвая рука была растерзана взрывомъ пистолета, былъ поднятъ и положенъ въ наемную карету, приведенную для этой цѣли. Почти въ туже минуту прибѣжалъ, въ сопровожденіи своихъ агентовъ, полицейскій офицеръ Блавье; онъ послѣ большихъ усилій и значительнаго труда, успѣлъ высвободить карету, которая, окруженная конною парижскою стражею и сопровождаемая другой каретой, куда сѣлъ полицейскій офицеръ съ агентами, направились къ полицейской префектурѣ. Во время переѣзда, убійца, пришедшій въ себя, отвѣчалъ на сдѣланные ему вопросы, и былъ приведенъ къ префекту полиціи, гдѣ подвергся первому допросу, при которомъ присутствовали: генералъ-прокуроръ г. де-Марка, императорскій прокуроръ г. Муаньонъ и генеральный адвокатъ г. Мале. Вслѣдствіе первыхъ указаній, полученныхъ на этомъ допросѣ, предписаны были домовые обыски, въ квартирѣ убійцы и у слесаря механика Мораскаго, живущаго въ Мони (департ. Уазы). Эти обыски не привели ни къ какому важному результату. Гг. министры юстиціи и внутреннихъ дѣлъ отпра-

вились въ префектуру полиціи, равно какъ и графъ Шуваловъ, генералъ-адъютантъ Его Величества Государя Всероссійскаго.

Вскорѣ послѣ того, слѣдственный судья г. де-Гоне, отправился въ кабинетъ префекта полиціи и приступилъ къ дознанію, которое прервалъ лишь въ 3 часа утра. Онъ подробно допрашивалъ обвиняемаго и пятерыхъ свидѣтелей, участвовавшихъ въ его арестованіи. Изъ перваго допроса, которому подвергнутъ былъ Березовскій при префектѣ, и изъ его отвѣтовъ г. де-Гоне, оказалось, что онъ родился въ с. Кутыще (Волынской губерніи), имѣетъ 24 года отъ роду; принималъ участіе въ возстаніи 1863 года; жилъ въ Литтихѣ, затѣмъ прибылъ два года тому назадъ во Францію и состоялъ рабочимъ прогонщикомъ у г. Бужа. Два мѣсяца тому назадъ онъ прервалъ свою работу, постоянно думая посягнуть на жизнь ИМПЕРАТОРА Всероссійскаго. Этотъ замыслъ утвердился въ его головѣ еще болѣе съ тѣхъ поръ, какъ было возвѣщено прибытіе ИМПЕРАТОРА въ Парижъ. Онъ отправился 23 мая (4 іюня), къ подъѣзду оперы, чтобы видѣть ИМПЕРАТОРА и узнать Его впослѣдствіи. Онъ дѣйствительно видѣлъ Его. 24-го мая (5 іюня), часа въ 2 часа по полудни, онъ купилъ на Севастопольскомъ бульварѣ двухствольный пистолетъ за девять франковъ, заплативъ за него деньги, оставшіяся у него отъ ежемѣсячнаго пособія, а чтобы купить пороху, онъ заложилъ пальто свое, въ Ломбардѣ, (Mont de Pieté), гдѣ получилъ восемь франковъ. Возвратясь домой, онъ употребилъ утро 25 мая (6 іюня) на приготовленіе, съ помощью напилка, пуль болѣе крупнаго калибра противъ тѣхъ, какія были ему проданы; позавтракавъ у виноторговца, онъ отправился пѣшкомъ въ Булонскій лѣсъ и не успѣвъ осуществить свой замыселъ во время прибытія кортежа, исполнилъ его при отъѣздѣ. Онъ никому не сообщалъ о своемъ намѣреніи, которое должно было сдѣлаться извѣстнымъ лишь чрезъ исполненіе; онъ не видился ни съ кѣмъ, не имѣлъ никакихъ дружескихъ сношеній, своею мыслью задумалъ дѣло, которое совершилось. Все это было высказано на дурномъ французскомъ языкѣ, съ какимъ то заикиваніемъ, не исключавшимъ ни живости, ни энергіи, и съ хладнокровіемъ, доходившимъ до улыбки, которая не исчезла даже въ концѣ его допроса, когда усталость и воспаленіе отъ раны вызвали лихорадочное состояніе и приливъ крови, противъ коихъ призванный къ нему врачъ дѣйствовалъ обыкновенными средствами. Изъ произведенной повѣрки словъ обвиненнаго и изъ его тона проистекало, по настоящую минуту, для всѣхъ присутствовавшихъ сановниковъ впечатлѣніе, что убійца дѣйствовалъ одинъ, безъ предварительно умышленнаго заговора, и что онъ находится въ состояніи умышленной восторженности. Въ самомъ дѣлѣ подтверждается, что онъ не имѣлъ сношеній, жилъ одинъ и никого не посѣщалъ. Въ префектурѣ аттестація его, какъ поляка, пользующагося пособіемъ отъ правительства, хороша. Въ первое мгновеніе, французскіе слѣдователи также остановились на той мысли, что Березовскій соучастникъ въ какомъ нибудь заговорѣ; но впослѣдствіи, они отъ нея отступились, замѣчая, что въ случаѣ заговора преступникъ былъ бы снабженъ хорошимъ, а не девяти-франковымъ пистолетомъ.

По словамъ газеты «Times» первый, арестовавшій Березовскаго, былъ англичанинъ, фельдфебель Лаперти. Вотъ, что онъ пишетъ въ эту газету. »Я былъ въ полной формѣ, такъ какъ я возвратился только со смотра, въ тотъ моментъ, когда проѣзжалъ Императорскій поѣздъ. Я поклонился Ихъ Величествамъ, и какъ я находился въ первомъ

ряду, то Императоръ Наполеонъ замѣтилъ меня. Какъ только карета Ихъ Величествъ поровнялась со мною, и я очутился въ шагахъ десяти отъ Августѣйшихъ Особъ, я вдругъ почувствовалъ, что чья то рука опирается на мое плечо и въ то же мгновеніе надъ моимъ ухомъ раздается оглушительный выстрѣлъ. Я быстро обернулся и увидѣлъ человѣка, держащаго въ рукахъ заднюю часть разорваннаго пистолета. Я схватилъ этаго человѣка. Толпа бросилась на него съ страшнымъ остервененіемъ. Его вырвали изъ моихъ рукъ, и чрезъ минуту послѣ того онъ былъ уже въ рукахъ полиціи. Почти несомнѣнно, что жизнь Императоровъ спасена, благодаря разрыву пистолета, который былъ слишкомъ сильно заряженъ. Эта догадка подтверждается тѣмъ, что я не получилъ ни малѣйшей раны, не смотря на то, что пистолетъ былъ прислоненъ къ моему плечу.«

Послѣдніе розыски о Березовскомъ показали, что онъ служилъ нѣкоторое время при сѣверной желѣзной дорогѣ, поведеніе его и тамъ было безукоризненное. При обыскѣ квартиры Березовскаго найдена книга, озаглавленная: »Жизнь Равальяка«, также найдены біографіи многихъ цареубійцъ.

Увѣряютъ, что во время торжественнаго спектакля, даннаго въ оперѣ, въ честь ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, четыре ложи были взяты лицами неизвѣстными и подозрительными, и что розыски, сдѣланные предъ представленіемъ, оправдали это подозрѣніе, почему и было арестовано нѣсколько лицъ, имѣвшихъ при себѣ заряженные пистолеты.

Закончимъ эту главу извѣстіемъ о первомъ показаніи преступника Березовскаго:

»Имя мое Антонъ Березовскій, 20-ти лѣтъ, родился въ Рутешки, Волынской губерніи, по ремеслу механикъ. Вслѣдствіе послѣдняго возмущенія, долженъ былъ оставить Россію и поселиться въ Парижѣ, гдѣ нахожусь съ небольшимъ два года; семейство мое послѣ мятежа переселилось во внутреннія губерніи. Я сознаюсь, что выстрѣлилъ сегодня въ ИМПЕРАТОРА во время возвращенія Его со смотра. Двѣ недѣли тому назадъ у меня родилась мысль цареубійства; впрочемъ, вѣрнѣе, я питалъ эту мысль съ тѣхъ поръ, какъ началъ себя сознавать, имѣя въ виду освобожденіе родины. Я никому не сообщалъ о моемъ намѣреніи и одинъ отправился на парадъ. Пистолетъ для совершенія убійства былъ купленъ мною вчера, между вторымъ и третьимъ часами по полудни, на Севастопольскомъ бульварѣ, за 9 франковъ. При мнѣ было нѣсколько заработанныхъ мною прежде денегъ; кромѣ того, вчера же я заложилъ въ Ламбардѣ (Mont de-Piété) пальто, за которое получилъ 8 франковъ. Сегодня, вставъ въ 7 часовъ утра, я отлилъ пули, такъ какъ купленныя мною оказались малы. Утромъ я ни съ кѣмъ не видался, завтракалъ и потомъ пошелъ въ Елисейскія поля. Не встрѣтивъ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА на пути Его къ войскамъ, я рѣшился ожидать Его возвращенія. Когда карета Его поровнялась со мною, я выстрѣлилъ. Еще вечеромъ третьяго дня, въ бытность ИМПЕРАТОРА въ оперѣ, я намѣревался стрѣлять въ Него; но у меня не было при себѣ пистолета. Я долго всматривался въ ИМПЕРАТОРА, чтобы узнать Его впослѣдствіи.«

V.

Свѣдѣнія о происхожденіи преступника Березовскаго, добытыя изъ волынскихъ офиціальныхъ источниковъ.

Изъ первоначальныхъ показаній преступника оказывалось, что онъ уроженецъ Волынской губерніи. Но для большаго разъясненія этой печальной истины необходимо было изъ мѣстныхъ офиціальныхъ источниковъ добыть свѣдѣнія о родственникахъ злоумышленника Антона Березовскаго. Въ »Волынск. Губернск. Вѣд. 1867 г.« напечатаны слѣдующія офиціальныя свѣдѣнія:

»Въ г. Житомирѣ проживаетъ дворянинъ житомирскаго уѣзда, с. Авратина, Іосифъ Николаевъ Березовскій, римско-католическаго исповѣданія, 43 лѣтъ отъ роду; онъ занимается настраиваніемъ фортепіанъ и даетъ уроки музыки, владѣлъ частью имѣнія въ означенной деревнѣ, но за долги, въ 1854 году, таковая была продана; былъ женатъ на дочери помѣщицы новоградволынскаго уѣзда, с. Кутыщъ, Гриневичевой Камиліи, умершей въ 1852 году; имѣетъ сыновей: Станислава, нынѣ 22 лѣтъ, Антона 20, Цезарія 17, и дочь 15 лѣтъ; младшій сынъ Цезарій и дочь Каролина, по смерти матери Камиліи Березовской, съ 1852 года отданы были на попеченіе бабки ихъ, въ с. Кутыщи, помѣщицы Юзефы Гриневичевой, а въ 1857 г. отданы были ей и старшіе два сына, Станиславъ и Антонъ. Въ 1862 году отецъ ихъ Березовскій имѣлъ намѣреніе выѣхать въ Херсонскую губернію, и взялъ съ собою сыновей Станислава и Антона, для пріисканія имъ гдѣ либо мѣстъ, но отправившись предварительно въ с. Кумановцы, Подольской губерніи, они по неизвѣстной причинѣ не согласились ѣхать съ отцемъ и остались въ этомъ селеніи: Станиславъ, подъ предлогомъ быть управителемъ, а Антонъ для вступленія въ ксендзы. Въ 1863 году Станиславъ уже находился въ с. Авратинѣ, житомирскаго уѣзда, взятъ былъ изъ дому помѣщика Милевскаго, за участіе въ мятежѣ, и въ 1864 году сосланъ въ Сибирь; младшій же братъ его Антонъ, имѣющій нынѣ 20 лѣтъ, возвратившійся къ бабкѣ въ с. Кутыщи, въ 1863 году поступилъ въ шайку мятежниковъ и бѣжалъ за границу, и хотя отецъ его, Іосифъ Березовскій, самъ, тайно, переходилъ границу для отысканія сына Антона, но послѣ кратковременнаго пребыванія въ Галиціи, переданъ былъ обратно въ Россію въ 1865 году и преданъ суду, о чемъ нынѣ производится дѣло въ житомирскомъ уѣздномъ судѣ. Дѣти Березовскаго въ учебномъ заведеніи не воспитывались, приготовлялись домашнимъ наставникомъ при ихъ бабкѣ, иностраннымъ языкамъ не обучались и никакого ремесла не знали. Гриневичева умерла въ 1865 году; дочь Березовскаго Каролина въ настоящее время находится при теткѣ своей въ с. Кутыщахъ, помѣщицѣ Рыбчинской, а сынъ Цезарій состоитъ въ услуженіи у проживающаго въ Житомирѣ и содержащаго трактиръ французскаго подданнаго Минеля и занимается присмотромъ за лошадьми.

»Конечно, дальнѣйшее разслѣдованіе на мѣстѣ преступленія раскроетъ и родовое происхожденіе злоумышленника; но пока, сходство, относительно имени, лѣтъ и времени отлучки за границу Антона Березовскаго, съ тѣми свѣдѣніями о преступникѣ, какія сообщены газетами, даетъ основаніе полагать, что этотъ Антонъ Березовскій, есть тотъ самый преступникъ, который совершилъ гнусное покушеніе на жизнь нашего Монарха.«

Дополненіемъ приведенныхъ свѣдѣній, служатъ свѣдѣнія объ отцѣ преступника Березовскаго и его дѣятельности въ херсонской губерніи въ 1863 году, сообщенные членомъ херсонской палаты уголовнаго суда Н. Курдюмовымъ и пополненныя свѣдѣніями, доставленными по тому же предмету г. товарищемъ предсѣдателя той же палаты:

»По прочтеніи въ № 132 «Одес. Вѣстн.» статьи »о происхожденіи преступника Березовскаго«, меня поразила тождественность имени и мѣста рожденія преступника съ именами, находящимся въ дѣлѣ о судившемся въ херсонской палатѣ уголовнаго суда Іосифѣ Березовскомъ. Девизъ дѣла: «о подсудимомъ дворянинѣ Іосифѣ Березовскомъ, 40 лѣтъ, преданномъ суду за растлѣніе дочери своей Каролины, 11 лѣтъ». Изъ дѣла видно, что Іосифъ-Захарій (двухъ именъ) Николаевичъ Березовскій имѣлъ сыновей: Станислава, Антонія, Цезарія и дочь Каролину. Въ 1852 году 18-го іюля, жена его Каролина умерла, и, по неизвѣстной отлучкѣ мужа, дѣти умершей находились при своей бабкѣ, Юзефѣ Гриневичъ въ с. Кутыщахъ, Новоградволынскаго уѣзда. Въ 1863 году Іосифъ Березовскій взялъ насильно своихъ младшихъ дѣтей Цезарія 13 и Каролину 11-ти лѣтъ и поѣхалъ съ ними въ разныя мѣста заниматься настройкой фортепьянъ, и, какъ видно, нищенствовать. Онъ лишилъ невинности свою дочь насильно, подвергая ее частымъ побоямъ и истязаніямъ, за ея сопротивленія, на постоялыхъ дворахъ, гдѣ Іосифъ Березовскій останавливался при переѣздѣ съ своимъ семействомъ въ херсонскую губернію изъ волынской, въ которой онъ состоялъ на службѣ писцомъ въ губернскомъ правленіи. Переѣзжая изъ города въ городъ съ дочерью Каролиной и меньшимъ сыномъ Цезаріемъ, онъ занимался настройкою фортепіанъ и, чрезъ Таращу и Златополь, прибылъ въ 1863 году въ г. Елисаветградъ, гдѣ былъ арестованъ за изнасилованіе своей дочери Каролины и содержался въ Бобринецкомъ тюремномъ замкѣ. Къ несчастью, по не сознанію и за отсутствіемъ уликъ къ обвиненію его въ преступленіи, по рѣшенію херсонской палаты уголовнаго суда, 14-го августа 1864 года, опредѣлено: «канцелярскаго 1-го разряда изъ дворянъ, не утвержденныхъ герольдіею Іосифа-Захарія Николаева Березовскаго, оставить, по дѣлу растлѣнія своей дочери Каролины, въ сильнѣйшемъ подозрѣніи, и выслать его на мѣсто жительства для водворенія, съ отдачею подъ надзоръ полиціи. Есть основаніе предполагать, что вѣроятно находился въ семействѣ, при переѣздахъ отца, и преступникъ Антонъ Березовскій.«

Рѣшеніе вопроса: къ какому сословію можетъ быть отнесенъ преступникъ Березовскій, согласно имѣющимся офиціальнымъ извѣстіямъ изъ Парижа,—находимъ въ слѣдующей статьѣ Волынскаго губернскаго предводителя дворянства князя Н. К. Имеретинскаго: *)

»Въ настоящее время на всемъ пространствѣ Россіи произносится имя и обсуждается преступная личность человѣка, покусившагося за границею на жизнь нашего Государя. Каждая національность, каждое сословіе страшится безчестной тѣни, могущей упасть на ту среду, которая породила и воспитала злодѣя. Волынская губернія, болѣе чѣмъ кто либо, заинтересована—разъяснить его личность до мельчайшихъ подробностей,

*) Смотр. Волынск. Губернск. Вѣд. 1867 г., № 69.

а искренно русское населеніе волынской губерніи, настоящее и будущее, въ правѣ ожидать и требовать, чтобы разъясненіе это было сдѣлано на основаніи неопровержимыхъ фактовъ. До сего времени частныя извѣстія о преступникѣ, посягнувшемъ на цареубійство, запутаны, сбивчивы и разнорѣчивы; официіальныя же извѣстія изъ Парижа—рѣдки и скудны. Изъ послѣднихъ можно, однако же, положителъно заключить, что имя преступника Антонъ Березовскій, что онъ уроженецъ волынской губерніи, 20 лѣтъ отъ роду, что онъ, въ 1863 году, былъ въ шайкѣ мятежниковъ, эмигрировалъ и два года проживалъ въ Парижѣ; наконецъ мѣстомъ родины его названо селеніе «Кутешки», очевидно искаженное французскою телеграммою названіе «Кутыщи», волынской губерніи *). Все это не оставляетъ почти никакого сомнѣнія, что родъ и происхожденіе Березовскаго, о которомъ намъ предстоитъ говорить, будетъ подлинно и дѣйствительно родъ цареубійцы, остановленнаго и заклейменнаго дивною рукою Промысла. Если такъ, то на этотъ разъ какъ и всегда, можетъ вздохнуть свободно—вѣрное и преданное Царю и Царству крестьянское сословіе,—убійца не принадлежитъ къ его средѣ, онъ не принадлежитъ и къ ремесленному классу, хотя, въ официіальныхъ показаніяхъ, переданныхъ изъ Парижа, онъ и названъ «механикомъ». Если указаніе наше вѣрно, въ чемъ мы не сомнѣваемся, то Антонъ Березовскій дворянинъ,—родъ котораго внесенъ въ шестую часть родословной книги волынской губерніи заключающую, какъ извѣстно, древніе дворянскіе роды. Но въ такомъ случаѣ тѣнь гнуснаго злодѣя, къ счастію, не можетъ и не должна упасть на искренно-русское и православное дворянство Волыни. Антонъ Березовскій вполнѣ и безусловно полякъ и католикъ; вся линія рода его, которой онъ служитъ однимъ изъ послѣднихъ представителей,—ополячена и окатоличена болѣе ста лѣтъ тому назадъ. Прадѣдъ Березовскаго Матеушъ носитъ польскій чинъ подчашего, а братъ Матеушовъ Войцѣхъ—чинъ Брацлавскаго городничаго. Наконецъ, Антонъ, о которомъ рѣчь, всѣ его братья и большая часть членовъ линіи прадѣда его помянутаго Матеуша Березовскаго крещены въ Любарѣ монахами доминиканскаго ордена. Полное и безотлагательное разъясненіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ тѣмъ болѣе необходимо, что уже успѣли распустить устную и печатную молву будто преступникъ Березовскій православнаго исповѣданія. Въ этомъ случаѣ нельзя бояться подробностей лишь бы онѣ были какъ можно ближе къ достовѣрности; помѣщаемъ родословную единственнаго утвержденнаго герольдіею рода Березовскихъ **).

---

*) Антонъ Березовскій родился собственно въ Авратинѣ близь Любара, но воспитывался въ с. Кутыщи у бабки своей Юзефы Гриневичевой.

) **Андрей (Анна-Екатерина, изъ роду Зелинскихъ)

Иванъ (Маріанна, изъ роду Бѣльскихъ)

Антонъ (Софія, изъ роду Кіинскихъ) — Василій-Александръ — Яковъ

Антонъ: Павелъ — Мацѣй — Войцехъ, Брацлавскій городничій. — Матеушъ (Текля, изъ Абрамовичей), Саноцкій подчашій.

Василій-Александръ: Федоръ

Павелъ: Войцѣхъ, Матвѣй, Іосафатъ, Донатъ, Урбанъ, Северинъ.

Мацѣй: Викентій

Войцехъ: Никодимъ

Матеушъ: Николай (Урсула, изъ Кумановскихъ), Августинъ

Федоръ: Степанъ

Николай: Каетанъ-Доминикъ, Валеріанъ, **Іосифъ-Захарій** Камилія, изъ Гриневичей.

Степанъ: Григорій, Александръ, Пантелеймонъ и Василій.

Іосифъ-Захарій: Станиславъ родился 1 іюня 1845 г. — Григорій-**Антонъ** родился 9 мая 1847 г. — Цезарій-Августъ родился 27 августа 1849 г. — Каролина родилася 1 февраля 1852 года.

»Прежде всего мы обратимъ исключительное вниманіе на отрасль Матеуша Березовскаго, отъ котораго по прямой линіи происходитъ Антонъ; точнѣе двуименный Григорій-Антонъ. Этотъ Матеушъ, вмѣстѣ съ братьями и племянниками, признанъ въ дворянствѣ опредѣленіемъ волынскаго депутатскаго собранія 18-го октября 1802 года № 50. Документы, представленные въ доказательство дворянства, были: 1) Запись 1733 года, на сумму 2000 злотыхъ, отъ Ивана и Марьянны Березовскихъ сыновьямъ ихъ Антону, Александру и другимъ. 2) Метрическая выпись 1770 года Викентія Березовскаго (сына Мацѣя). 3) Компланація (условіе) 1784 года между различными членами семейства Березовскихъ; сущность этого документа въ опредѣленіи не пояснена. 4) Дарственная запись 1788 года отъ Александра Березовскаго, дяди племянникамъ его Войцѣху и Матеушу, на крестьянъ; наконецъ 5) Какое то рѣшеніе 1791 года, смыслъ котораго также трудно объяснить изъ опредѣленія депутатскаго собранія. Главными же документами въ дѣлѣ очевидно служили: Привилегіи 1783 года 11-го декабря, данныя польскимъ королемъ Станиславомъ Августомъ въ Варшавѣ, Матеушу Березовскому на должность саноцкаго подчашія и другая привилегія, данная въ 1787 году въ Варшавѣ тѣмъ же королемъ—брату Матеушу Войцѣху, на должность Брацлавскаго городничаго. На основаніи помянутыхъ документовъ, депутатское собраніе постановило: примѣняясь къ правиламъ грамоты, Всемилостивѣйше пожалованной дворянству въ 1785 году, внести между прочими, въ шестую книгу «старожитной шляхты Волынской губерніи» *) Матеуша Березовскаго съ его сыновьями Николаемъ и Августиномъ.

»Впослѣдствіи, именно, 11 ноября 1821 года (№ 614), состоялось другое опредѣленіе волынскаго дворянскаго депутатскаго собранія о Березовскихъ. Въ немъ подтверждались уже внесенныя въ протоколѣ 1802 года вышеизчисленныя лица; а кромѣ того вновь сопричислены къ роду двое, а именно: сыновья Николая Матеуша—старшій—Каетанъ Доминикъ и второй Валеріанъ. Изъ новыхъ фамильныхъ документовъ, представленныхъ на этотъ разъ въ собраніе, главнѣйшіе были слѣдующіе: продажная запись 1641 г., совершенная Григоріемъ Березовскимъ въ пользу Андрея Березовскаго и его наслѣдниковъ на нѣкоторую часть вотчиннаго села Людзки (въ Галицкой землѣ), за сумму 30 злотыхъ проданную. 2) Предбрачная запись Матвѣя и Теофили Бѣльскихъ съ одной стороны и Иваномъ Березовскимъ съ другой стороны. 3) Запись 1703 г., совершенная Иваномъ Березовскимъ въ пользу Маріанны, изъ Бѣльскихъ, Березовской на все движимое имѣніе. 4) Протестъ 1765 г. о сгорѣніи вмѣстѣ съ домомъ нѣкоторыхъ документовъ о родѣ Березовскихъ. 5) Компланація (условіе) о дѣлежѣ наслѣдственной суммы 3500 польскихъ злотыхъ. 6) Метрика Никодима Березовскаго (сына Войцѣха) 1800 года, въ книгахъ краснопольскаго костела записанная. 7) Продажный контрактъ на имѣніе Тютюнники въ житомирскомъ уѣздѣ. 8) Денежная компланація (условіе) 1819 года 30-го сентября, въ Авратинѣ, между Михаиломъ (вѣроятно Николаемъ) и Августиномъ родными братьями (сыновьями Матеуша) на имѣніе тогоже села Авратинъ, по наслѣдству имъ доставшееся. 9) Двѣ метрики изъ книгъ Любарскаго костела: Каетана Доминика (1819 года 19 февраля) и

*) Подлинное выраженіе опредѣленія 1802 г., написаннаго по польски.

Валеріана Березовскихъ, на основаніи которыхъ они и сопричислены къ роду помянутымъ опредѣленіемъ 1821 года.

»Въ 1832 году помѣщикъ житомирскаго уѣзда Николай Березовскій подалъ въ депутатское собраніе прошеніе, въ которомъ пояснилъ, что въ опредѣленіи собранія 1821 года не поименованъ сынъ его двуименный Іосифъ-Захарій и просилъ о сопричисленіи послѣдняго, на основаніи представленной метрической выписи о рожденіи и крещеніи его (Іосифа-Захарія), 12 марта 1825 года въ книгахъ любарскаго приходскаго католическаго костела записанный. Вслѣдствіе того депутатское собраніе, опредѣленіемъ 16 іюля, 1832 года, сопричислило помянутаго Іосифа-Захарія къ роду отца его. За тѣмъ, 6-го іюля 1842 года въ депутатскомъ собраніи полученъ указъ правительствующаго сената, отъ 17-го іюня того же года № 9149, утвердившій опредѣленіе депутатскаго собранія о сопричисленіи Іосифа-Захарія къ роду Березовскихъ. Наконецъ 4-го октября 1854 года Іосифъ-Захарій Березовскій, въ свою очередь, просилъ депутатское собраніе о сопричисленіи къ роду дѣтей своихъ Станислава, Антона и Цезарія; вслѣдствіе чего собраніе, истребовавъ изъ луцко-житомирской римско-католической консисторіи надлежащія метрическія выписи, сопричислило помянутыхъ трехъ лицъ Березовскихъ постановленіемъ отъ 3-го января 1855 года. Постановленіе это было утверждено указомъ сената отъ 25-го іюня 1855 года № 5082. Такимъ образомъ, попалъ въ списки древнихъ дворянскихъ родовъ Антонъ, точнѣе сказать Григорій-Антонъ Березовскій, бывшій въ 1863 году мятежникомъ, потомъ эмигрантъ, проживавшій сначала въ Люттихѣ, а потомъ въ Парижѣ. Но для того, чтобы бездоказательная молва не примѣшала это имя къ другой, православной, отрасли утвержденнаго рода Березовскихъ, слѣдуетъ поговорить и объ ней. Изъ родословной видно, что общій родоначальникъ Иванъ Березовскій имѣлъ трехъ сыновей: 1, Антона, 2, Василія-Александра и 3, Якова. Мы уже прослѣдили отрасль родословной Антона отца Матеуша Саноцкаго Подчашія; потомство же Матеушова брата Василія-Александра съ давнихъ временъ поселилось въ таращанскомъ уѣздѣ кіевской губерніи, въ селеніи Янышовкѣ. Изъ имѣющагося въ дѣлѣ отношенія кіевской православной духовной консисторіи 27-го марта 1852 года № 2527, видно, что сынъ Василія-Александра Федоръ и внукъ-Стефанъ, крещены уніатскими священниками, и что въ періодъ времени съ 1798 по 1817 г., имена этихъ лицъ и ихъ семействъ постоянно встрѣчаются въ исповѣдныхъ росписяхъ православной покровской церкви с. Янышовки. Далѣе, изъ находящихся въ дѣлѣ метрическихъ выписей той же покровской церкви, завѣренныхъ православною консисторіею, видно, что сыновья Стефана: Григорій, Александръ, Пантелеймонъ и Василій,—всѣ православнаго исповѣданія. Помянутая линія Василія-Александра Березовскихъ утверждена въ дворянскомъ достоинствѣ указами сената отъ 17-го іюля 1863 года за № 4058. Не только все вышеизложенное, но самый поверхностный взглядъ на родословную можетъ убѣдить каждаго, что Антонъ Березовскій не принадлежитъ къ православной отрасли этаго рода, въ которой даже вовсе не встрѣчается такого имени. Изъ членовъ этой отрасли никто не носилъ польскихъ титуловъ и чиновъ. Напротивъ того, помянутый Антонъ есть представитель другой польско-католической, шляхетской отрасли Березовскихъ, нисходящей отъ Матеуша саноцкаго подчашія.

»Впрочемъ, частныя извѣстія о православномъ, будто бы, происхожденіи Березовскаго пока не касаются разсмотрѣннаго нами рода. За всѣми этими извѣстіями нѣтъ возможности услѣдить. Мы остановимся на двухъ только печатныхъ заявленіяхъ, которыя, по видимому, имѣютъ одинъ и тотъ же источникъ: «Кельнская газета» пишетъ *), что Березовскому 22 года, что онъ родился въ волынской губерніи, въ дубенскомъ уѣздѣ и что семейство его принадлежитъ къ шляхтѣ римско-католической вѣры.

»Парижскій корреспондентъ московскихъ вѣдомостей **) говоритъ такъ: «Онъ (Березовскій) уроженецъ города Дубна, отецъ его однодворецъ, бывшій сначала уніатомъ; при Императорѣ Николаѣ I-мъ присоединился къ православію.» Отвѣчаемъ оффиціальными фактами: Въ семейныхъ спискахъ дубенскаго уѣзда, хранящихся въ волынскомъ депутатскомъ собраніи ***), въ числѣ дворянъ (шляхты) этаго уѣзда въ 1832 и 1834 годахъ (послѣдняя дворянская ревизія) показаны: Степанъ Яковлевъ Березовскій—32 лѣтъ (стало быть теперь ему 65 лѣтъ) и его сынъ Лука—11 лѣтъ (слѣдовательно въ настоящее время ему 44). По справкѣ же въ казенной палатѣ оказывается, что по ревизскимъ сказкамъ 10-й переписи въ числѣ гражданъ г. Дубна и однодворцевъ дубенскаго уѣзда никакихъ Березовскихъ не записано, а есть Бржозовскіе, а именно: подъ № 18 записаны Августъ Ивановъ Бржозовскій 52 лѣтъ, племянникъ его Станиславъ Станиславовъ Бржозовскій 31, его сынъ Антонъ 2 лѣтъ.

»Поэтому на частные слухи и корреспонденціи можно отвѣтить пословицею: «Людская молва-морская волна». Волна эта разбивается по всякой серьозной повѣркѣ. Мы же по неволѣ должны возвратиться къ занимающему насъ родовитому шляхтичу Антону Березовскому, правнуку саноцкаго подчашія. Не поднимаясь далеко по родословной, присмотримся къ ближайшей роднѣ его, нравственный авторитетъ которой, столь важенъ для мальчика, еще не достигшаго совершеннолѣтія. Отецъ Антона когда-то служилъ въ волынскомъ губернскомъ правленіи писцомъ и уволенъ отъ службы въ 40-хъ годахъ.

»Онъ и родной братъ его Каетанъ (дядя Антона), неоднократно бывали подъ судомъ по политическимъ и уголовнымъ преступленіямъ, въ числѣ которыхъ есть дѣла такого свойства, что о нихъ не удобно говорить въ печати, какъ о крайне возмутительномъ оскорбленіи общественной нравственности. Изъ подробностей воспитанія Антона Березовскаго, помѣщенныхъ въ одномъ изъ послѣднихъ №№ Волын. Вѣдом., читатель можетъ убѣдиться, что условія, при которыхъ выросъ этотъ загадочный мальчикъ, могли сами по себѣ бросить его въ бездну, не говоря уже о вышеуказанныхъ нравственныхъ примѣрахъ, видѣнныхъ имъ въ лицѣ отца и дяди. Вотъ подлинный переводъ, метрическаго свидѣтельства Григорія-Антона Березовскаго, «съ польскаго».

»Лѣта Господня тысяча восемьсотъ сорокъ седьмаго (1847) мая двадцатаго »дня, въ любарскомъ римско-католическомъ приходскомъ костелѣ, окрещено съ водою и »св. елеемъ дитя именами Григорій-Антоній вице-настоятелемъ іеромонахомъ до»миниканскаго ордена Юліяномъ Войтковскимъ, благородныхъ Іосифа Николаева

*) »Кіевлянинъ« № 69.
**) Московск. вѣд. № 122.
***) Два толстыхъ тома, in folio.

»и Камили, изъ Гриневичей, Березовскихъ, законныхъ супруговъ сына, мая девятаго »дня въ с. Авратинѣ, вечеромъ рожденнаго. Воспріемниками были: благородные »Иванъ Вишневскій съ Софіею Гриневичевою, дѣвицею«. Выпись эта надлежащимъ образомъ завѣрена римско-католическою духовною консисторіею.

И такъ, въ с. Авратинѣ (близъ Любара), когда-то наслѣдственномъ имѣніи Березовскихъ, 9-го мая 1847 года, родился Антонъ Березовскій, которому, стало быть, теперь 20 лѣтъ съ не большимъ. Онъ рано лишился матери и воспитывался у бабки своей Юзефы Гриневичевой, въ имѣніи Кутыщѣ (Кутешки). Крестникъ ксендзовъ доминикановъ Антонъ Березовскій не получилъ образованія ни въ какомъ учебномъ заведеніи, и въ 1863 году, въ эпоху страшнаго броженія умовъ, разжигаемыхъ католическимъ духовенствомъ съ помощію женщинъ, онъ, ринулся въ повстанье, имѣя 16 лѣтъ отъ роду, то есть въ ту пору, когда мальчику слѣдуетъ начать серьозныя занятія. Впослѣдствіи, избѣгнувъ участи брата Станислава, сосланнаго въ Сибирь, Антонъ Березовскій бѣжалъ за границу и примкнулъ къ средѣ эмиграціи, къ сборищу злѣйшихъ враговъ Государя и Россіи. Наконецъ, теперь..... но мы воздержимся отъ окончательнаго обвиненія. Проклятія милліоновъ русскихъ людей и негодованіе всего образованнаго міра тяжко падутъ на человѣка, дерзнувшаго поднять руку на Царя. Воздержимся пока истина выяснится вполнѣ и не опровержимо, хотя лично, мы уже и теперь не сомнѣваемся въ тождественности лица преступника съ помянутымъ Антономъ Березовскимъ. Покамѣстъ настоящимъ заявленіемъ мы только желали способствовать къ разъясненію вопроса. Если цѣль эта будетъ достигнута, мы не замедлимъ поговорить положительно и серьозно о тѣхъ вредныхъ отросткахъ, какіе привиты къ дворянству Имперіи въ образѣ родовитой польской шляхты.«

Въ числѣ историческихъ матеріаловъ, бросающихъ свѣтъ на дѣтство и отрочество преступника Антона Березовскаго, займетъ видное мѣсто слѣдующій документъ, сохранившійся въ дѣлахъ канцеляріи волынскаго губернскаго предводителя дворянства *), который мы выписываемъ буквально:

Его превосходительству, господину волынскому губернскому предводителю дворянства Микуличу,

Дворянки, закладной владѣлицы части села
Кутыщъ Іозефы Гриневичевой

ЗАПИСКА!

Помѣщикъ Житомирскаго уѣзда, части села Авратина Іосифъ Березовскій, женившись на моей дечери Камиліи Гринѣвичовнѣ, прижилъ съ нею четверо дѣтей, трехъ сыновей Станислава, Антона, Цезарія да дочь Каролину.

Еще за жизни дочери моей—Березовскій, продавъ свое имѣніе, бросилъ жену съ малолѣтними дѣтьми и неизвѣстно гдѣ дѣвался. Послѣ смерти моей дочери Камилли,

*) Дѣло № 28, объ отдачѣ малолѣтнихъ Березовскихъ на попеченіе бабки ихъ Гринѣвичевой, начато 12-го мая 1863 года.

малолѣтніе внуки отданы были, по постановленію новоградволынской дворянской опеки, въ мое опекунское управленіе и состояли болѣе десять лѣтъ въ моемъ попеченіи.

Въ настоящемъ году зять мой явился и потребовалъ отдачи дѣтей какъ природному опекуну—на каковое его желаніе, новоградволынская опека, исполняя мимо моего вѣдома и не зная поведенія Березовскаго, предписала полиціи отдать дѣти отцу. А какъ онъ считается дворяниномъ житомирскаго уѣзда, то опекунское дѣло новоградволынская опека передала въ житомирскую дворянскую опеку.

Двое старшихъ дѣтей, несовершеннолѣтнихъ, бросилъ Березовскій въ подольской губерніи. Двое же малолѣтнихъ сына Цезарія и дочь Каролину завезъ въ городъ Елисаветградъ.

Зная достаточно, что Іосифъ Березовскій развратной жизни и весьма худаго поведенія, я старалась объ отдачѣ опять внуковъ моихъ малолѣтнихъ въ мое опекунское попеченіе и въ мартѣ мѣсяцѣ просила житомирской опеки сдѣлать о томъ постановленіе, но опека, не рѣшаясь сама перемѣнить постановленія равнаго себѣ присутственнаго мѣста, представила просьбу мою на разрѣшеніе волынской гражданской палаты, гдѣ дѣло еще не получило удовлетворительнаго разрѣшенія, а между тѣмъ я получила письмо отъ моихъ внуковъ съ увѣдомленіемъ, что отецъ ихъ отданъ въ Елисаветградѣ за противузаконные поступки аресту; внуки же мои великодушный господинъ Адамъ Кониковскій взялъ въ свое призрѣніе, внимая на страданіе бѣдныхъ малолѣтнихъ дѣтей.

Ваше Превосходительство, малолѣтніе внуки мои, если бы не покровительство господина Кониковскаго, скитались бы по городу за подаяніемъ. Вотъ какая для нихъ отцовская опека! Соизвольте, Ваше Превосходительство, принять участь въ столь горестномъ моихъ внуковъ, а печальномъ моемъ положеніи и потребовать отъ полицейскаго начальника города Елисаветграда, дабы онъ передалъ малолѣтнихъ Березовскихъ въ мое призрѣніе, пока не послѣдуетъ постановленіе волынской гражданской палаты на возвращеніе внуковъ моихъ опять въ мою опеку. Я бы не утруждала Вашего Превосходительства моею просьбою, если бы не то, что постановленіе палаты можетъ послѣдовать не такъ скоро, а между тѣмъ внуки мои требуютъ призрѣнія, которое они временно нашли у господина Кониковскаго.

Березовскій не исправитъ своей жизни развратной и худаго поведенія. На моей обязанности лежитъ какъ можно поскорѣе взять внуковъ къ себѣ и уволить г. Кониковскаго отъ расходовъ на ихъ пропитаніе.

Ваше Превосходительство, соизвольте дать мнѣ на руки бумагу къ елисаветградскому начальнику полиціи, съ которою вышлю въ г. Елисаветградъ мою служанку Ульяну Дебелло, она была ихъ нянькою—состоя у меня болѣе 20 лѣтъ во услуженіи, я могу смѣло на нее положиться, что она доставитъ въ мой домъ новоградволынскаго уѣзда, въ село Кутыще, внуковъ моихъ благонадежно. Я сама, будучи престарѣлыхъ лѣтъ, не въ силахъ отправится въ Елисаветградъ за бѣдными моими внуками. Іозефа Гриневичъ. Мая 8-го дня 1863 года.

Губернскій предводитель дворянства, получивъ это прошеніе 12 мая, на другой же день послалъ елисаветградскому полиціймейстеру соотвѣтственный отзывъ, вслѣдствіе котораго выдано было изъ елисаветградской полиціи—малолѣтнимъ Цезарю и Каролинѣ Березовскимъ свидѣтельство на свободный проѣздъ до Житомира, куда они и отправились подъ вѣдѣніемъ Ульяны Дебелло.

Въ другихъ дѣлахъ сохранились документы, не благовидно рекомендующіе поведеніе Каетана и Іосифа Березовскихъ по отношеніямъ къ крестьянамъ. Крестьяне с. Авратина въ жалобѣ, поданной военному г. Житомира и волынскому гражданскому губернатору Каменскому *) описываютъ »испытываемыя ими отъ своихъ владѣльцевъ разнаго рода притѣсненія и угнетеніе чрезмѣрною барщиною и тяжкими наказаніями нѣкоторыхъ изъ нихъ по распоряженію помѣщика Каетана Березовскаго.«

Изъ другаго дѣла **) видно, что начальникъ волынской губерніи, въ 1851 году предлагалъ житомирскому уѣздному предводителю дворянства сдѣлать слѣдующія распоряженія: 1) »какъ по донесенію исправника крестьянинъ Самолюкъ, находящійся въ с. Авратинѣ, часть коего принадлежитъ зятю Каетана Березовскаго, дворянину Татаринову, а Березовскій, управляя этимъ имѣніемъ безъ законной довѣренности, наказалъ Самолюка 30-ю ударами розокъ, за намѣреніе послѣдняго продать безъ вѣдома помѣщика пару воловъ, при томъ же наказаніе это не внесено въ штрафную книгу и даже самой штрафной книги не заведено, то отстранивъ Березовскаго отъ управленія имѣніемъ вызвать его въ городъ Житомиръ къ нему (губернатору).«

Изъ третьяго дѣла ***) узнаемъ, что Іосифъ Березовскій (отецъ преступника) замѣченъ былъ въ отступленіи отъ инвентарныхъ правилъ.

---

*) *Дѣло*, по предмету сдѣланія розысканія противу жалобы крестьянъ с. Авратина на владѣльцевъ своихъ Березовскихъ, № 396. Началось 28-го мая 1847 года.

**) Дѣло, по жалобѣ крестьянина с. Авратина Сафрона Самолюка, на помѣщика Каетана Березовскаго, № 625. Началось 27-го января 1851 года.

***) Дѣло, по отношенію житомирскаго земскаго исправника объ отступленіи отъ инвентарныхъ правилъ въ части села Авратина помѣщика Іосифа Березовскаго, № 739. Началось 11-го іюня 1853 года.

VI.

Процессъ Березовскаго.—Сужденіе объ этомъ процессѣ.—Отправленіе Березовскаго въ ссылку.—Послѣднія извѣстія о Березовскомъ.

Императорскій парижскій апелляціонный судъ, въ качествѣ палаты преданія суду.

Постановленіе относительно отсылки въ ассизный судъ Антона Березовскаго, обвиняемаго въ покушеніи на убійство Его Величества Императора Всероссійскаго.

Товарищъ (substitus) генералъ-прокурора Бенуа представилъ суду, собравшемуся въ совѣщательной залѣ 4-го іюля, докладъ о возведенномъ на Антона Березовскаго обвиненіи.

Секретарь (greffier) прочелъ акты дѣла, вносимые въ судъ. Затѣмъ товарищъ генералъ-прокурора представилъ написанное и подписанное имъ 2-го іюля требованіе (requisitoire), состоящее въ слѣдующемъ:

»Благоволитъ судъ объявить упомянутаго Березовскаго въ положеніи обвиняемаго и предписать, чтобъ онъ былъ содержимъ подъ арестомъ и преданъ въ ассизный судъ сенскаго департамента, для произнесенія надъ нимъ приговора.«

Затѣмъ товарищъ прокурора и секретарь вышли изъ залы. Изъ слѣдственнаго акта видно слѣдующее:

Во всѣхъ журналахъ было объявлено, что 6-го іюня 1867 года Императоромъ будетъ произведенъ, въ честь Ихъ Величествъ Императора Всероссійскаго и короля Прускаго, большой смотръ войскъ на мѣстѣ, гдѣ происходятъ скачки близь Булонскаго лѣса. Этотъ смотръ былъ произведенъ и кончился почти въ $4^1/_2$ часа по полудни, при многочисленномъ стеченіи народа, котораго главныя массы протѣснились къ тому мѣсту, гдѣ стояли войска. Императоръ и иностранные государи сѣли въ экипажъ императорскаго двора, дабы возвратиться въ Парижъ.

Въ первой открытой коляскѣ отправились Императрица и Прускій король, во второй—Императоры Всероссійскій и Французовъ. Императоръ Александръ сидѣлъ съ пра-

вой стороны, Императоръ Французовъ—съ лѣвой. На переднихъ мѣстахъ коляски сидѣлъ Великій Князь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Владиміръ Александровичъ.

Аллеи Лоншанская и Большаго Водопада были наполнены экипажами. Тутъ императорскому поѣзду не было возможности пробраться и онъ повернулъ вправо; когда императорская коляска подъѣхала къ тому мѣсту, гдѣ сходятся аллеи Дѣвы и Водоемовъ, то одинъ изъ дежурныхъ шталмейстеровъ, г. Рембо, вдругъ увидѣлъ человѣка, который находился во второмъ или третьемъ ряду зрителей и поднялъ обѣими руками вверхъ пистолетъ, направленный къ коляскѣ Императоровъ.

Г. Рембо былъ въ эту минуту нѣсколько позади коляски съ той стороны, на которой стоялъ этотъ человѣкъ. Полагая, что послѣдній хочетъ что нибудь сдѣлать съ коляской, г. Рембо двинулъ свою лошадь впередъ, и почти въ ту же минуту раздался громкій звукъ; пистолетный выстрѣлъ былъ сдѣланъ по императорской коляскѣ, но благодаря милосердію Провидѣнія, пули не достигли своего назначенія. Пистолетъ былъ двуствольный, и одна изъ пуль, которыми онъ былъ заряженъ, не выскочила изъ ствола, а разорвала его, а другая попала въ голову лошади г. Рембо, закрывшей въ эту минуту Ихъ Величества по грудь. Съ минуту господствовалъ не изобразимый страхъ. Но всѣ успокоились, когда поднялся самъ Императоръ Наполеонъ и объявилъ, что въ коляскѣ никто не раненъ. Это извѣщеніе было привѣтствовано громкими, со всѣхъ сторонъ раздавшимися, восклицаніями: »Да здравствуетъ Императоръ!« Виновный былъ немедленно схваченъ; вслѣдствіе разрыва пистолета у него была ранена лѣвая рука. Лишь съ большимъ трудомъ онъ былъ исторгнутъ у толпы, въ которой негодованіе было всеобщее. Со всѣхъ сторонъ кричали ему »смерть!« и онъ, безъ энергіи и самоотверженія нѣсколькихъ добрыхъ гражданъ, былъ бы неминуемо убитъ на мѣстѣ. Его вырвали у толпы силою, посадили въ фіакръ и отвезли въ полицейскую префектуру. Обвиняемый сознался въ преступленіи и объявилъ, что онъ имѣлъ рѣшимость выстрѣлить въ Императора Александра, что поэтому стрѣлялъ только въ императорскую коляску, что никому не говорилъ о своемъ намѣреніи и что онъ былъ одинъ съ своимъ отечествомъ, за которое хотѣлъ отомстить, убивъ Императора Всероссійскаго. Впрочемъ, при всѣхъ допросахъ онъ постоянно утверждалъ, что не имѣлъ намѣренія покуситься на жизнь Императора Наполеона и былъ твердо увѣренъ, что его пули не задѣнутъ его величества. Березовскій сражался въ 1863 году въ рядахъ польскаго возстанія. Тщетно прождавъ въ Галиціи приказа снова принять участіе въ мятежѣ, онъ искалъ убѣжища сначала въ Германіи, а потомъ въ Бельгіи. Въ Парижъ онъ прибылъ только въ первыхъ числахъ ноября прошлаго года.

Онъ работалъ въ литейнѣ Гуэнъ, съ платой по 30 сантимовъ за часъ; отъ полицейской префектуры ему назначена была ежемѣсячная субсидія въ 35 франковъ. Желая научиться французскому языку, онъ провелъ десять (?) мѣсяцевъ въ учебномъ заведеніи Жофре. Съ 30-го апрѣля сего года, Березовскій жилъ совершенно безъ дѣла. 27-го мая, онъ уѣхалъ на нѣсколько дней работать въ Муи на Уазѣ, и сказалъ своему привратнику, что воротится къ 1-му іюня. Въ этотъ день, когда Императоръ Александръ въѣзжалъ въ Парижъ, Березовскій, чтобы видѣть Его Величество на проѣздѣ, ждалъ

два часа у станціи желѣзной дороги. Во вторникъ (4-го іюня), онъ старался увидѣть Его у большой оперы послѣ представленія.

Удостовѣрясь, что къ Императору Александру можно подойдти близко, обвиняемый окончательно составилъ свой планъ. Онъ избралъ для исполненія своего намѣренія 6-е іюня, то-есть день смотра, при которомъ долженъ былъ присутствовать Императоръ Всероссійскій. 5-го іюня, онъ купилъ у оружейника на Севастопольскомъ бульварѣ двуствольный пистолетъ, пули и пистоны; выборъ сдѣлалъ онъ изъ пистолетовъ уже испробованныхъ; но у него не было еще пороху, а деньги всѣ истощились; по этому онъ заложилъ въ Mont de Piété сюртукъ, дабы купить пороху. Утромъ, 6-го іюня, онъ зарядилъ пистолетъ, а такъ какъ пули были малы, то сдѣлалъ изъ бывшаго у него свинца два цилиндрическіе куска, которые вколотилъ въ стволы посредствомъ желѣзнаго прута. Вооружась такимъ образомъ, онъ вышелъ въ девять часовъ утра изъ своего жилища, куда уже не возвращался болѣе. Позавтракавъ у виноторговца въ улицѣ Маркаде, онъ отправился къ Батиньйольской станціи; у другаго виноторговца, близь этой станціи, онъ выпилъ рюмку вермута, и тамъ оставилъ свое пальто, въ карманѣ котораго было сочиненіе подъ заглавіемъ: »Изысканіе о Польшѣ«, Казимира Воловскаго. Страница 80-ая этой книги была загнута; на полѣ ея написано: »Клятва Киленскаго« и значкомъ отмѣчены слова: »Обязываюсь, всѣми возможными средствами, содѣйствовать успѣху возстанія«.

Во время смотра обвиняемый не могъ приблизиться къ Государямъ; но такъ какъ онъ помѣстился на скалѣ водопада, то полагалъ, что Царь долженъ будетъ проѣхать мимо его, и внимательнымъ взоромъ слѣдилъ за императорскимъ поѣздомъ. Когда же коляска Государей перемѣнила направленіе, повернувъ по аллеѣ Дѣвы, то онъ перебѣжалъ черезъ дорогу большаго водопада, потомъ наискось черезъ лѣсъ, и прибылъ одновременно съ коляской Государей къ тому мѣсту, гдѣ обѣ аллеи пересѣкаются.

Березовскій выстрѣлилъ нѣсколько вкось, такъ какъ былъ съ лѣвой стороны коляски; если можно вѣрить ему, то онъ цѣлилъ въ голову Императора Александра.

26-го іюня 1867 года, слѣдственный судья сенскаго трибунала опредѣлилъ передать акты генералъ-прокурору.

Апелляціонный судъ, принявъ, въ соображеніе, что, какъ изъ актовъ и слѣдствія видно, обвиняемымъ 6-го іюня 1867 года, въ Булонскомъ лѣсу умышленно и добровольно было совершено покушеніе на жизнь Его Величества Императора Александра, каковое покушеніе, начатое исполненіемъ, не имѣло успѣха вопреки волѣ виновника, и только вслѣдствіе обстоятельствъ, отъ него не зависѣвшихъ; и такъ какъ это преступленіе предусмотрѣно статьями 2 и 302 уголовнаго уложенія, приказалъ, чтобы поименованный Березовскій былъ преданъ суду и отосланъ въ ассисный судъ сенскаго департамента для произнесенія надъ нимъ приговора. Вслѣдствіе чего, апелляціонный судъ приказалъ, что каждый судебный приставъ (huissier) или агентъ общественной силы обязанъ упомянутаго Антона Березовскаго, рожденнаго въ Кольчиски (Волынія,—въ Россіи) 9-го мая 1847 г. машиниста, живущаго въ Парижѣ въ улицѣ Маркаде № 210, имѣющаго росту 171 цен-

тиметръ, волосы и брови темнорусые, лобъ высокій, глаза каріе, носъ обыкновенный, ротъ большой, подбородокъ круглый, лицо полное и смуглое,—взять и отвесть въ судебную тюрьму близъ ассизнаго суда сенскаго департамента, гдѣ обвиняемый долженъ быть записанъ въ реестры этого суда. Апелляціонный судъ приказываетъ, чтобы сей актъ былъ переданъ г. генералъ-прокурору для исполненія.

Дано въ парижскомъ судѣ 4-го іюля 1867 г. въ палатѣ преданія суду, гдѣ засѣдали слѣдующія (имена членовъ суда).

Засѣданіе сенскаго ассизнаго суда, 15-го іюля.

Засѣданіе открылось при многочисленномъ стеченіи публики. На столѣ, назначенномъ для предметовъ, служащихъ уликами, находится двуствольный пистолетъ Березовскаго, одно дуло котораго разорвано, связка книгъ, составлявшихъ библіотеку обвиненнаго, регистры, боевые снаряды, красный шерстяной кашне, черное пальто, захваченное у виноторговца, въ которомъ найдено было сочиненіе, заключавшее въ себѣ клятву Киленскаго. Г. Девьеннъ, который долженъ былъ предсѣдать въ засѣданіи, отсутствовалъ за болѣзнью и вмѣсто его президентское кресло занималъ совѣтникъ Бертеленъ.

Въ половинѣ 11-го ввели подсудимаго. Это молодой человѣкъ, съ блѣднымъ и смугловатымъ лицомъ; тѣмнорусые волосы подняты на высокомъ и правильномъ лбу. Его овальное лицо окружено не большою бородкой; онъ носитъ усы. Лѣвая рука его поддерживается шарфомъ изъ черной шелковой матеріи. Березовскій улыбается своему защитнику г. Эммануилу Араго и нѣсколько минутъ разговариваетъ съ нимъ и кланяется нѣкоторымъ знакомымъ, находившимися въ залѣ.

Въ четвергъ, 12-го, засѣданіе открывается и президентъ удостовѣряетъ въ личности подсудимаго.

Прокурорское мѣсто занимаетъ генералъ-прокуроръ де-Марна. Защитникъ подсудимаго адвокатъ Эммануилъ Араго.

По принятіи присяги присяжными (подсудимый нѣсколько блѣднѣетъ въ это время), президентъ приказываетъ прочесть обвинительный актъ, что исполняетъ секретарь Коммерсонъ. Вотъ текстъ этого документа.

Обвинительный актъ.

6-го минувшаго іюля большой смотръ назначенъ былъ Императоромъ на мѣстѣ Лоншанскихъ скачекъ въ честь иностранныхъ государей, находившихся тогда въ Парижѣ. Въ половинѣ 5-го, тотчасъ послѣ послѣднихъ маневровъ, его величество сѣлъ въ открытую коляску для возвращенія въ Тюльерійскій дворецъ. Онъ помѣстился на лѣвой сторонѣ экипажа на задней скамьѣ, Русскій Императоръ занималъ правую сторону; два Великіе Князя сидѣли на передней скамьѣ. Доѣхавъ до каскада, поѣздъ, по случаю скопленія экипажей на лѣвой аллеѣ, принялъ направленіе направо по аллеѣ Дѣвы и слѣдовалъ по ней до аллеи Водоемовъ. Миновавъ преграды, задерживавшія его путь, экипажъ дви-

нулся скорѣе, когда г. Рембо, шталмейстеръ императора, ѣхавшій у дверцы со стороны его величества, вдругъ замѣтилъ налѣво отъ себя человѣка, стоявшаго во второмъ ряду, нѣсколько выдавшись впередъ, и протянувшаго руки надъ плечами своихъ сосѣдей. По внезапному побужденію, хотя онъ и не предполагалъ дурныхъ намѣреній, онъ быстро двинулъ свою лошадь впередъ. Въ ту же минуту раздался громкій выстрѣлъ: два удара изъ пистолета, разомъ, даны были по императорскому экипажу. Но Провидѣніе не попустило этому замыслу совершиться. Пуля, вылетѣвшая изъ праваго ствола, попала въ голову лошади Рембо, не много ниже лѣваго глаза, и осталась въ ранѣ, проникнувъ въ кость на 6 центиметровъ; другая же пуля осталась въ лѣвомъ стволѣ, такъ какъ пистолетъ разорвало, вслѣдствіе слишкомъ большаго заряда, она состояла изъ куска свинца цилиндрической формы, длиною въ 19 милиметровъ и въ 16 граммъ вѣсу. Преступникъ, раненый въ руку осколками своего оружія, былъ тотчасъ же схваченъ, но потребовались энергическія и продолжительныя усилія, чтобы вырвать его изъ рукъ разъяренной толпы, которая, присоединяя крики о мщеніи съ тысячекратно повторяемымъ восклицаніямъ: да здравствуетъ Императоръ! хотѣла расправиться съ нимъ тутъ же на мѣстѣ. Арестованный человѣкъ, казалось, въ это время потерялъ сознаніе. Когда онъ снова получилъ возможность говорить въ каретѣ, перевозившей его въ полицейскую префектуру, то онъ объяснилъ, что его зовутъ Березовскій и что онъ полякъ, переселившійся во Францію въ 1865 году. Слѣдствіе обнаружило, что, вопреки сопротивленію своего отца, фортепіяннаго учителя въ Россіи, Березовскій, не имѣя никакого личнаго повода къ неудовольствію, вступилъ въ 1863 году въ ряды польскаго возстанія. Онъ участвовалъ въ немъ всего лишь нѣсколько недѣль, послѣ чего онъ удалился въ Галицію, гдѣ пробылъ около году. Когда австрійское правительство объявило эту провинцію въ осадномъ положеніи, то онъ перебрался въ Германію, оттуда въ Бельгію, и въ 1865 году прибылъ въ Парижъ просить у Франціи гостепріимства и пособій. Появленіе его нѣсколько времени послѣ того въ русскомъ посольствѣ, для полученія паспорта, указываетъ, по видимому, что онъ имѣлъ желаніе возвратиться на родину; но въ точности нельзя было узнать, почему намѣреніе это не удалось, и подсудимый продолжалъ жить въ Парижѣ, будучи въ разное время то рабочимъ механикомъ на разныхъ фабрикахъ, то ученикомъ въ институтѣ Жофре, живя уединенно, чуждаясь своихъ товарищей, даже своихъ соотечественниковъ, и съ жадностью читая книги, способныя воспламенить тѣ чувства, которымъ вскорѣ онъ долженъ былъ вполнѣ предаться. Съ 13-го августа 1866 года онъ находился на фабрикѣ фирмы Гуэнъ, гдѣ онъ уже два раза прежде работалъ въ разное время, когда въ концѣ апрѣля разнеслась вѣсть, что Императоръ Александръ въ скоромъ времени прибудетъ во Францію. Безъ сомнѣнія, преступные замыслы волновали въ это время умъ подсудимаго, который 30-го апрѣля оставилъ фабрику Гуэнъ, подъ предлогомъ болѣзненнаго состоянія, и провелъ май мѣсяцъ въ совершенной праздности. 27-го мая онъ совершилъ путешествіе въ Муи, въ департаментѣ Оазы, цѣль коего осталась не разъясненною. Но 1-го іюня онъ возвратился въ Парижъ и находился на станціи сѣверной желѣзной дороги во время прибытія Русскаго Государя.

Березовскій въ довѣріи Государя, разчитывавшаго на благородство населенія, увидѣлъ только средство для удовлетворенія своихъ замысловъ мщенія и сталъ искать

удобнаго случая для ихъ исполненія. Съ этою цѣлью, 4-го іюня, вечеромъ, онъ находился у входа въ оперный театръ, ожидая выхода Ихъ Величествъ; измѣнически присоединяясь къ группамъ, которыя всего восторженнѣе выражали свое привѣтствіе, онъ слѣдовалъ бѣгомъ за кортежемъ до Елисейскаго дворца, крича: »да здравствуетъ Императоръ!« и все болѣе убѣждаясь въ возможности легко приблизиться къ каретѣ Русскаго Государя; онъ выбралъ день смотра, назначеннаго на 6-е іюня, для исполненія покушенія, на которое онъ рѣшился. Ежемѣсячное пособіе въ 35 франковъ, которое онъ получалъ отъ администраціи и за которымъ онъ не пропустилъ явиться 3-го іюня, и небольшая сумма денегъ, которую онъ добылъ въ другомъ мѣстѣ, дали ему необходимыя средства для пріобрѣтенія орудій преступленія. 5-го іюня, въ два часа, онъ покупаетъ за 8 франковъ у оружейника Брюнвиля двуствольный пистолетъ, который былъ поднятъ у его ногъ въ Булонскомъ лѣсу, и добываетъ себѣ въ тоже время пять пуль и коробку пистоновъ. Вечеромъ онъ покупаетъ пороху въ другомъ магазинѣ и отыскиваетъ въ разныхъ газетахъ тѣ свѣдѣнія о завтрашнемъ смотрѣ, которыя ему важно было узнать. 6-го іюня, раннимъ утромъ, онъ приготовляетъ пули другой величины, чѣмъ тѣ, которыя ему были проданы и которыя, по его мнѣнію, были слишкомъ малы для калибра его пистолета; онъ сдѣлалъ два слитка и опустилъ ихъ въ стволы поверхъ заряда пороха, забивая ихъ стальнымъ инструментомъ. Вооруженный такимъ образомъ, онъ отправляется, позавтракавъ, въ 10 часовъ въ Батиньйоль къ поѣзду, который долженъ былъ привезти его въ Булонскій лѣсъ. Прежде чѣмъ войти на станцію, онъ останавливается у одного виноторговца, своего соотечественника, выпиваетъ рюмку вермута и оставляетъ въ залогъ пальто, въ карманѣ коего найдено сочиненіе о Польшѣ, съ загнутою страницой на томъ мѣстѣ, гдѣ напечатана клятва Киленскаго. Прибывъ въ Лоншанъ, онъ увидѣлъ Государей впереди войскъ, но не могъ къ нимъ приблизиться. Наплывъ толпы, который неизбѣжно долженъ былъ произойти подъ конецъ смотра, не могъ не доставить ему случая, который онъ изыскивалъ, и, взобравшись на одинъ изъ кустовъ, окружавшихъ большой водопадъ, онъ могъ слѣдить глазами за движеніями императорской кареты и быстро устремиться въ ту сторону, куда бы она направилась. Тамъ онъ дѣйствително и помѣстился для наблюденія. Оттуда онъ замѣтилъ, какъ карета, въ которой находились оба Императора, двинулась шагомъ по аллеѣ de la Vierge, онъ бросился въ эту сторону и пересѣкши напрямки лѣсъ, который въ этомъ мѣстѣ рѣдокъ, онъ опередилъ ее на перекресткѣ аллеи de la Vierge и дороги des Reservoirs. Тогда, будучи скрытъ позади зрителей, онъ положилъ свою руку на плечо одного изъ нихъ, г. Бонно, и держа пистолетъ обѣими руками, спустилъ заразъ оба курка. Выстрѣлъ, по меньшей мѣрѣ, поразилъ бы одну жертву, безъ благополучнаго содѣйствія обстоятельства, которое привело къ неудачѣ его ненавистное покушеніе; по высотѣ горизонтальной раны лошади г. Рембо и по положенію животнаго относительно Березовскаго, дѣйствительно можно было удостовѣриться, что еслибы слитокъ, попавшій въ лошадь, не былъ такимъ образомъ остановленъ въ своемъ полетѣ, то онъ попалъ бы въ грудь одного изъ Государей и нельзя подумать безъ содроганія объ опустошеніяхъ, которыя произвелъ бы второй слитокъ, если принять въ соображеніе уклоненіе, которое обыкновенно происходитъ въ направленіи двухъ снарядовъ. Березовскій сознался во всѣхъ фактахъ, которые относятся къ приготовленію и исполненію его предпріятія; особенно настойчиво онъ только утверждалъ, и слѣдствіе не опровергло его въ этомъ совершенно,

что онъ хотѣлъ поразить только Русскаго Государя, ограничившись, какъ онъ сказалъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ, тѣмъ, что далъ бы императору французовъ и Франціи предостереженіе; въ отношеніи къ Русскому Государю, по словамъ его, онъ совершилъ бы только свою обязанность, исполняя клятву, которую далъ самъ себѣ, когда ему было 16 лѣтъ. Между Россіей и Польшей война не прекращалась, она ему давала права, которыхъ онъ не преступилъ, и онъ сожалѣетъ, что не удовлетворилъ ихъ вполнѣ. Еслибъ ему пришлось начинать сызнова, онъ готовъ сдѣлать то же самое. Онъ присовокупилъ, что онъ виновенъ только въ отношеніи къ Франціи, гостепріимству коей онъ измѣнилъ, не уваживъ Государя, который былъ также ея гостемъ. Преступленіе, совершенное Березовскимъ, возбудило во всей Франціи чувство ужаса и возмутило всѣ честныя и благородныя сердца въ нашей странѣ. Всѣ давно ожидаютъ, чтобъ его строго осудилъ приговоръ присяжныхъ. Вслѣдствіе всего этого, Антонъ Березовскій обвиняется:

Въ томъ, что 6-го іюня 1867 года, въ Булонскомъ лѣсу, онъ совершилъ съ намѣреніемъ покушеніе на убійство надъ особой Императора Александра; каковое покушеніе, обнаруженное началомъ исполненія, не удалось единственно по обстоятельствамъ, независившимъ отъ воли виновника этого покушенія.

Преступленіе это предусмотрѣно статьями 2-й и 302-й уголовнаго кодекса.

Данъ въ палатѣ Императорскаго суда въ Парижѣ, 4-го іюля 1867 года.

Подписалъ: генералъ-прокуроръ де-Марна.

По окончаніи чтенія, которое Березовскій выслушалъ не безъ волненія, президентъ велѣлъ раздать присяжнымъ планъ мѣстности, прилегающей къ водопаду и приступилъ къ допросу подсудимаго. В. Березовскій, встаньте. Живъ ли вашъ отецъ? О.—Не знаю, г. президентъ; не знаю даже, гдѣ онъ теперь.—В. Однако при слѣдственномъ допросѣ вы показали, что онъ въ Россіи, гдѣ преподаетъ уроки на фортепьяно? О.—Но я давно не имѣю отъ него извѣстій.—В. Вы имѣете трехъ братьевъ: гдѣ они? О.—У меня два брата и сестра: но я не знаю, гдѣ они.—В. Вы не знаете даже живы ли они, не арестованы ли, не преслѣдуются ли русскими властями? О.—Нѣтъ, г. президентъ.—В. Вы взросли у вашей бабушки, у которой получили первоначальное воспитаніе. Въ 1863 году вспыхнуло польское возстаніе; отецъ вашъ хотѣлъ отклонить васъ отъ участія въ немъ, вы не послушались его и онъ проклялъ васъ? О.—Все это правда.—В. Но это проклятіе навлекло вамъ несчастье? О.—Это вина того, кто насъ угнетаетъ.—В. Вы удалились въ Галицію, потомъ въ Германію, въ Мюнхенъ, въ Литтихъ. Тамъ вы занимались оружейнымъ мастерствомъ? О.—Нѣтъ, я былъ механикомъ при работѣ паровыхъ машинъ.—В. Вы не учились дѣлать оружіе? О.—Нѣтъ, я былъ только механикомъ.—В. Вы прибыли въ январѣ 1865 г. въ Парижъ и поступили къ г. Гуэну? О.—Такъ точно.—В. Въ іюнѣ 1865 года вы пожелали-было пополнить ваше воспитаніе, употребивъ на это бывшія у васъ деньги? О.—Это правда, но я не продолжалъ, за недостаткомъ средствъ.—В. Тогда вы возвратились къ г. Гуэну, котораго оставили 27-го мая? О.—Я оставилъ его окончательно по нездоровью.—В. Въ концѣ мая, вы удалились въ Муи, въ оазскомъ департаментѣ, къ

знакомому вамъ поляку, занимавшемуся въ той странѣ слесарствомъ. У него вы пробыли лишь нѣсколько дней. Зачѣмъ вы оставили его? О.—Потому, что я недостаточно знаю эту работу.—В. Дѣйствительно, этотъ полякъ объявилъ, что не хотѣлъ держать васъ, такъ какъ вы дурной слесарь. Вы возвратились въ Парижъ 1-го іюня, въ два часа, по сѣверной желѣзной дорогѣ, остались на станціи и были тутъ во время прибытія Царя? О.—Да, я видѣлъ его на станціи.—В. Зачѣмъ вы были тамъ? О.—Чтобы посмотрѣть, не могу ли я наказать его за его дѣла и за то, что онъ святотатственно поставилъ ногу на французскую почву.—(Движеніе). В. Не въ это ли время вы рѣшились убить Царя? О.—И въ это время и еще прежде. Я всегда думалъ отмстить ему изъ глубины моего отечества. Бывши въ Польшѣ, я не помышлялъ убить его. Я зналъ, что тамъ я могъ бы это сдѣлать, но когда увидѣлъ, что его можно убить во Франціи, то не поколебался.—(Волненіе) .В. Да, вы хотѣли воспользоваться гостепріимствомъ, которое Франція вамъ оказывала, дабы покуситься на жизнь Царя, и не уважили гостепріимства, которое Императоръ Наполеонъ оказалъ вашему Государю. Господа присяжные, замѣтьте, что подсудимый выражается съ нѣкоторымъ затрудненіемъ. Это происходитъ отъ естественнаго недостатка въ выговорѣ, засвидѣтельствованнаго при слѣдствіи. Я дѣлаю это замѣчаніе для того, чтобы вы не приняли это затрудненіе въ выговорѣ за смущеніе Г. Эммануэль Араго.—Онъ очень хорошо говоритъ по-польски и затрудняется только говорить по-французски.—Президентъ.—Подсудимый, вы не повѣряли ваше намѣреніе никому? О.—Нѣтъ, никому.—В. Это необычайно; вы имѣли много знакомыхъ? О.—Я остерегся бы сообщить кому-нибудь это намѣреніе. Мнѣ могли измѣнить.—В. Изслѣдованіями юстиціи, самыми дѣятельными и усердными, не найдено соучастниковъ. 3-го іюня, вы ходили за субсидіей, которую вы получили отъ Франціи, и купили оружіе, назначенное вами для преступленія. Въ тотъ же день вы ходили въ оперу узнать, будетъ ли туда на слѣдующій день Русскій Императоръ? О.—Да, я ходилъ на слѣдующій день въ оперу посмотрѣть, можно ли будетъ приблизиться къ Царю.—В. Вечеромъ, 4-го іюня, вы ждали его у выхода?... О.—Это правда, и я даже слѣдовалъ за каретой до Елисейскихъ полей, восклицая: »да здравствуетъ Императоръ!« Это было для того, что я хотѣлъ вглядѣться въ обоихъ Императоровъ, дабы могъ различить ихъ впослѣдствіи.—В. Вы купили у Брюнивиля пистолетъ. Вамъ предлагали одноствольный, но вы потребовали двуствольный. Зачѣмъ? О.—Потому что хотѣлъ попасть Царю непремѣнно въ грудь.—В. Вы заплатили за пистолетъ 8 франковъ? О.—Нѣтъ, 9; да это не важно.—(Подсудимый улыбнулся).

Онъ сознался, что купилъ потомъ пули, но онъ нашелъ ихъ малыми по калибру, а это, какъ замѣтилъ президентъ, доказываетъ, что онъ знакомъ съ оружейнымъ мастерствомъ. Потомъ онъ купилъ на одинъ франкъ пороху и маленькій Мониторъ, дабы узнать часъ, въ которомъ будетъ 6-го іюня смотръ.

В. Имѣли ли вы въ это время намѣреніе убить Царя? О.—Имѣлъ, не отрицаю этого.—

Президентъ объясняетъ присяжнымъ, какъ пистолетъ былъ заряженъ, и передаетъ имъ это оружіе.

В. Подсудимый, отправясь изъ Батиньйоля, 6-го іюня утромъ, вы остановились въ аллеѣ Императрицы, и оттуда?... О.—Я дошелъ пѣшкомъ до водопада, гдѣ остановился наблюдать, и присутствовалъ при смотрѣ, съ намѣреніемъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, чтобъ убить Царя.—В. Вы видѣли приближеніе кареты, ѣхавшей къ перекрестку, образуемому двумя аллеями, ведущими къ озеру. Карета, въ которой сидѣли оба Императоры и Великіе Князья, ѣхала шагомъ? О.—Я не обратилъ на это вниманія. —В. Императоръ, замѣтивъ тѣсноту въ лѣвой аллеѣ, далъ приказаніе ѣхать вправо по аллеѣ Дѣвы. Тогда обѣжавъ за резервуаръ, вы отправились стать на перекресткѣ, образуемомъ аллеями Резервуаровъ и Дѣвы. Карета ѣхала шагомъ; народа тамъ было мало, и вы приблизились къ каретѣ? О.—Я не помню обстоятельствъ, о которыхъ вы говорите, г. президентъ, я имѣлъ въ виду только мою цѣль—выстрѣлить въ Царя.—В. Въ кого вы цѣлили преимущественно? О.—Только въ Царя, въ Него Одного.—В. Вы были ранены? О.—Да, и по этому лишился чувствъ.—В. Васъ схватили; вы хотѣли кричать; вамъ не дали кричать? О.—Я хотѣлъ закричать: »да здравствуетъ Польша!«—В. Да, одинъ полицейскій зажалъ вамъ ротъ рукою, и вы только до половины произнесли то, что хотѣли прокричать? О.—Я хотѣлъ дать знать, что сдѣлалъ это во имя Польши.—В. Изъ пистолета вышла одна только пуля, пистолетъ разорвало? О.—Не знаю. Я цѣлилъ Царю въ голову, и знаю, что еслибы попалъ, то убилъ бы его.—В. По какому праву покусились вы на жизнь Царя? О.—Я имѣлъ на это право. (Голосомъ взволнованнымъ). Онъ умертвилъ нашу страну, избилъ ея жителей. Однимъ почеркомъ пера онъ посылалъ всѣхъ въ Сибирь, и я не имѣлъ бы права ему отмстить?—В. Вы не имѣли права присвоивать себѣ эту власть; она не принадлежала вамъ. О.—Эту власть, г. президентъ, я почерпнулъ въ моемъ сердцѣ, угнетенномъ бѣдствіями моей страны.—В. Но если вы не почитали Императора Россійскаго вашимъ Государемъ?... О.—О! нѣтъ?...—В. Онъ по крайней мѣрѣ вашъ ближній, а никто не имѣетъ права посягать на жизнь ближняго. О.—Царь! Онъ не ближній мой; никто не знаетъ какъ назвать его, Царя; нельзя уважать это имя Царь.—В. Но вы защищаете теорію цареубійства. Богъ запрещаетъ убивать. О.—Я не Богъ.—В. Нѣтъ, вы не Богъ (смѣхъ, тотчасъ унятый); вы сказали при одномъ изъ сдѣланныхъ вамъ допросовъ, что вы сами осудили Царя. Вы не имѣете права судить государей. О.—Оставшись живъ, Царь по смерти будетъ ввергнутъ Богомъ въ адъ; а еслибъ онъ искупилъ свои поступки смертью, которую я хотѣлъ ему дать, то онъ былъ бы счастливѣе на томъ свѣтѣ.—В. А еслибы ваша пуля попала въ другую грудь? О.—Я хорошо зналъ, что не попаду въ императора французовъ.—В. Но еслибы лошадь г. Рембо не закрыла собою кареты, то можете ли вы поручиться за то, куда бы попала ваша пуля? При слѣдствіи вы сказали, что польская пуля не можетъ убить императора французовъ. Это фраза, а не отвѣтъ. Если бы кучеръ скорѣе поѣхалъ, лошадь г. Рембо отстала и вы попали бы въ императора французовъ? О.—О, нѣтъ, я былъ увѣренъ въ моемъ оружіи.—(Различныя движенія).

Президентъ. Прежде чѣмъ выслушать свидѣтелей, показывающихъ противъ подсудимаго, пріостановимъ засѣданіе.

Г. Эммануэль Араго. Желательно, чтобы было засвидѣтельствовано, что при

первомъ допросѣ подсудимаго присутствовалъ иностранный главный сановникъ, начальникъ русской полиціи.

Президентъ. Это не относится къ дѣлу.

Г. Марна. Какъ вы хотите засвидѣтельствовать фактъ, не принадлежащій къ дѣлу, внѣ его стоящій?

Г. Э. Араго. Но во всякомъ случаѣ это не внѣ истины. Не знаю, почему не признать факта достовѣрнаго.

Этотъ обмѣнъ словъ не имѣлъ послѣдствій.

Допросъ подсудимаго кончился, и приступили къ слушанію свидѣтелей.

Показанія свидѣтелей.

Вызываютъ перваго свидѣтеля.

Г. Фирменъ Рембо, 33-хъ лѣтъ, шталмейстеръ императора (общее вниманіе). 6-го іюня, при возвращеніи со смотра въ Булонскомъ лѣсу, я былъ дежурнымъ при императорѣ. Я имѣлъ честь сопровождать экипажъ, который занимали Императоры и русскіе Великіе Князья. Я ѣхалъ у дверцы экипажа слѣва. Экипажъ приблизился къ большому каскаду, когда, вслѣдствіе чрезвычайнаго стеченія толпы, экипажъ поворотилъ въ аллею направо отъ каскада. Ѣхали не большою рысью, когда, поровнявшись съ поперечною аллеей, я увидѣлъ человѣка, дѣлавшаго угрожающій жестъ. По инстинктивному побужденію, я быстро двинулъ лошадь мою впередъ. Въ эту минуту я услышалъ громкій выстрѣлъ и лошадь моя рванулась. Товарищъ мой г. де-Бургуанъ приказалъ тогда ѣхать крупною рысью, но императоръ, напротивъ того, приказалъ ѣхать шагомъ, Его Величество поспѣшилъ удостовѣриться, не раненъ ли кто-нибудь. Тогда замѣтили что нѣсколько капель крови брызнуло на императора. Президентъ.—На какой высотѣ была ваша лошадь въ минуту покушенія?—Г. Рембо. Лошадь моя была на высотѣ задняго колеса. Увидѣвъ человѣка, дѣлавшаго рѣзкій жестъ, я быстро двинулъ мою лошадь, какъ я уже сказалъ, по инстинктивному побужденію. Я видѣлъ жестъ и почти въ то же мгновеніе услышалъ выстрѣлъ. Моя лошадь была ранена, какъ вскорѣ оказалось. Императоръ приказалъ мнѣ остановиться. У моей лошади пробита была голова; рана была между глазомъ и лѣвою ноздрей. Если бы ударъ достигъ до своей цѣли, то онъ попалъ бы въ голову. Президентъ.—Итакъ изъ вашего показанія оказывается, что товарищъ вашъ велѣлъ ѣхать рысью, между тѣмъ какъ Императоръ далъ повелѣніе ѣхать шагомъ?—Г. Рембо. Да г. президентъ. Императоръ далъ это повелѣніе съ величайшимъ хладнокровіемъ. Его величество всталъ въ экипажѣ и спросилъ, не раненъ ли кто-нибудь? Президентъ.—Г. Рембо, судъ поздравляетъ васъ. Вы сумѣли инстинктивно предупредить величайшую опасность, грозившую жизни Государей. Вы сохранили дни Августѣйшаго Гостя Франціи. Примите наши поздравленія.—

Г. Жанъ-Піеръ Бонно, 56-ти лѣтъ, собственникъ. Я былъ на смотру 6-го іюня

въ Булонскомъ лѣсу; какъ только окончился церемоніальный маршъ, я отправился по дорогѣ къ Пасси. Я шелъ между каскадомъ и сосѣднимъ кафе-рестораномъ, и поднимался по аллеѣ вдоль водоема. Тогда я увидѣлъ кортежъ; слышались крики: »да здравствуетъ Императоръ!« Въ эту самую минуту, у самаго моего уха и у меня на плечѣ раздался выстрѣлъ. Боже мой!—воскликнулъ я,—въ Императора выстрѣлили! Я былъ совершенно смущенъ, взволнованъ, пораженъ негодованіемъ; я обернулся; ухо у меня заложило, я покрытъ былъ крупинками пороха. Я увидѣлъ человѣка, наклонившаго голову; рука у него была окровавлена; не медля ни минуты, я схватилъ этого человѣка за шиворотъ. Схвативъ его, я закричалъ:—вотъ убійца! Президентъ.—Вы поступили очень хорошо. Судъ поздравляетъ васъ. Что произошло въ ту минуту, когда вы схватили подсудимаго?—Г. Бонно. Толпа была въ крайнемъ раздраженіи; слышались крики: »надо убить его, повѣсить! Расправимся съ нимъ на мѣстѣ!« Я воспротивился этому. Я сказалъ: »нѣтъ вы его не тронете; оставьте его правосудію, оно расправится съ нимъ«. Президентъ. —Вы поступили очень хорошо.—

Г. Жанъ-Шарль Люберъ, 42-хъ лѣтъ, капитанъ парижской стражи. 6-го іюня, въ день смотра, я былъ въ аллеѣ Дѣвы, когда раздался выстрѣлъ. Семь-восемь всадниковъ было тамъ, и я спросилъ у нихъ: »что это такое?« Стрѣляли въ Императора. Возлѣ меня стоялъ человѣкъ высокаго роста, очень бѣлокурый; я хотѣлъ задержать его, когда увидѣлъ, что подсудимый рвется, съ крикомъ: »да здравствуетъ Польша!« Одинъ изъ стражей тотчасъ же зажалъ ему ротъ рукой. Толпа кричала: »смерть ему, смерть! Его надо повѣсить, вздернуть на дерево«! Между мною и желавшими умертвить подсудимаго завязалась борьба. Въ ту минуту на помощь мнѣ подбѣжалъ капитанъ де-Прель. Подсудимаго унесли и посадили въ карету. Капитанъ де-Прель принялъ подъ свою команду конвой и подсудимаго отвезли въ полицейскую префектуру.

Г. Эрнстъ-Августъ Гарень де-Прель, капитанъ парижской стражи. Мнѣ поручено было съ отрядомъ въ 60 человѣкъ расчищать дорогу для проѣзда экипажей и императора. Послѣ смотра, стеченіе экипажей и народа было такъ велико, что проѣздъ сдѣлался крайне-затруднительнымъ. Отъ этого предъ большимъ каскадомъ императорскій кортежъ перемѣнилъ направленіе и двинулся по аллеѣ Дѣвы. Экипажи въѣхали въ эту аллею, когда раздался выстрѣлъ. Я поспѣшилъ на мѣсто и увидѣлъ, что товарищъ мой капитанъ Люберъ схватилъ человѣка, выстрѣлившаго въ карету императора. Его хотѣли умертвить, »вздернуть его на дерево,« какъ говорили. Я пособилъ моему товарищу отнять подсудимаго у толпы, желавшей покончить съ нимъ. Бороться намъ было трудно; мнѣ мѣшала его сабля и моя каска. Наконецъ намъ удалось высвободиться. Я велѣлъ посадить подсудимаго въ карету и проводилъ его до полицейской префектуры. Президентъ.—Вы исполнили вашу обязанность, какъ исполняютъ ее всегда носящіе вашъ мундиръ. Судить убійцъ предоставлено ассизному суду. Судъ поздравляетъ васъ.—

Шарль-Жозефъ Гиродонъ, 37 лѣтъ, парижскій городовой стражъ. 6-го іюня я былъ дежурнымъ. Когда подсудимый закричалъ: »да здравствуетъ Польша!« я зажалъ ему ротъ рукой и остановилъ его. Мнѣ стоило большаго труда вырвать его у толпы, хотѣвшей его убить.

Бартелеми Польверини, 41-го года, полицейскій инспекторъ. Я помогалъ задержанію подсудимаго. Кричали: »Убить его, повѣсить его! Расправимся съ нимъ сами!« Чтобы вырвать его у толпы, пришлось вступить въ борьбу, продолжавшуюся отъ 15-ти до 20-ти минутъ.

Карлосъ-Жанъ-Батистъ Клавуа, 52-хъ лѣтъ, капиталистъ, былъ въ Булонскомъ лѣсу въ минуту покушенія. Онъ помогалъ задержать подсудимаго.

Шарль-Констанъ Мальяръ, 40 лѣтъ, архитекторъ. Въ день смотра я былъ въ аллеѣ Каскада; подлѣ меня, въ ту минуту, когда проѣзжалъ экипажъ Императора, я увидѣлъ, какъ будто молнію и услышалъ двойной выстрѣлъ. Кричали: »гдѣ онъ, гдѣ убійца?« Я указалъ подсудимаго и сказалъ: »Вотъ онъ!« Толпа бросилась на него съ криками: »Смерть ему, смерть!« Такъ какъ мнѣ случилось въ 1848 году видѣть народную расправу, то я опасался, не случилось бы чего подобнаго. Я хотѣлъ этому воспротивиться, началъ бороться, меня толкали, бросали изъ стороны въ сторону; наконецъ одинъ капитанъ парижской стражи задержалъ подсудимаго и успѣлъ передать его другому офицеру, который отправилъ его въ каретѣ въ полицейскую префектуру.

Г. Гранжанъ, писарь въ канцеляріи законодательнаго сословія, былъ на опушкѣ дороги, когда подсудимый выстрѣлилъ. Толпа грозила смертью убійцѣ.

Симонъ-Жозефъ Гершъ, старшій вахмистръ парижской стражи, сопровождавшій подсудимаго въ полицейскую префектуру. Я былъ съ нимъ въ каретѣ. Подсудимый казался безъ чувствъ отъ своей раны. Вдругъ опомнился и закричалъ: »Да здравствуетъ Императоръ! да здравствуетъ Польша!« Онъ сказалъ мнѣ, что не имѣлъ намѣренія убить императора Наполеона, но одного Императора Александра. Затѣмъ онъ сказалъ намъ, что находится во Франціи съ 1865 года и работалъ у Гуэна въ Батиньйолѣ. Спустя нѣсколько времени, онъ спросилъ насъ,—раненъ ли Русскій Императоръ? Мы отвѣчали ему: нѣтъ! и онъ казался очень удивленнымъ. Мы спросили его,—раскаивается ли онъ? Сначала онъ не отвѣчалъ намъ, а потомъ сказалъ: »Нѣтъ, у меня нѣтъ сообщниковъ.« Онъ сказалъ, что стрѣлялъ въ Русскаго Императора, чтобъ отмстить за свою страну.

Луи Бюскаль, вахмистръ, сообщаетъ тѣ же факты и тѣ же слова, произнесенныя подсудимымъ, когда его везли въ каретѣ въ полицейскую префектуру. Подсудимый былъ нѣсколько времени какъ бы безъ памяти. Услышавъ крики: »Да здравствуетъ Императоръ!« онъ оживился и закричалъ:—Да здравствуетъ Польша!—Свидѣтель нашелъ у подсудимаго 7 франковъ и пустую бутылку. Онъ сказалъ, что имя его Антонъ Березовскій и что онъ участвовалъ въ польскомъ возстаніи. Мы его спросили, есть ли у него сообщники; онъ отвѣчалъ намъ, что онъ одинъ съ своею родиной, Польшей.

Г. Николай Шавріеръ, служащій при Мюльгаузенской таможнѣ. Я присутствовалъ при арестованіи. Я поднялъ пистолетъ и узнаю его: онъ былъ разбитъ надвое. Кричали: »смерть ему!« Одинъ подъѣхалъ черезъ минуту и сказалъ, что императоръ не раненъ.

Поль Риботонъ, виноторговецъ. Я участвовалъ въ задержаніи, вмѣстѣ со многими другими. Я подобралъ одно дуло пистолета.

Г. Роберъ, полковникъ штаба. Я присутствовалъ при задержаніи. Я былъ на самомъ мѣстѣ. Императорская карета только что проѣхала. Мы осмотрѣли подробно мѣстность, гдѣ произошло покушеніе. Березовскій цѣлилъ въ Русскаго Императора и стрѣлялъ вкось по Его Величеству. Я видѣлъ убійцу въ ту минуту, когда онъ выстрѣлилъ. Я видѣлъ, какъ сверкнулъ огонь. Въ ту минуту около него было мало народа.

Г. Эмиль Целлеръ, старшій ветеринарный врачъ императорскихъ конюшенъ, представляетъ отчетъ о ранѣ лошади г. Рембо. Пуля слѣдовала по горизонтальному направленію и, несомнѣнно, что она должна была попасть въ тѣло Императора въ верхнюю часть.

Г. Лало, кондукторъ, начальникъ работъ въ Булонскомъ лѣсу. Мнѣ поручено было составить актъ мѣстности. Я готовъ отвѣчать на вопросы г. президента.

Президентъ. Сомнѣнія никакого не заявлено. Гг. присяжные могутъ видѣть планъ, составленный свидѣтелемъ.

Жанъ-Батистъ Делушъ, оружейникъ. Подсудимый приходилъ ко мнѣ за пистолетомъ. Онъ купилъ его за 9 франковъ. Это было наканунѣ покушенія.

Свидѣтель узнаетъ представленный ему пистолетъ. Онъ продалъ пять пуль мелкаго калибра, потому что у него не было пуль по пистолету.

Эжеръ Букнё, служитель у виноторговца, видѣлъ подсудимаго 6-го іюня, въ 11 часовъ утра. Тотъ потребовалъ рюмку вермута и оставилъ пальто, за которымъ обѣщалъ зайдти послѣ. Онъ увидѣлъ его потомъ лишь во время слѣдствія.

Іосифъ Моравскій, слесарь-механикъ въ Муи, въ округѣ клермонскомъ (департаментъ Уазы). Березовскій явился ко мнѣ, чтобъ учиться слесарному мастерству. Онъ не годился мнѣ въ работники и я не хотѣлъ держать его. Онъ мнѣ не повѣрялъ никакой тайны и никогда не говорилъ со мною о политикѣ. Онъ два раза принимался у меня работать,—въ прошедшемъ году и въ нынѣшнемъ.

Альфонсъ Гауфъ, работникъ-механикъ. Я видѣлъ подсудимаго у Моравскаго; онъ разсказывалъ мнѣ исторію о Наполеонѣ I; онъ много читалъ. Онъ не говорилъ мнѣ, что замышляетъ убійство. Однажды Березовскій сказалъ мнѣ, что онъ очень бы желалъ быть пастухомъ, чтобъ оставаться въ одиночествѣ, читать и думать на свободѣ.

Президентъ читаетъ докладъ г. Девима, коему поручено было изслѣдовать пистолетъ, захваченный на подсудимомъ. Изъ него оказывается, что уклоненіе пуль было таково, что одна изъ нихъ могла навѣрное поразить императора французовъ.

Г. Араго. Въ уголовномъ дѣлѣ, мы прежде всего розыскиваемъ намѣреніе. Березовскій не обвиняется въ намѣреніи стрѣлять по императору Французовъ.

Президентъ читаетъ протоколы относительно домоваго обыска, сдѣланнаго въ жилищѣ подсудимаго, въ улицѣ Меркаде, гдѣ онъ занималъ самую бѣдную мансарду. Въ числѣ книгъ, у него захваченныхъ, были: Исторія Россіи и ея завоевательныхъ плановъ, Многочисленность міровъ Фонтенеля, Книга духовъ, Странствующій Жидъ, Эженя Сю, Исторія іезуитовъ, Цакконе, съ описаніемъ многихъ цареубійствъ XVI и XVII вѣковъ, Книга Маріаны, съ трактатомъ объ идеяхъ, относящихся къ цареубійствамъ Жака-Клемана и Равальяка, Описаніе покушенія Даміана, Мысли Паскаля, Заговоръ Катилины, Признанія Ж.-Ж. Руссо. На одной стѣнѣ написано:

Dans le crime il suffit qu'une fois on débute.

Une chute toujours amène une autre chute.

(Въ преступленіи стоитъ только положить начало; за паденіемъ слѣдуетъ всегда другое паденіе).

Потомъ слѣдующій стихъ изъ Буало:

L'honneur est comme une île escarpé et sans bords (честь подобна крутому острову, утесистому и безъ береговъ). Кромѣ того фразы въ родѣ слѣдующихъ: On commence par être dupe, on finit par être fripon (начинается съ того, что тебя обманываютъ, а подъ конецъ самъ дѣлаешся мошенникомъ); depuis que je hais les sots, je déteste presque tout le monde (съ тѣхъ поръ какъ я ненавижу глупцовъ, я чувствую отвращеніе къ цѣлому свѣту). Наконецъ у подсудимаго захвачена литографія, изображающая Спартака.

Г. Девимъ, не отвѣчавшій на вызовъ, является и подтверждаетъ заключенія доклада, изложеннаго имъ въ качествѣ эксперта. Изъ словъ его оказывается, что пистолетъ, хотя онъ и не хорошаго качества, не разорвало бы, еслибы зарядъ не былъ слишкомъ силенъ. Въ заключеніе онъ объявляетъ, что уклоненіе должно было быть очень значительно, вслѣдствіе огромности заряда.

Переходятъ къ допросу свидѣтелей со стороны подсудимаго.

Г. Рущевскій, бывшій подполковникъ волынскихъ уланъ. Я зналъ Березовскаго, когда онъ служилъ у меня въ полку, въ ранней юности. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ храбрецовъ въ сраженіяхъ; онъ съ радостью переносилъ всѣ труды и лишенія, а ихъ много доставалось на его долю. Березовскій отличался всегда добрымъ поведеніемъ и дисциплиной; товарищи любили его какъ ребенка. Я особенно занимался Березовскимъ послѣ роковаго паденія послѣдняго возстанія Польши. Я видѣлъ бѣднаго Березовскаго; я выслушалъ его. Ничто не могло его утѣшить въ нашихъ несчастіяхъ; и когда впослѣдствіи, проѣзжая по Германіи, гдѣ мы искали убѣжища, товарищи его пользовались иногда развлеченіями, онъ уклонялся отъ нихъ и плакалъ, какъ ребенокъ, лишившійся матери. Въ такомъ настроеніи онъ былъ, когда я, по прибытіи во Францію, сталъ искать ему мѣста. Березовскій былъ готовъ на все, чтобы быть полезнымъ; всегда и вездѣ онъ желалъ служить своему отечеству, Мы убѣдили его тогда, что ему необходимо выбрать себѣ какое-нибудь занятіе. Такимъ образомъ онъ помѣстился сначала въ Бельгіи, въ Литтихѣ, на фабрику машинъ, гдѣ работалъ усердно. Когда я узналъ, что онъ достаточно привыкъ къ своему мастерству, то я содѣйствовалъ его переѣзду въ Парижъ и по-

мѣщенію у г. Гуэна, въ Батиньйолѣ, гдѣ онъ работалъ въ продолженіи семи мѣсяцевъ и гдѣ старался научиться какъ можно лучше, чтобы служить Польшѣ; это была его постоянная мысль. Трудомъ и бережливостію Березовскій скопилъ себѣ 285 франковъ, изъ своего жалованья по 3 фр. въ день. Онъ успѣлъ заинтересовать кой-кого въ свою пользу и его помѣстили въ пансіонъ Жоффре, гдѣ онъ пробылъ пять-шесть мѣсяцевъ. Когда у него истощились всѣ средства и не было возможности долѣе оставаться въ пансіонѣ, то Березовскій, не смутясь, возвратился въ мастерскую г. Гуэна. Но по окончаніи работы, онъ любилъ заниматься чтеніемъ по вечерамъ. Къ несчастію, я не могъ руководить Березовскимъ. У меня самого столько дѣла, что оно поглощаетъ все мое время.

Президентъ. Дѣйствительно очень жаль, что вы не могли руководить подсудимымъ, ибо опаснѣе всего полу-образованіе. Скажите намъ, не сообщалъ ли вамъ когда-нибудь подсудимый о своемъ намѣреніи умертвить Русскаго Императора?

Свидѣтель. Нѣтъ, г. президентъ. Еслибъ онъ сказалъ мнѣ хоть слово о своемъ намѣреніи, то я бы отговорилъ его; я полагаю, что онъ бы не выстрѣлилъ.

Президентъ. Вы осуждаете поступокъ Березовскаго, вы не допускаете, чтобы для блага Польши можно было прибѣгать къ убійству; вы сказали, что еслибы знали намѣреніе Березовскаго, то отговорили бы его,—и поступили бы очень хорошо.

Свидѣтель. Я глубоко уважаю восторженный патріотизмъ, но только въ минуты борьбы на жизнь и смерть. Когда я говорилъ съ Березовскимъ, я старался подать ему примѣръ патріотизма нынѣ спокойнаго.

Президентъ. Таковы ваши мнѣнія. Вы можете садиться.

Г. Александръ Франковскій. Я знаю Березовскаго съ тѣхъ поръ, какъ онъ присоединился къ нашему отряду на Волыни, чтобы сражаться съ врагами Польши. Онъ былъ очень хорошій солдатъ и понималъ, что дѣло идетъ о борьбѣ на жизнь и смерть. Послѣ кампаніи, окончившейся, къ несчастію, очень скоро, мы вступили въ Галицію. Березовскій, бывшій тогда скорѣе мальчикомъ, чѣмъ взрослымъ человѣкомъ, велъ себя очень хорошо; онъ исполнялъ свои обязанности неуклонно. Мы прибыли потомъ во Францію, землю столь дружественную Польшѣ. Онъ всегда думалъ, что Польша будетъ свободна черезъ годъ или черезъ два. Когда мы были во Франціи, то я хотѣлъ, чтобы развлечь Березовскаго, сводить его въ музеи живописи и скульптуры, чтобы полюбоваться тамъ высокими произведеніями искуства. Глядя на нихъ, Березовскій говорилъ: »что мнѣ за дѣло до нихъ, они не наши!« Мы думали, что Березовскому нужно бы поучиться, но за неимѣніемъ денегъ, отказались отъ этой мысли. Онъ хотѣлъ научиться выдѣлкѣ холоднаго оружія, все для того, чтобы служить Польшѣ. Побывавъ въ Литтихѣ, онъ пріѣхалъ въ Парижъ. Сбереженія его были очень прискорбныя, потому что онъ дѣлалъ ихъ на счетъ своей пищи. Онъ опредѣлился къ г. Гуэну, въ Батиньйолѣ. Березовскій былъ всегда очень религіозенъ и поведеніе его было всегда безукоризненно. Онъ былъ восторженный патріотъ, даже работая, онъ все думалъ о Польшѣ.

Г. Домбровскій, бывшій офицеръ польской инсуррекціонной арміи, зналъ подсудимаго за хорошаго солдата. Онъ сообщаетъ о попыткахъ, которыя были сдѣланы, чтобы помѣстить его въ Люттихѣ или во Франціи. По его старанію, подсудимый былъ помѣщенъ въ институтъ Жоффре, гдѣ онъ велъ себя примѣрно.

Г. Куржонъ, пріемникъ г. Жоффре. Подсудимый былъ мнѣ представленъ полковникомъ Рущевскимъ и офицеромъ, котораго вы сейчасъ слышали. У меня онъ велъ себя очень хорошо; онъ не хотѣлъ остаться по излишней щекотливости, полагая, что не имѣя никакихъ средствъ, онъ не можетъ продолжать ученіе. Березовскій былъ аккуратенъ, кротокъ, трудолюбивъ, искренне набоженъ, какъ всѣ его соотечественники, и его товарищи сохранили о немъ самое лучшее воспоминаніе.

Г. Массонъ, подмастерье у г. Гуэна въ Батиньйолѣ. Подсудимый былъ у меня въ распоряженіи; мнѣ никогда не приходилось ему выговаривать за что-нибудь. Работникъ онъ былъ не искусный, но дѣлалъ все, что могъ.

Допросъ свидѣтелей кончился. По выслушаніи ихъ показаній, президентъ сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ подсудимому.

Вопросъ. Березовскій у васъ два дяди? Отвѣтъ.—Одинъ.—В. Онъ въ Парижѣ? О.—Нѣтъ.—В. Какъ, у васъ нѣтъ дяди въ Парижѣ? О.—Онъ мнѣ не дяди, онъ мужъ моей тетки.—В. Какъ имя его? О.—Мазевскій.—В. Онъ въ Парижѣ? О.—Не знаю.—В. Но вы его видѣли въ Парижѣ? гдѣ онъ живетъ? О.—Не знаю.—В. Нѣтъ, вы его знаете. Скажите, гдѣ онъ живетъ? О.—Близь улицы des Saints Pères.—В. У васъ очень хороша память, когда вы захотите. Подумайте хорошенько, и вы вспомните названіе улицы. Скажите, когда вы видѣлись съ нимъ? О.—До отъѣзда.—В. До отъѣзда? куда? О.—Не знаю.—В. Дядя этотъ, какъ намъ сказывали, человѣкъ очень горячій. Въ вашихъ допросахъ вы указали много лицъ, но объ этомъ дядѣ не сказали ни слова. Сегодня вы уже забыли его адресъ. Это невозможно. Почему вы не сказали о немъ ни слова на слѣдствіи? О.—Я говорилъ о немъ.—

Генералъ-прокуроръ. Вы никогда о немъ не говорили. Почему вы умолчали о вашихъ сношеніяхъ съ этимъ дядей?

Подсудимый. Я забылъ о немъ.

Президентъ. Какъ такъ? вы говорите о множествѣ другихъ лицъ, а о дядѣ вашемъ не скажете ни слова? Какъ имя его? О.—Мазевскій.—В. Въ полученной нами депешѣ другое имя, Гриневскій, кажется? О.—Этотъ братъ моей матери; онъ давно уже умеръ.—В. Участвовалъ ли онъ въ возстаніи? О.—Да, въ 1830 году.—В. А въ возстаніи 1863 года? О.—Онъ умеръ до этого.—В. Скажите адресъ Мазевскаго? О.—Право, я не знаю его.

Г. Араго. Имя это я слышу въ первый разъ. Если въ депешѣ только одно это имя, то мнѣ нечего сказать, но, если въ ней находятся свѣдѣнія, которыя идутъ къ дѣлу, то я желаю ее знать.

Президентъ. Еслибы въ ней были такія свѣдѣнія, то мы сообщили бы ее вамъ; г.г. присяжнымъ извѣстны наши обычаи на этотъ счетъ. Я передамъ ее вамъ и вы увидите, что она вамъ ни къ чему не послужитъ.

Г. Араго. (По прочтеніи депеши). Я вижу: »Подлежащія власти извѣщаютъ«... Какія это власти?

Президентъ. Я также не знаю, какъ и вы.

Г. Араго. Далѣе сказано, что у Березовскаго есть дядя, который во время возстанія былъ начальникомъ шайки, служилъ подъ начальствомъ Рущевскаго и былъ, можетъ-быть, не чуждъ преступленія 6-го іюня.

Президентъ. Вы видѣли депешу, и говорить болѣе нечего.

Г. Араго. Подсудимый вспомнилъ адресъ своего дяди.

Подсудимый. Онъ живетъ въ улицѣ Saint-Dominique Saint Germain, № 85.

Генералъ-прокуроръ де-Марна всталъ и посреди глубочайшаго молчанія, произнесъ слѣдующее:

Г.г. присяжные! Я долженъ вмѣстѣ съ вами представить характеръ и опредѣленіе нечестиваго покушенія прошедшаго мѣсяца. Подсудимый сознаетъ свое преступленіе, продолжительный замыселъ, которымъ оно было подготовлено; онъ излагаетъ малѣйшія подробности его, безъ угрызенія совѣсти, безъ волненія, онъ выражаетъ гнустныя сожалѣнія. А между тѣмъ, гдѣ бы сильнѣе должны дѣйствовать волненіе и угрызенія совѣсти? Вотъ изгнанникъ, который на этой гостепріимной почвѣ, нашелъ пособіе и безопасность: пособіе—онъ употребилъ на покупку смертоноснаго оружія; безопасность—на подготовленіе въ тиши гнуснаго покушенія, которое онъ намѣревался привести въ исполненіе въ день общественнаго празденства. Чтобы посягнуть на Царя, котораго онъ ненавидитъ, онъ не боится сѣять смерть посреди толпы, рискуя поразить императора Наполеона.

Въ виду столь глубокой и столь странно наивной извращенности, вы спрашиваете, господа, какого преступника вамъ приходится судить? Мой долгъ обязываетъ меня объяснить вамъ, что это за преступникъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ дать ему уразумѣть огромность его преступленія. Онъ принадлежитъ къ честной семьѣ, живущей въ Волыни, не принимавшей никакаго участія въ политическихъ волненіяхъ. Отецъ его живетъ въ Россіи и занимается свободнымъ промысломъ; его братья и сестра жили у бабушки или присоединились къ отцу; объ этомъ предметѣ подсудимый далъ разныя показанія; но такъ какъ въ публикѣ носились странные разсказы, то существенно я считаю нужнымъ поставить на видъ, что никто изъ его семьи не пострадалъ отъ русскаго правительства, ни въ имуществѣ, ни въ личности, ни въ чести. Березовскій формально сознался въ этомъ; и хотя впослѣдствіи, вопреки своимъ искреннимъ показаніямъ, говорилъ, что »всѣ пострадали, такъ какъ Польша страдаетъ«, но этому странному объясненію я противопоставляю одиночество, въ какомъ онъ былъ поставленъ своими род-

ными и то, что они не одобряли его поступковъ. Достовѣрно извѣстно, что изъ покорности ли русскому правительству, или чувствуя безполезность борьбы, всѣ члены семейства Березовскаго, за исключеніемъ подсудимаго, держались въ сторонѣ отъ возстанія 1863 года. Что касается до подсудимаго, то онъ присоединился 8-го мая 1863 г. къ инсургентамъ и былъ принятъ въ уланскій волынскій полкъ. По прошествіи нѣсколькихъ недѣль, послѣ двухъ или трехъ стычекъ, этотъ полкъ вынужденъ бѣжать въ Галицію. Тамъ Березовскій, укрываясь у соотечественниковъ, съ годъ ожидалъ, не возобновится ли война, чтобы воротиться въ Польшу. Но счастіе не благопріятствовало мятежу. Австрійское правительство объявило въ Галиціи военное положеніе, и Березовскій вынужденъ былъ удалится изъ своего убѣжища. Онъ отправился кажется въ Мюнхенъ, потомъ въ Мангеймъ, наконецъ въ Люттихъ, гдѣ нашелъ работу при металлоплавильномъ заводѣ (comme ajusteur sur métaux); плату получалъ онъ малую, достаточную только на пищу и квартиру, тогда вспомнилъ о полковникѣ, подъ начальствомъ котораго онъ служилъ, Березовскій написалъ къ г. Рущевскому, прося его пріискать ему въ Парижѣ убѣжище и работу. Рущевскій помогъ ему и попеременно помѣщалъ его въ разныхъ мастерскихъ, гдѣ онъ оставался съ 7-го февраля 1865 года по 6 іюля слѣдующаго года. Вы слышали отзывы хозяевъ, у которыхъ онъ жилъ; всѣ показали, что онъ не оказывалъ способности и охоты къ работѣ, удалялся отъ товарищей; что впрочемъ велъ жизнь правильную и не заслужилъ серьозныхъ упрековъ. Впослѣдствіи, онъ вступилъ въ заведеніе Жоффре, гдѣ оставался, пока позволяли ему субсидіи, получаемыя отъ правительства, и пособія польскаго комитета. Указывали на его усердное желаніе учиться на одобрительныя свидѣтельства учителей. Въ первыхъ числахъ января 1865 года онъ снова принялся за свои обычныя занятія и жилъ своимъ ремесломъ, до 30 апрѣля текущаго года. Къ этому періоду относится попытка, цѣль которой онъ не могъ объяснить и на которую обращаемъ ваше вниманіе: можетъ быть съ мыслію покориться русскому правительству, онъ просилъ у русскаго посольства дозволенія возвратиться въ отечество, но потомъ, по совѣту своихъ соотечественниковъ, отказался отъ этого намѣренія. Наконецъ, въ минувшемъ апрѣлѣ, въ Парижѣ разнесся слухъ объ ожидаемомъ прибытіи Царя; Березовскій оставляетъ мастерскую; трудолюбивая и правильная жизнь рабочаго не согласовалась съ преступными намѣреніями, которыя онъ питалъ; онъ предпочитаетъ искать въ праздности и уединеніи какихъ то зловредныхъ возбужденій. Надобно полагать, онъ болѣе, чѣмъ когда либо посвящалъ свой досугъ чтенію, способному подкрѣпить его въ цареубійственныхъ намѣреніяхъ, распаляя эти намѣренія. Вы знаете изъ какихъ книгъ состояла его скудная библіотека, и что чаще всего онъ перелистывалъ ту изъ книгъ, въ которой одобрительно изложена исторія убійства Генриховъ III и IV. Говорилъ ли онъ въ продолженіе этой уединенной жизни кому нибудь изъ своихъ соотечественниковъ или прежнихъ товарищей о своихъ намѣреніяхъ? Искалъ ли онъ поощреній или соучастниковъ? Березовскій энергически отрицалъ это. Слѣдствіе тщательно провѣрило всѣ доставленныя ему показанія; оно подвергло обсужденію всѣ, даже самые ничтожные слухи; поиски его имѣли отрицательный результатъ, и можно утверждать, что онъ одинъ совершилъ свое преступленіе, одинъ обдумалъ и приготовилъ его. Въ послѣднихъ числахъ былъ уже въ точности извѣстенъ день прибытія Царя. Онъ долженъ былъ въѣхать въ Парижъ 1-го іюня. Часъ преступленія, давно предположеннаго, приближался. Березовскій отправился провести короткое время, отдѣлявшее его отъ этаго часа въ Муи, въ уазскомъ департаментѣ, у ремесленника своего соотечествен-

ника, у котораго уже онъ и прежде работалъ. Какая причина побудила его возвратиться въ Муи? Онъ не только не могъ надѣяться выработать тамъ что нибудь, но еще истратилъ на эту поѣздку послѣднія свои деньги. Не сомнѣвайтесь! онъ хотѣлъ въ эти крайнія минуты избѣгнуть всякой встрѣчи, всякаго спасительнаго совѣта и остаться наединѣ съ мыслію о своемъ злодѣйствѣ; онъ сознавалъ, что уединясь, онъ укрѣпится въ своемъ гнусномъ намѣреніи. Царь прибылъ въ Парижъ и Березовскій возвратился въ этотъ городъ съ поѣздомъ, ѣхавшимъ предъ поѣздомъ русскаго Императора. Онъ остался на станціи, дабы видѣть Монарха, котораго прежде не имѣлъ случая видѣть; онъ увидѣлъ его и могъ легко приблизиться къ нему; теперь онъ не можетъ опасаться ошибки; покушеніе послѣдуетъ вскорѣ. Однако, и безъ сомнѣнія, для увеличенія вѣроятностей успѣха, подсудимый хочетъ снова посмотрѣть на Императора. Вечеромъ, 4-го іюня, онъ отправился ко входу въ оперу, въ ту минуту, когда Царь сѣлъ въ карету, Березовскій отличился вѣроломнымъ заявленіемъ усердія и восклицаніемъ »Да здравствуетъ Императоръ«! Александръ II выглянулъ изъ кареты, приподнялъ шляпу и поклонился, такъ что, по словамъ Березовскаго, дѣло могло быть тутъ же кончено, если бы при немъ было оружіе. Съ этой минуты ошибиться ему было уже невозможно: подсудимый увѣрился, что ему будетъ легко приблизиться къ Царю и поразить его. На слѣдующій день онъ купилъ оружіе, которое предъ вами, зарядилъ его слитками, которые самъ сдѣлалъ, воротился домой и съ духомъ спокойнымъ ждалъ слѣдующаго утра. Въ четвергъ онъ пообѣдалъ въ обычный часъ и отправился въ Булонскій лѣсъ, куда Императоры должны были пріѣхать на смотръ. На пути туда онъ читаетъ сочиненіе Казимира Воловскаго о Польшѣ, и послѣдняя страница, на которую взоры его были обращены отмѣчена имъ: это та, гдѣ авторъ приводитъ клятву Килинскаго: »Клянусь предъ Богомъ, предъ всѣмъ міромъ, предъ націей.... быть всегда вѣрнымъ защитникомъ отечества.... Обязываюсь приготовлять всѣ средства, дабы доставить успѣхъ возстанію.... отмстить врагу за несчастія, жертвою которыхъ могутъ сдѣлаться наши.... И такъ, да поможетъ мнѣ Богъ«! Вооруженный, полный рѣшимости, подкрѣпленный этимъ чтеніемъ въ своемъ намѣреніи, онъ приближается къ полю маневровъ, видитъ, но слишкомъ далеко отъ себя, Государей, проѣзжающихъ предъ фронтомъ войскъ, выжидаетъ, гнѣздясь на вершинѣ водопада, дабы удостовѣриться, по какому направленію кортежъ поѣдетъ обратно, видитъ, что кортежъ двинулся по аллеѣ Дѣвы, бѣжитъ къ пункту, гдѣ эта аллея пересѣкается аллеей Резервуаровъ, потомъ, схвативъ пистолетъ обѣими руками и направивъ на экипажъ Государей, стрѣляетъ изъ обоихъ стволовъ. Не стану распространяться о послѣдовавшей затѣмъ сценѣ, мнѣ не трудно было бы сослаться на ваши возмущенныя чувства, но хочу воздержаться отъ этаго. Пистолетъ разорвало и ранило женщину, но дежурный шталмейстеръ прикрылъ Государей своей лошадью и слитокъ, назначенный для Царственной груди, попалъ въ голову лошади. Свидѣтели описали вамъ негодованіе народа, безчисленные крики: »да здравствуетъ Императоръ!« когда узнали, что въ экипажѣ никто не раненъ, внезапную ярость противъ Березовскаго, усилія лицъ, избавившихъ его отъ вѣрной смерти. Наконецъ его арестовали. Онъ сознался въ своемъ преступленіи, но утверждаетъ, что не имѣлъ намѣренія посягнуть на жизнь Наполеона III-го, и хотѣлъ только жертвы Царя. Но вы знаете, точно ли Императоръ не подвергался самой серіозной опасности, если бы пуля не встрѣтила препятствія на пути, точно ли обѣ пули не поразили бы, слѣдуя закону, объясненному экспертами, груди обоихъ Императоровъ. Вотъ преступленіе; кто же виновенъ? Человѣкъ, вмѣшавшійся въ мятежъ, какъ

всѣ его родственники удерживали его отъ этаго; человѣкъ, жившій одиночно, недовольный скромнымъ положеніемъ своимъ, переходящій отъ мысли о покорности къ мысли объ убійствѣ, питающійся въ уединеніи исторіей знаменитыхъ цареубійцъ. Можетъ быть скажутъ, что онъ патріотъ; я утверждаю, что онъ убійца. Колебался ли онъ или нѣтъ въ своемъ преступномъ намѣреніи? Никогда ли отъ него не отказывался, или временно не рѣшался на него? Уступалъ ли патріотическому увлеченію, достигшему до степени пароксизма, или повиновался раннему развращенію и гордости? Этаго доискиваться я не хочу. Я знаю только, и вы сами не можете въ этомъ сомнѣваться, что предъ вами человѣкъ, виновный въ великомъ преступленіи. Да, въ великомъ преступленіи, оно велико по сану Монарха, на жизнь котораго оно было направлено, и по обстоятельствамъ, при которыхъ оно совершилось. Подсудимый воспользовался минутой, когда Царь, гость Франціи, присутствовалъ при публичномъ празденствѣ, толпа доставляла ему удобство скрыть себя и свое оружіе. Царь, не питая никакой недовѣрчивости, ѣхалъ на встрѣчу его удару. Гдѣ найти преступленіе, болѣе гнусное и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе подлое? Березовскій понялъ это. Вотъ почему онъ ищетъ пособія въ революціонныхъ софизмахъ, желая ими прикрыть позоръ своего поступка. »Польша и Россія постоянно въ войнѣ, поэтому я убиваю моего врага, гдѣ бы я ни встрѣтилъ его.« Г.г. присяжные, вы уже осудили по достоинству эти презрѣнныя теоріи. Вооруженная борьба не предполагаетъ ли равенства въ паденіи и равенства въ оружіи? Существуетъ ли это равенство въ преступленіи 6-го іюня? Царь посѣтилъ дружескую націю, онъ ѣдетъ съ открытою грудью. Поразить его можно, но, поражая его, напрасно будешь ссылаться на право войны.

А если преступленіе тѣмъ важнѣе, чѣмъ выше лице, противъ котораго оно направлено, то что думать о безуміи виновника. Подъ скипетромъ Царя соединено безчисленное множество народовъ, и нельзя описать вредъ, который нанесла бы пуля, его умертвившая. Сейчасъ мы возвратимся къ жалобамъ Польши на русское правительство; теперь я обращу ваше вниманіе на обстоятельство, которое должно имѣть большой вѣсъ для умовъ, подобныхъ вашимъ. Царь, котораго сейчасъ будутъ упрекать въ избыткѣ строгости противъ Польши, объязанъ пещись объ участи обширной Имперіи; если Польша говоритъ о деспотизмѣ, то старая Россія говоритъ о излишне либеральныхъ направленіяхъ; она взволновалась при широкомъ освобожденіи крестьянъ и никто не можететъ почитать чуждымъ великодушныхъ идей Монарха, призвавшаго къ гражданской жизни 25-ть миліоновъ людей. И такъ, справедливо ли судить Царя съ исключительной точки зрѣнія польскихъ обвиненій? И если жизнь государей должна зависѣть отъ жалобъ различныхъ элементовъ, входящихъ въ составъ ихъ народовъ, то, кромѣ нашего государства, при его однородной національности, въ какой же странѣ не найдется цареубійцы? Наконецъ,—и тутъ я касаюсь самаго щекотливаго пункта моей обязанности,— я знаю уваженіе должное несчастной націи; я далекъ отъ того, чтобы отрицать, что усмиреніе послѣдняго возстанія Польши отличалось характеромъ суровости, даже чрезмѣрной, если хотите. Но къ сильнымъ мѣрамъ одна ли Россія прибѣгала? Возстаніе не совершило ли дѣйствій, не имѣющихъ имени? Не настаиваю долѣе на этомъ; несчастія Польши не позволяютъ быть-можетъ различать ея ошибки, и не мнѣ теперь подводить балансъ послѣдней междоусобной войны. Я кончилъ, господа; начинаются ваши обязан-

ности; сколько бы ни были онѣ суровы, я могу утверждать, что никогда не было легче ихъ исполненіе. Припомните волненіе Парижа, который въ негодованіи своемъ требовалъ быстраго правосудія, и поручилъ вамъ смыть пятно, причиненное его наслѣдственому гостепріимству. Примите во вниманіе польскую эмиграцію, которой самые уважительные голоса порицаютъ подсудимаго; Польшу можно упрекнуть за дерзновенія ея патріотизма, за нетерпѣніе, съ какимъ она ждетъ своего возстановленія; но она всегда сражалась какъ воинъ, никогда не поражала изподтишка какъ убійца. При такихъ обстоятельствахъ, при такомъ единодушномъ порицаніи колебаться не позволительно; энергическій образъ дѣйствія есть первый долгъ каждаго хорошаго гражданина. Таковы ваши чувствованія, господа, и вашъ приговоръ будетъ новымъ и энергическимъ заявленіемъ общественной совѣсти.

Защитникъ Березовскаго, Эммануэль Араго, сказалъ слѣдующее:

Господа присяжные, живо тронутый важнымъ и торжественнымъ процессомъ, котораго вы здѣсь верховные судьи, я противопоставлю послѣднимъ словамъ г. генералъ-прокурора, прежде всего, искреннее выраженіе мысли, господствующей во мнѣ теперь, когда я готовлюсь защищать Антона Березовскаго. Обвиненіе требуетъ отъ васъ самаго ужаснаго приговора, а я не думаю, чтобы защищаемый мною былъ одинъ изъ тѣхъ преступниковъ, которыхъ ваше правосудіе должно поразить отвративъ глаза. Посмотримъ, ошибаюсь ли я. Изучимъ жизнь, то-есть сердце, вѣру подсудимаго, ознакомимся съ нимъ хорошенько. Изслѣдуемъ, что у насъ, среди празднествъ, роковымъ, неотразимымъ образомъ вооружило его руку противъ Александра II-го, Императора Россіи, Властелина Польши, любезнаго отечества, котораго имя, произносимое даже въ тюрьмѣ, среди нашихъ грустныхъ бесѣдъ, озаряло лицо подсудимаго веселіемъ, или извлекало у него потоки слезъ. Ему двадцать лѣтъ. Жизнь, та жизнь, которая выражаетъ дѣйствіями стремленія и потребности души, началась для него только въ 1863 году, когда отецъ его, отсутствовавшій много лѣтъ изъ Волыни, провелъ нѣсколько недѣль въ своемъ семействѣ и совѣтовалъ этому семейству уѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Россію. Тогда-то, господа, Антонъ Березовскій, оскорбясь такимъ предложеніемъ, внезапно открылъ себя предъ отцомъ своимъ, тогда-то ребенокъ сдѣлался человѣкомъ, человѣкъ—гражданиномъ гражданинъ—-патріотомъ. Онъ не захотѣлъ повиноваться, уѣхать изъ своей Волыни. Почему? Вы знаете это: потому что вдали онъ слышалъ отголосокъ національнаго возстанія; потому—что онъ не навидѣлъ иноземное иго, чувствовалъ, что приближается часъ святыхъ битвъ, законной войны; потому,—что онъ рѣшился повсюду слѣдовать въ Польшѣ за знаменемъ независимости. Вотъ первое его дѣйствіе; я не стану прославлять его мужество, дивиться тому, что въ такихъ молодыхъ лѣтахъ онъ исполняетъ обѣтъ, который произноситъ на колѣняхъ каждый польскій ребенокъ какъ скоро начинаетъ понимать и молиться; не стану описывать вамъ мученичество героической націи, которую безпрестанно сокрушаютъ, но она все-таки жива, все таки протестуетъ съ самаго трактата о раздѣлѣ въ 1773 г., раздѣлѣ, по которому Екатеринѣ II были отданы Волынскія области (родина Березовскаго) и который Марія Терезія австрійская подписала лишь съ слѣдующею пророческою оговоркой:

»Соглашаюсь (placet), потому что столь многіе и столь ученые люди хотятъ этого;

но много спустя послѣ моей смерти, окажется, какія должны быть послѣдствія того, что мы попремъ ногами то, что до сихъ поръ почиталось справедливымъ и священнымъ«.

Скажу вамъ только, что инсуррекція 1863 года, которой Россія желала, которую она приготовила и вызвала насильственнымъ ночнымъ рекрутскимъ наборомъ—нѣтъ, раззіей,—долженствовавшимъ въ продолженіе пяти часовъ лишить Варшаву всей ея молодежи, что эта инсуррекція пользовалась сочувствіемъ Франціи и ея моральною поддержкой, ибо уже 3-го августа того же года, министръ иностранныхъ дѣлъ г. Друэнъ де-Люисъ писалъ къ герцогу Меотебелло, посланнику Наполеона III-го при Александрѣ II-мъ:

»Возстаніе, происходящее въ нашихъ глазахъ, предвозвѣщенное очеведными признаками, было вызвано мѣрой, которая при тогдашнемъ расположеніи умовъ должна была имѣть самыя пагубныя послѣдствія. Польша отвѣчала на эту мѣру, обратясь не къ революціоннымъ страстямъ, но къ тому, что всего священнѣе въ сердцѣ людей, къ идеямъ справедливости, патріотизма и религіи«.

Этими тремя словами: справедливость, отечество, религія—объясняется, господа, восторженный пылъ шестнадцати-лѣтняго ребенка, который пристаетъ къ мятежу, чтобъ отвоевать себѣ отечество, имъ обожаемое, и свободу своего вѣроисповѣданія; но когда я вижу теперь его предъ уголовнымъ судомъ, гдѣ вы оцѣниваете съ такою мудростью, съ такимъ здравымъ смысломъ тайныя чувствованія того, кого вы судите, я долженъ изслѣдовать сердце и умъ этого сына, который, когда его стали допрашивать послѣ роковаго выстрѣла (объ этомъ выстрѣлѣ мы сейчасъ будемъ говорить), услышавъ голосъ русскаго чиновника, спрашивавшаго у него по-русски объ именахъ его родныхъ, вздрогнулъ.... сдѣлался вдругъ спокоенъ и самъ объявилъ о поразившемъ его проклятіи! О проклятіи?.... Вы поняли, вы отгадали, что, почитая отца своего еще живущимъ въ Россіи, онъ хотѣлъ спасти свою семью. Безполезное самоотверженіе, безполезная ложь! Онъ не зналъ, этотъ ребенокъ, нѣжнѣйшій сынъ и братъ, онъ не знаетъ даже и теперь о томъ, что я узналъ вчера изъ одной московской газеты. Уже три или четыре года отецъ его въ тюрьмѣ, братъ въ Сибири! Вотъ два лишніе несчастливца, двѣ новыя жертвы, о которыхъ не будетъ и помину въ мартирологіи польскаго народа! (Здѣсь г. Э. Араго читаетъ переводъ изъ русскаго журнала только, что полученнаго имъ. Президентъ замѣчаетъ защитнику, что чтенія эти безполезны, и что для защиты нѣтъ надобности пересматривать всю исторію Польши).

Г. Араго. Моя совѣсть, въ качествѣ защитника подсудимаго, и адвокатская опытность предписываютъ мнѣ съ полною свободой, присвоенною моему званію, высказать все, что я знаю.

Президентъ. Нѣтъ человѣка, который бы болѣе меня уважалъ права защиты, но я ставлю вамъ на видъ, что нѣтъ надобности примѣшивать къ этимъ преніямъ факты, чуждые процессу.

Г. Э. Араго. Я не выхожу изъ моего права, пользуясь для защиты официальными документами.

Президентъ. Вы пользуетесь русскою газетой, которая, вопреки всѣмъ обычаямъ, не была предъявлена прокурорскому надзору (ministére public).

Генералъ-прокуроръ. Г. Араго сдѣлалъ мнѣ честь, посѣтивъ меня и объяснивъ мнѣ свою систему защиты. Я просилъ его сообщить мнѣ документы, на которые онъ намѣренъ опереться, и предупредилъ его, что въ противномъ случаѣ ему могутъ сказать, что это документы поддѣльные.

Г. Араго. Среди волненій, потрясающихъ меня, мнѣ будетъ невозможно продолжать защиту, если при каждомъ документѣ, который я противопоставлю обвиненію, меня станутъ упрекать за то, что я не сообщилъ его. Сообщеніе документовъ требуется по праву при гражданскихъ дѣлахъ, но въ уголовныхъ совсѣмъ не требуется. Развѣ защитнику поставлено въ обязанность заранѣе говорить обвиненію: вотъ документы, которыми я хочу пользоваться? Конечно нѣтъ. Еслибъ я сообщилъ эти документы, то поступилъ бы вопреки всѣмъ обязанностямъ моего званія. Я говорю это не только отъ моего собственнаго имени, но и отъ имени всего адвокатскаго сословія.

Президентъ. И въ уголовныхъ, какъ въ гражданскихъ дѣлахъ, защита должна быть равна обвиненію.

Г. Араго. Хорошо, не будемъ болѣе говорить ни о русскомъ журналѣ, ни о депешѣ, сейчасъ прочтенной. Я прочту нѣсколько строкъ, извлеченныхъ изъ втораго допроса, сдѣланнаго подсудимому во время слѣдствія:—

Вопросъ. Изъ того что̀ предшествуетъ, оказывается, что вы не пострадали отъ Императора Александра и Его правительства, ни относительно вашего имущества, ни относительно вашего семейства.

Отвѣтъ. Правда, что ни отецъ мой, ни мать моя и никто изъ моихъ родныхъ не пострадалъ лично; но мое отечество пострадало и еще страдаетъ, слѣдственно мой отецъ, мои братья и вся моя семья страдала и теперь еще страдаютъ.

Вопросъ. Однако вашъ отецъ и вашъ старшій братъ, повидимому, довольны своимъ положеніемъ?

Отвѣтъ. Можетъ-быть они боятся и не имѣютъ достаточно мужества, чтобы заявить, что они страдаютъ.—

По моему ничто не можетъ быть трогательнѣе этихъ краткихъ отвѣтовъ несчастнаго узника. Можно бы... но оставимъ. Я прочиталъ ихъ вамъ не потому, чтобъ имѣть въ виду выставить прискорбную противоположность между тѣмъ, что онъ думалъ объ участи своего семейства и печальными извѣстіями, сообщенными ему здѣсь, но потому, что эти слова обнаруживаютъ его душу, полную любви къ его мужественному отечеству. Дѣйствительно, послушайте, что̀ говорятъ свидѣтели.—

Здѣсь Г. Араго напоминаетъ, что показали товарищи подсудимаго, его военные сподвижники, офицеры, его прежніе начальники, во время инсуррекціи, и что говоритъ г. Куржонъ, директоръ заведенія Жоффре.

Въ этихъ свидѣтельствахъ,—продолжалъ г. Араго,—я не ищу доказательствъ его нравственности, чистоты душевной. Слѣдственный судья и генералъ-прокуроръ прослѣдили день за днемъ всю его жизнь, не открывъ ничего, что могло бы подать поводъ къ самому легкому упреку. Я нахожу у него повсюду и всегда любовь къ Польшѣ. И какъ онъ жилъ! Вы знаете, что гг. Рущевскій, Франковскій и Сержпутовскій *) разказываютъ о его поведеніи въ Германіи и Бельгіи, гдѣ онъ жилъ прежде своего прибытія въ Парижъ. Березовскій былъ въ Парижѣ у гг. Гуэнъ и на сѣверной желѣзной дорогѣ. Свидѣтели говорятъ, что онъ былъ хорошій работникъ, воздержный, бережливый, задумчивый, скопилъ по копѣйкамъ изъ своей задѣльной платы, по 3 франка въ день, 225 франковъ для уплаты за семестръ въ заведеніи Жоффре. Выйдя изъ пансіона, Березовскій опять сталъ дѣятельнымъ рабочимъ. Покупалъ книги, читалъ до поздняго вечера, часто ночью. Сосѣди его разказываютъ, что онъ громко разговаривалъ одинъ. Онъ выучилъ наизустъ многіе стихи великаго польскаго поэта Мицкевича; онъ закрывалъ глаза и, читая вслухъ эти стихи, мечталъ будто онъ въ отечествѣ. А по воскресеньямъ и не въ рабочіе дни онъ посѣщалъ своихъ соотечественниковъ, которые могли сообщать ему извѣстія о родинѣ. Припомните его отчаяніе, когда онъ узналъ о всѣхъ горестяхъ, о всѣхъ страданіяхъ, о всѣхъ казняхъ, претерпѣваемыхъ несчастною Польшей.

Здѣсь, гг., надо хорошенько уразумѣть и почувствовать, что такое для Поляка патріотизмъ, и сколько въ душѣ Поляковъ ненависти къ угнетенію; какая у нихъ любовь къ независимости и какая глубокая преданность къ религіи предковъ. Все это и заключается въ словахъ, которыми г. Друэнъ-де-Люисъ охарактеризовалъ инсуррекцію 1863 года.—Справедливость, отечество, религія.—Что же! былъ ли Березовскій не правъ, полагая, что Россія жестоко попираетъ ногами справедливость, его отечество и его религію? Посмотримъ, не заходя далѣе инсуррекціи 1863 г. и не отыскивая доказательствъ нигдѣ кромѣ книгъ и офиціальныхъ журналовъ, посмотримъ документы, обнародованные русскимъ правительствомъ, которое хвалится ими предъ Европой! Послѣ звѣрски-насильственнаго рекрутскаго набора, происходившаго въ ночи 26-го іюня (sic!) 1863 года, послѣдовало утромъ избіеніе на варшавскихъ улицахъ, избіеніе возбудило негодованіе Березовскаго, когда онъ вступалъ въ волынскій полкъ улановъ и Польшей управлялъ отъ имени Царя генералъ Муравьевъ. Всѣ польскія провинціи были поставлены на военное положеніе, каждымъ округомъ управлялъ офицеръ, такъ что генералъ Муравьевъ и его подчиненные, по волѣ Царя, сдѣлались и оставались совершенными властелинами надъ имуществомъ и жизнію всѣхъ гражданъ. У меня здѣсь сборникъ

---

*) Показаніе Сержпутовскаго было пропущено въ отчетѣ Gazette des Tribunaux, откуда мы сочли нужнымъ заимствовать вчера описаніе допроса свидѣтелей (впрочемъ дополнивъ его отчасти по Indépendance belge). Свидѣтель Сержпутовскій, призванный защитой, показалъ, что Березовскій явился въ шайку съ копьемъ собственной работы, что послѣ возстанія онъ сберегалъ деньги на пищѣ, дабы образовать себя, что онъ былъ очень набоженъ и велъ себя хорошо.

его официальныхъ декретовъ, памятникъ, воздвигнутый во славу ему верховною властью, изъ этихъ документовъ выбираю нѣкоторые образцы его управленія:

Циркуляръ, разосланный къ военнымъ начальникамъ губерній: Минской, Витебской и Гродненской, отъ 8-го мая 1863 г.

»Военное положеніе должно быть установлено сообразно съ предписаніями, и для подавленія инсуррекціи должны быть приняты самыя строгія мѣры. Всѣ лица, принимавшія болѣе или менѣе участія въ инсуррекціи, должны быть арестованы и судимы по всей строгости закона. Они должны быть судимы военнымъ судомъ, и вы уполномочиваетесь утверждать смертные приговоры и немедленно приводить ихъ въ исполненіе«.

— Они, простые офицеры, начальники уѣздовъ (sic!), уполномочиваются постановлять смертные приговоры!—Будемъ продолжать:

Всеобщій приказъ (стр. 211 и 213 Сборника):

»Дабы подавить возстаніе Его Величество Государь Императоръ изволилъ повелѣть, чтобы приняты были самыя энергическія мѣры къ наказанію виновныхъ. Съ этою цѣлью они подраздѣляются на пять категорій:

»Лица первой категоріи, виновность которыхъ очевидна безъ предварительнаго слѣдствія, должны немедленно, по взятіи ихъ, быть представлены предъ военные суды, коихъ приговоры будутъ утверждены мѣстными военными начальниками, или тѣми изъ начальниковъ отрядовъ, коимъ они препоручатъ свою власть.

»Если предварительное слѣдствіе сочтено будетъ необходимымъ, то военные начальники, давъ о томъ приказаніе, имѣютъ право окончательно утверждать смертные приговоры и дѣлать распоряженіе о немедленномъ исполеніи оныхъ.

»Лица первой категоріи должны быть судимы по всей строгости военно-полевыхъ законовъ, и »если имѣются смягчающія обстоятельства, то они должны быть разсмотрѣны прежде ихъ допущенія начальникомъ Кіевскаго (sic!) военнаго округа.«

Циркуляръ 25-го іюля 1863 года.

»Изъ донесеній, получаемыхъ мною изъ разныхъ частей края, управленіе котораго ввѣрено мнѣ Его Величествомъ, я усматриваю, что многіе мятежники возвращаются добровольно изъ шаекъ и предаются въ руки начальства, моля о пощадѣ. Скитаются въ лѣсахъ еще только одни упрямцы и закоснѣлые въ мятежѣ люди, недостойные жалости. Вслѣдствіе этаго, я предписываю, чтобъ эти мятежники, по взятіи ихъ, въ особенности, если они землевладѣльцы или католическіе ксендзы, были немедленно преданы полевому уголовному суду, осуждены на смерть и наказаны въ теченіе двадцати четырехъ часовъ.«

Было ли это одною угрозой для внушенія страха тѣмъ Полякамъ, которые, какъ вы припомните, взывали лишь къ идеямъ справедливости, отчизны и религіи? Ничуть.

Съ февраля 1863 г. до конца декабря, въ разныхъ частяхъ Польши исполнено 245 смертныхъ приговоровъ! И одними убійствами не ограничивалась усмирительная дѣятельность или, лучше, ненависть, мстительность намѣстника Императорскаго. Конфисковали имѣнія, разоряли семейства, массами ссылали населенія. До 31.573 человѣкъ мущинъ, женщинъ и дѣтей, были переселены въ 1863 г. въ глубину Россіи изъ одного Царства Польскаго. Чудовищныя насилія, не виданныя со времени древности, со времени существованія великихъ монархій ассирійской и вавилонской. Я приведу образчикъ изъ Монитера (отъ 10-го мая 1864 г.), который приводитъ слова Виленскаго Вѣстника, офиціальной русской газеты:

»Съ самаго начала возстанія, жители мѣстечка Гіаны, *) Ковенской губерніи, мѣстечка, населеннаго по большей части мелкимъ дворянствомъ, приняли дѣятельное участіе въ мятежѣ. Благодаря ихъ содѣйствію, мятежники распоряжались совершенно свободно и производили безпрепятственный наборъ волонтеровъ. Набранные такимъ образомъ люди находили въ странѣ помощь и покровительство и были всегда увѣрены обрѣсть убѣжище, когда войска и власти принимались ихъ преслѣдовать... Въ числѣ волонтеровъ находились даже многіе мѣстные дворяне.

»Мѣстечко Гіаны теперь болѣе не существуетъ. Главные виновники изъ его жителей были преданы полевому военному суду, были судимы и приговорены къ наказанію; остальные, по распоряженію правительства, сосланы на поселеніе во внутреннія губерніи Имперіи. Начальникъ первой бригады войскъ, стоящихъ гарнизономъ въ Ковенской губерніи, »разрушилъ до основанія мѣстечко Гіаны и не оставилъ отъ него никакого слѣда, согласно приказанію начальника края, генерала Муравьева.« Имѣнія, принадлежащія дворянству этой мѣстности, раздѣлены были между тридцатью двумя семействами раскольниковъ. Дабы искоренить всякій всякій слѣдъ этого гнѣзда мятежниковъ, истребленнаго властью, новая раскольничья колонія, основанная на его развалинахъ, получила названіе Николаевской. Каждое семейство получило десять десятинъ для своего устройства, и кромѣ того каждому выдано было по 100 руб. изъ суммъ, собранныхъ военными контрибуціями, наложенными на землевладѣльцевъ, и частью отъ лѣсовъ, конфискованныхъ у мятежниковъ.«

Этого еще недостаточно, и чтобы довершить ужасъ этой картины я прочту изъ Монитера, 29-го іюня слѣдующее мѣсто:

»Виленскій Вѣстникъ въ офиціальномъ отдѣлѣ своемъ сообщаетъ, что трое изъ именитыхъ гражданъ города Ковна, гг. Марцелъ Виклевичъ, Дамазъ Шоблявичъ и Сигизмундъ Пронявичъ, были приговорены къ смерти за участіе въ возстаніи и »повѣшены на мѣстѣ, гдѣ стояло прежнее мѣстечко Гіаны.«

Нужно ли послѣ этого говорить еще о поборахъ, пеняхъ, секвестрахъ, экспропріяціяхъ въ Литвѣ и Рутеніи, приводя слова одного указа отъ 22-го декабря 1865 г.? Объ экспропріяціяхъ, которыя, по высочайшему указу 6-го января 1866 г., налагаютъ запре-

---

*) Вѣроятно Ибяны.

щеніе, въ девяти губерніяхъ, на всѣхъ землевладѣльцевъ польскаго происхожденія? Объ указахъ, изгоняющихъ книги польскія, языкъ польскій? О приказахъ, установляющихъ число лицъ, которыя могутъ сопровождать похоронныя процессіи? О приказахъ, изданныхъ противъ траура женщинъ? Приказы противъ траура, когда оставляется столько вдовъ! И послѣ такихъ дѣйствій, неслыханныхъ въ исторіи цивилизованнаго міра, когда несчастная Польша, глубоко-религіозная, но все еще не покорившаяся своей участи, обращается къ небу, ее постигаетъ другая драма. Запираютъ ея церкви, изгоняютъ изъ нихъ ея священниковъ. Въ то время когда я здѣсь говорю, одинъ архіепископъ, пять епископовъ и множество священниковъ сосланы или умерли въ ссылкѣ, и то, что называется въ Россіи пропагандой православія, т.-е. желаніе русскаго правительства, чтобы католическія населенія per fas et nefas присоединились къ греко-россійскому исповѣданію, уязвляетъ національное сердце столько же, сколько и тиранія политическая. Березовскій, по поводу этихъ вещей, съ которыми онъ хорошо знакомъ, которыми онъ подавленъ, сказалъ мнѣ: »Россія отнимаетъ у насъ не только наше добро и наши тѣла, она отнимаетъ у насъ наши души.« Затѣмъ, когда онъ сожалѣлъ объ обращеніяхъ въ православіе, сдѣланныхъ въ его собственной странѣ при помощи рубля или кнута, когда онъ утверждалъ, что его соотечественники, всегда не довольные гнетущимъ ихъ игомъ, трепетали при одной мысли видѣть какъ попы замѣнятъ ихъ католическихъ священниковъ, то русскій Сводъ Законовъ убѣдилъ меня въ томъ, что онъ слишкомъ правъ. Раскроемъ этотъ Сводъ, господа, эту книгу Законовъ, и благоволите слушать:

Глава вторая.

О судопроизводствѣ въ дѣлахъ, касающихся преступленій, предусмотрѣнныхъ въ двухъ первыхъ статьяхъ (политическія преступленія), передъ обыкновенными судами.

»Ст. 1,424. Лица всѣхъ состояній обязаны донести о преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ въ двухъ первыхъ статьяхъ, и если они сего не исполнятъ, то они приговариваются къ тому же наказанію, какъ и совершившіе самое преступленіе.

»Ст. 1,425. Слѣдуетъ донести въ такого рода преступленіяхъ не только о главныхъ виновникахъ, но и о тѣхъ, кои помогали имъ содѣйствіемъ или совѣтомъ, »или кои имѣли намѣреніе совершить преступленіе, хотя они сего не исполнили«. Слѣдуетъ о нихъ донести не только опираясь на очевидныхъ и вѣрныхъ уликахъ, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда можно опереться лишь на чужихъ разказахъ и слухахъ.

»Ст. 1.426. Если кто-либо на исповѣди заявитъ своему духовнику, что онъ злоумышляетъ противъ чести и жизни Императора, или что онъ намѣревается произвести бунтъ, либо совершить измѣну и если онъ при этомъ заявленіи не обнаруживаетъ ни раскаянія, ни намѣренія отказаться отъ своего умысла, а сознается лишь съ цѣлью утвердиться въ своемъ преступномъ умыслѣ черезъ молчаніе своего духовника, »то сей послѣдній обязанъ о семъ донести немедленно, такъ какъ подобная исповѣдь неправильна, ибо исповѣдавшійся не обнаружилъ раскаянія во всѣхъ грѣхахъ своихъ«.

»Ст. 1.427. Духовникъ въ первомъ своемъ донесеніи не обязанъ открывать все, что ему на исповѣди сказано было, а заявить единственно, что такой-то (имя рекъ) злоумышляетъ противъ Императора или противъ государства. Вслѣдствіе этого заявленія, заподозрѣнный долженъ быть арестованъ немедленно. Послѣ арестованія и по начатіи уголовнаго слѣдствія, духовникъ обязанъ донести все, что ему извѣстно о зломъ умыслѣ, безъ малѣйшей утайки.

»Ст. 1.428. Супруги, дѣти, родственники и служители не изъяты отъ обязанности доносить о преступленіяхъ этого разряда; въ случаѣ недонесенія, они будутъ наказываемы какъ соучастники въ преступленіи«.

Не кажется ли это сномъ, когда находишь и читаешь такія чудовищныя вещи въ европейскомъ законѣ, и недостаточно ли этого одного, чтобы засвидѣтельствовать о мученіяхъ народа, на который они возложены, и чтобъ объяснить возвышенныя слова, которыя я имѣю счастіе заимствовать изъ недавняго посланія одного краснорѣчиваго прелата: »Въ эту минуту, когда церкви всего міра, имѣя представителями четыреста епископовъ, окружаютъ общаго отца, мы не видимъ между нами одной, которая намъ всѣхъ дороже по своей вѣрности, своему героизму и своимъ бѣдствіямъ. О дорогая церковь Польши! мы искали напрасно одного изъ твоихъ епископовъ, чтобы цѣловать его руки, какъ это дѣлаютъ съ мучениками! Не было ни одного. А почему? Пребываютъ ли они въ томъ изгнаніи, откуда нѣтъ возврата? Убоялись ли, чтобъ они не слишкомъ растрогали кроткаго первосвященника, показывая ему ближе тѣ страданія, которыя ты выносишь? Но кому же изъ живущихъ они не извѣстны? О, когда же откажутся отъ желанія оторвать тебя, окровавленную отъ груди римской церкви, твоей матери, о Польша, какъ и нашей?«

Вы знаете теперь, гг. присяжные, частичку великихъ мукъ молодаго Березовскаго. Въ теченіе мѣсяца мая онъ былъ встревоженъ, взволнованъ; вы знаете его путешествіе въ Муи. Кто осмѣлится утверждать, что съ его стороны не было какъ бы инстинктивнаго желанія удалиться изъ Парижа, когда Царь туда отправлялся? Но роковое стеченіе обстоятельствъ! Въ Муи, какъ онъ сказалъ, для него не нашлось работы. Нужно было возвратиться въ Парижъ, и онъ пріѣзжаетъ туда за два часа предъ прибытіемъ Царя. Неодолимая сила приковываетъ его къ мѣсту. Онъ никогда не видалъ Царя. Онъ выжидаетъ. Кто такой для него Царь? Это неограниченный владыка, единственный виновникъ бѣдствій его родины. Онъ видитъ его очень близко, до того близко, что онъ сразу рѣшае́тся,—рѣшается на убійство? Нѣтъ. Для него между Россіей и Польшей существуетъ постоянная война, а въ войнѣ нѣтъ убійства. Остальное вамъ извѣстно. Не думайте, однако, что онъ отправился хладнокровно въ Булонскій лѣсъ, чтобы совершить обдуманно то, что онъ считалъ своимъ долгомъ! О нѣтъ! Онъ избралъ блескъ и шумъ смотра, подобія войнъ. И одинокій, долгое время одинокій, среди толпы, онъ носитъ съ собою свою Польшу, онъ мечтаетъ о ней, онъ ищетъ ея. Солдаты въ Парижѣ напоминаютъ ему о солдатахъ въ Варшавѣ. И какое время? День, когда участникъ возстанія 1863 г., 26-го іюня, наканунѣ военнаго набора, онъ видѣлъ столько мертвецовъ. Но къ чему припоминать эту рѣзню? Мы всѣ видѣли эту ужасную сцену... Намъ ее такъ живо изобразила одна великолѣпная картина,—она великолѣпна не только какъ

живопись,—что я вижу эту сцену до сихъ поръ, вижу постоянно. Колѣнопреклоненная толпа поетъ псалмы и восклицаетъ: »Отечества, мы просимъ отечества«. Смерть была имъ отвѣтомъ. Многіе падаютъ или шатаются, и одинъ изъ нихъ держитъ крестъ. Остающіе-ся въ живыхъ повторяютъ, недвижимые, стоическіе, въ виду русскихъ ружей, снова погруженныхъ въ облакѣ дыма: »мы просимъ отечества«. Смотрю, прислушиваюсь,—эту картину можно выслушивать! Я вижу бѣдныхъ мущинъ и женщинъ въ траурѣ, стариковъ, мать.... мать, прижимающую ко груди крошечное дитя: затѣмъ я слышу какъ надъ толпой витаетъ какъ бы ропотъ, какъ конецъ псалма: »отечество, отечество, отечество....« А тутъ голосъ командуетъ огонь... какой это голосъ? и Царь тогда проѣзжаетъ мимо....

Г. Араго кончаетъ такъ:

Гг. присяжные. вы люди честные и свободные. Вы поймете, что въ сердцѣ человѣческомъ есть наиболѣе возвышеннаго: идеи справедливости, отечества и религіи. Позвольте мнѣ, въ заключеніе, заимствовать у Польши ея мистическій языкъ; еслибы вы осудили подсудимаго, это было бы вопреки Бога.

Въ отвѣтъ защитнику генералъ-прокуроръ высказываетъ слѣдующее:

Гг. присяжные, въ горячей защитѣ, вами прослушанной, есть много вещей, которыя, безъ ущерба интересамъ обвиненія, я могу оставить совсѣмъ въ сторонѣ. Вамъ извѣстны факты процесса, вы знаете гдѣ правда, на сторонѣ ли защиты или прокурорскаго надзора. Но есть одинъ пунктъ, о которомъ мнѣ необходимо объясниться передъ вами: я говорю о выдержкахъ, которыя читаны были передъ вами изъ русскаго Свода Законовъ и изъ циркуляровъ, изданныхъ въ Польшѣ русскою властью. Это дѣло серіозное, и его необходимо обсудить. Русскій Сводъ Законовъ? Я никогда не думалъ восхвалять его, я никогда не намѣренъ былъ одобрять тѣ начала, которыя лежатъ въ основѣ прочитанныхъ вамъ статей. Но нельзя ли спросить себя, что это за законоположенія? То что вамъ прочли: не обломокъ ли это какого-либо стараго законоположенія. Не лишены ли эти статьи въ настоящее время всякаго значенія? Чего нельзя сказать о смыслѣ этихъ законовъ и о времени, въ которое они были обнародованы? Да, я допускаю вмѣстѣ съ защитой, что тутъ есть начала, достойныя сожалѣнія: но мы не въ Россіи, и эти законоположенія нисколько не касаются настоящаго процесса. Циркуляры! они относятся къ подавленію польскаго возстанія. Это подавленіе было чрезмѣрное, совершенно согласенъ; но не въ этомъ также заключается вопросъ, предложенный присяжнымъ. Вопросъ этотъ гораздо проще. Допустимъ, что Россія поступила строго, что усмиреніе было суровое: развѣ это даетъ право первому встрѣчному, крестьянину съ Волыни, доставить себѣ правосудіе, призывая имя отчизны, и посягать на жизнь Государя? Посмотримъ, что значитъ подобная теорія, что нужно разумѣть подъ политическими преступленіями, могутъ ли они быть оправданы возбужденностью страстей, чрезмѣрною раздражительностью патріотизма. Это ученіе о политическомъ убійствѣ не можетъ быть допущено правосудіемъ; оно должно быть и будетъ отвергнуто также присяжными. Политическое убійство, оно столь же безсмыслено, какъ и отвратительно! Оно безсмыслено, ибо въ случаѣ удачи, виновнику его рѣдко приходится видѣть осуще-

ствленіе тѣхъ идей, во имя которыхъ онъ совершилъ его. Не уменьшая зла, оно, напротивъ, всего чаще только усугубляетъ его. Въ случаѣ же неудачи, всѣ общественныя симпатіи сосредоточиваются на жертвѣ, коей угрожала опасность; вы знаете, что было съ Императоромъ Русскимъ. Но еще болѣе: убійство политическое ведетъ за собою совсѣмъ другія послѣдствія чѣмъ убійство обыкновенное; вы убѣдитесь въ этомъ, если спросите себя: что было бы еслибы Русскій Императоръ былъ пораженъ пулей Березовскаго? Было бы не одно только негодованіе, слѣдующее за каждымъ преступленіемъ,—тутъ былъ бы громадный общественный ущербъ, ужасная отвѣтственность, которая легла бы на всю Францію.

Отъ преступленія перейдемъ къ самому виновнику его и посмотримъ, какая доля отвѣтственности должна пасть на него самого. Что должны вы подумать о человѣкѣ, который призываетъ къ своему суду того, кого онъ почитаетъ притѣснителемъ своего отечества, самъ его судитъ, самъ приговариваетъ и самъ намѣревается исполнить приговоръ? Не есть ли это высшая степень гордости? Если вы хотите нанести вредъ врагу вашей родины, то дѣйствуйте публично, возбуждайте страсти вашихъ согражданъ, сдѣлайте призывъ къ возстанію, вызывайте революцію, но не прибѣгайте къ убійству. Разсмотримъ, однакоже, удобное ли было время дѣлать призывъ къ политической мести. Обратите ваши взоры, господа присяжные, по другую сторону Атлантическаго океана, къ тѣмъ берегамъ, куда присталъ, немного лѣтъ тому назадъ, принцъ юный, полный рвенія и мужества, принесшій съ собою идеи примиренія и цивилизаціи. Вамъ извѣстно какъ онъ былъ побѣжденъ, какъ онъ палъ, не подъ ударями оружія, а вслѣдствіе подлой измѣны. Что же съ нимъ сдѣлали? Его тоже судили, взывая къ политическимъ страстямъ, его казнили недостойнымъ образомъ. И это ужасное преступленіе хотятъ извинить политическою необходимостью. Нѣтъ, этого нельзя допустить. Это невозможно. Я кончилъ, господа присяжные; направьте ваши помышленія къ тѣмъ высшимъ сферамъ, гдѣ эти отвратительныя идеи энергически отрицаются, и помыслите, что вамъ предстоитъ только осудить великаго преступника и дать великій урокъ.

Г. Араго. Я имѣю право, господа присяжные, придти въ крайнее изумленіе отъ послѣднихъ словъ, которыя произнесъ г. генералъ-прокуроръ въ заключеніе своего обвиненія. Онъ сказалъ вамъ, что вы не должны обращать вниманіе ни на возрастъ этого ребенка, котораго я защищаю предъ вами, ни на побудительныя причины, заставившія его совершить дурной поступокъ, который ему ставятъ въ вину. Но въ этомъ, напротивъ, и заключается важный вопросъ того процесса, который вы имѣете обсудить. И что подумать о сдѣланномъ сейчасъ сближеніи? Какъ! васъ приглашаютъ обратить ваши взоры за четыре тысячи миль, на берегъ чуждый и отдаленный, въ Мексику, и хотятъ чтобы на Березовскомъ отразился приговоръ, произнесенный противъ Максимиліана, и казнь, которой его предалъ Хуаресъ! Къ чему эти воспоминанія и эти сближенія? Я тоже могъ бы сдѣлать сближенія, но воздержался отъ нихъ. Я не хотѣлъ говорить вамъ о смерти Мюрата! Мнѣ достаточно напомнить вамъ, что Александръ I щедро наградилъ курьера, привезшаго ему извѣстіе о смерти Калабрійцевъ. Оставимъ все это и будемъ говорить о процессѣ. Но что вамъ еще объ немъ сказать? Я истощилъ все, что было у меня на сердцѣ, для защиты несчастнаго молодаго человѣка. Припомните, что я вамъ

говорилъ о его молодости, о несчастіяхъ его семейства, о его характерѣ, о его идеяхъ, о несчастіяхъ его отечества, и вы тогда произнесете приговоръ. Задаютъ слѣдующій вопросъ: что значитъ душа Березовскаго въ сравненіи съ душой Русскаго Императора? Его душа стоитъ души Императора, ибо всѣ души сестры. Натура Березовскаго есть натура прямая, благородная, великодушная; натуру эту не слѣдуетъ отсѣкать отъ общества. Это было бы совершенно не согласно съ тѣмъ, что вы знаете, съ тѣмъ, что я вамъ сказалъ, съ тѣмъ, что вы сами себѣ сказали, съ тѣмъ, что вы думаете, съ тѣмъ, что вы напишете въ вашемъ приговорѣ.

Г. Президентъ. Подсудимый, не имѣете ли вы сказать еще что нибудь въ вашу защиту?

Подсудимый. Нѣтъ г. президентъ: я сожалѣю о томъ, что я сдѣлалъ, когда думаю о Франціи, которая есть дружественная нація.

Г. Президентъ. Пренія кончены.

Президентъ дѣлаетъ общій выводъ преній. Онъ воспроизводитъ доводы обвиненія и защиты. Дойдя до вопроса о политическомъ убійствѣ, который былъ затронутъ во время преній, онъ присовокупилъ:

»Я приведу вамъ, господа присяжные, слова извѣстнаго судьи, которому пришлось выразить свое мнѣніе объ этомъ вопросѣ по дѣлу Бреа и чьи слова имѣютъ гораздо бо̀льшій вѣсъ, чѣмъ мои. Вотъ что онъ сказалъ, требуя отказа въ кассаціи, которой просили два подсудимые по этому прискорбному дѣлу«.

»Не довольно ли уже и того, что отъ самаго страшнаго наказанія, исключаются »заговоры противъ внутренней и внѣшней безопасности государства, которые могутъ »повести къ войнѣ междоусобной или внѣшней? Неужели нужно также называть поли»тическими проступками преступленія постыдныя или ненавистныя, предметы всеоб»щаго ужаса и возмущающія человѣчество, потому только, что они совершены подъ »прикрытіемъ мятежнаго знамени? Остережемся допустить ученіе, по которому примѣсь »политическаго характера освобождаетъ отъ смертной казни преступленія совершенно »иного рода. Провозгласимъ напротивъ, что проявленіе этихъ ненавистныхъ фактовъ, »составляющихъ преступленія противъ общаго права, лишаетъ политическій просту»покъ его исключительнаго характера. Иначе, посмотрите на послѣдствія: подъ пред»логомъ политическаго возмущенія, всѣ преступленія будутъ дозволены! Знамя возму»щенія, подобно флагу прикрывающему грузъ, станетъ охранять смѣсь всѣхъ посторон»нихъ преступленій, каковы: личная месть, избіеніе плѣнныхъ, убійство, пытка, изуро»дованіе и проч. Если бы какая либо партія объявила войну обществу; если бы, по »своимъ стремленіямъ и по своей программѣ, она не могла ни дѣйствовать, ни высту»пить на поле битвы безъ самозваннаго дѣйствія всѣхъ злоумышленниковъ, всѣхъ по»павшихъ въ руки правосудія, то эти послѣдніе, присоединяясь къ людямъ политиче»скимъ, могли бы, стало быть, вмѣстѣ съ ружьемъ возмущенія, пустить въ дѣло и кин»жалъ убійцы, не удерживаемые страхомъ смертной казни? Все извинялось бы во имя »политики! Господа, довольно того исключенія, которое обозначено въ 5-й статьѣ кон»ституціи. Къ чести самого закона не станемъ расширять его смыслъ«.

По окончании президентомъ общаго вывода, присяжные удалились для совѣщаний. Они возвратились въ залу черезъ четверть часа и въ ихъ приговорѣ объявлено, что подсудимый виновенъ въ покушеніи на убійство, совершенномъ 6-го іюня, но допущены смягчающія обстоятельства. Приговоръ этотъ прочитанъ подсудимому, котораго снова привели и помѣстили на скамейкѣ. Генералъ-адвокатъ Бенуа требуетъ примѣненія статей 2, 302 и 463-й уголовнаго кодекса.

Г. Президентъ. Г. Араго, имѣете ли вы что сказать противъ примѣненія наказанія?

Г. Араго. Одно слово: ему двадцать лѣтъ.

Г. Президентъ. А вы, Березовскій, имѣете ли сдѣлать какое замѣчаніе о наказаніи, которое васъ постигнетъ?

Подсудимый. Нѣтъ.

Судъ удаляется на нѣсколько минутъ для совѣщаній въ залу совѣта и возвращается съ рѣшеніемъ, осуждающимъ Березовскаго на пожизненную принудительную работу.

Лицо подсудимаго оживляется на минуту, какъ будто бы онъ опасался болѣе строгаго осужденія, минованіемъ коего, по видимому, онъ очень доволенъ.

Засѣданіе суда закрыто въ $4^1/_2$ часа.

Теперь любопытно припомнить сужденія нашихъ русскихъ газетъ о процессѣ Березовскаго. Journal de St. Petersbourg, объясняя французское уголовное судопроизводство и послѣдствія его въ примѣненіи къ процессу Березовскаго, выразился слѣдующимъ образомъ:

»Осужденіе виновника покушенія, совершеннаго 25 мая (6 іюня), не подлежало сомнѣнію, такъ какъ онъ былъ взятъ на самомъ мѣстѣ преступленія и съ самаго начала сознался въ своемъ умыслѣ. Отчетъ о судебныхъ преніяхъ покажетъ, что именно—поведеніе ли подсудимаго на судѣ, или искусная защита—побудило присяжныхъ признать его «заслуживающимъ снисхожденія», вслѣдствіе существованія «облегчающихъ вину» обстоятельствъ. Тѣ изъ нашихъ читателей, которые, будучи мало знакомы съ обычаями французскаго суда присяжныхъ, удивятся можетъ быть такому приговору по дѣлу Березовскаго, мы постараемся объяснить, какимъ образомъ случается, что преступникъ, возбуждающій всеобщее омерзеніе и негодованіе, какъ, напримѣръ, Березовскій, отвергнутый и заклейменный позоромъ самыми поляками-выходцами, признается присяжными «заслуживающимъ снисхожденія», что выражается указаніемъ въ обвинительномъ приговорѣ на облегчающія вину обстоятельства (circonstances atténuantes), и что избавляетъ преступника отъ смертной казни. Мы считаемъ необходимыми объясненія, въ которыя мы намѣрены войти по этому предмету, необходимыми потому, чтобы нѣкоторые изъ читателей, видя въ произнесенномъ присяжными рѣшеніи двѣ части, изъ которыхъ въ одной подсудимый объявляется виновнымъ, а въ другой допускаются облегчающія вину обстоятельства, не подумали, что произошла какая нибудь ошибка при передачѣ этого извѣстія по телеграфу. Присяжные, какъ извѣстно, не опредѣляютъ наказанія; они должны только, отвѣчая на вопросы, предложенные имъ предсѣдателемъ

ассизнаго суда, рѣшить, по чести и совѣсти, виновенъ ли подсудимый въ преступленіи, которое ему приписывается. Но законъ во Франціи предоставляетъ присяжнымъ, въ случаѣ если найдутъ подсудимаго виновнымъ, право объявить, что въ дѣлѣ существуютъ обстоятельства, облегчающія его вину и судъ обязанъ принять въ соображеніе указанныя присяжными облегчающія обстоятельства при опредѣленіи наказанія, понижая его на одну или болѣе степеней сравнительно съ тѣмъ, которое по уголовному кодексу должно бы быть назначено, если бы въ рѣшеніи присяжныхъ не были допущены облегчающія вину обстоятельства. На основаніи французскаго устава уголовнаго судопроизводства, когда присяжные войдутъ въ совѣщательную комнату для рѣшенія вопросовъ, предложенныхъ имъ судомъ, старшина ихъ долженъ прочесть инструкцію, вывѣшенную на самомъ видномъ мѣстѣ этой комнаты. Эта инструкція, объясняющая права и обязанности присяжныхъ, заканчивается слѣдующими словами: «Главнымъ образомъ не слѣдуетъ терять изъ вида, что всѣ совѣщанія присяжныхъ должны относиться къ содержанію обвинительнаго акта. Присяжные должны заняться обсужденіемъ исключичельно тѣхъ фактовъ, на которыхъ основывается обвиненіе, и которые относятся къ нему; они нарушили бы свою первую обязанность, если бы, думая о постановленіяхъ уголовнаго закона, стали принимать въ соображеніе послѣдствія, которыя можетъ имѣть въ отношеніи подсудимаго ихъ рѣшеніе. Назначеніе ихъ не заключается въ преслѣдованіи и наказаніи преступленій; они призываются только затѣмъ чтобы рѣшить, виновенъ или нѣтъ обвиняемый во взводимомъ на него преступленіи». Несмотря на это предписаніе закона, можно сказать, что присяжные всегда принимаютъ во вниманіе, какія послѣдствія будетъ имѣть для подсудимаго рѣшеніе, которое они должны произнести. Всякій, кто присутствовалъ при разбирательствѣ уголовныхъ процессовъ въ ассизныхъ судахъ, или читалъ такіе процессы, знаетъ, съ какимъ искусствомъ защитники стараются ознакомить присяжныхъ съ послѣдствіями, которыя будетъ имѣть для подсудимаго рѣшеніе, требуемое отъ нихъ обвинительною властью. Предсѣдательствующій можетъ, правда, останавливать защитника, если тотъ заговоритъ о наказаніи до произнесенія присяжными рѣшенія и прежде чѣмъ судъ приступитъ къ опредѣленію мѣры наказанія. Но предсѣдательствующій можетъ только удержать оратора отъ развитія его мысли послѣ того, какъ онъ уже успѣлъ, въ патріотической фразѣ, сказать, какая кара грозитъ его кліенту. Можно сказать, что присяжные во время совѣщаній всегда знаютъ, какое наказаніе повлечетъ за собою ихъ рѣшеніе, и весьма рѣдки такіе случаи, когда бы мысль объ этомъ наказаніи не вліяла на допущеніе облегчительныхъ обстоятельствъ. Лица, принадлежащія къ французскому судебному сословію и хорошо ознакомленныя съ судебною практикою, единодушно свидѣтельствуютъ, что присяжные лишь въ исключительныхъ случаяхъ сообразуются съ инструкціею, изложенною въ 342 ст. устава уголовнаго судопроизводства, и приведенной нами выше. Не будучи обязаны отдавать отчета о томъ, какимъ образомъ составилось ихъ убѣжденіе; не будучи обязаны мотивировать своего рѣшенія,—присяжные произносятъ приговоръ по указанію совѣсти—и разсудка, конечно,—но также и по внушенію чувства. Присяга, даваемая ими, предписываетъ имъ, правда, не то: они клянутся «не нарушать ни интересовъ обвиняемаго, ни интересовъ общества; не поддаваться внушенію ненависти или злобы, боязни или увлеченія: рѣшать по совѣсти и внутреннему убѣжденію, съ безпристрастіемъ и твердостью, какія приличествуютъ человѣку честному и свободному»; но на практикѣ бываетъ иначе. Французскіе при-

сяжные вообще стоятъ противъ смертной казни; когда имъ приходится произносить приговоръ, который влечетъ за собою эту казнь, то они почти всегда признаютъ облегчительныя обстоятельства, какъ бы ни было велико преступленіе, какъ бы ни было оно гнусно и отвратительно, когда дѣло идетъ о не удачномъ покушеніи на убійство. Присяжные въ этотъ случаѣ, по странному отсутствію логики, видятъ смягченіе вины въ вмѣшательствѣ Провидѣнія, разрушившаго преступный замыселъ виновнаго, и обращаютъ неудачу почти въ оправданіе преступнику! Съ точки зрѣнія разума и закона, это нелѣпо; но присяжные изрекаютъ свои верховные приговоры, не мотивируя ихъ. Бывали даже случаи, когда присяжные объявляли преступниковъ, дѣйствительно убившихъ своихъ жертвъ, отцеубійцъ даже, виновными съ облегительными обстоятельствами, только изъ отвращенія къ эшафоту. Такимъ образомъ приговоръ присяжныхъ является протестомъ противъ гильотины, и присяжные, присвоивая себѣ права законодателя, фактически уничтожаютъ смертную казнь, присвоиваютъ себѣ, даже до пожизненной каторжной работы включительно, право милости, принадлежащее только главѣ государства: они убѣждены, что защищаютъ такимъ образомъ интересы общества, которые поклялись соблюдать. Облегчительныя обстоятельства въ преступленіи Березовскаго положительно невозможно найти потому, что намъ извѣстно изъ этого холодно задуманнаго злодѣянія. Защитительная рѣчь г. Эммануила Араго покажетъ намъ, подходятъ ли соображенія, вызвавшія этотъ приговоръ, подъ указанную нами точку зрѣнія. Мы убѣждены, что политическая идея не могла влiять на рѣшеніе присяжныхъ, ибо, съ политической точки зрѣнія, убійцы или герои, какъ Шарлотта Корде, или злодѣи, какъ Фіэски, и если бы, нашлись присяжные, которые оправдали бы ихъ, то было бы слишкомъ нелѣпо со стороны этихъ же самыхъ присяжныхъ приговаривать ихъ къ пожизненной каторжной работѣ. Сенскіе присяжные признали Березовскаго виновнымъ въ взводимомъ на него преступленіи, но они не хотѣли, чтобъ онъ заплатилъ головою за свое безсильное злодѣяніе: преступникъ приговоренъ къ безсрочному позорному наказанію. Если бы присяжные не признали облегчительныхъ обстоятельствъ, судьба преступника осталась бы точно такою же, и Августѣйшее милосердіе избавило бы его отъ эшафота, чтобы не оставлять на гостепріимной, великодушной почвѣ Франціи кровавыхъ слѣдовъ счастливаго путешествія. Но, произнося свой приговоръ на основаніи соображеній, чуждыхъ самому факту преступленія, исключительно подлежавшаго ихъ разбирательству, сенскіе присяжные не подумали о томъ, какое непріятное впечатлѣніе произведетъ этотъ приговоръ на Европу, гдѣ вспомнятъ, безъ сомнѣнія, что цареубійцы, не достигавшіе своей цѣли, не получали, несмотря на то, отъ французскихъ присяжныхъ милости облегчительныхъ обстоятельствъ, хотя, оскорбляя царственное величіе, они не покушались на жизнь августѣйшихъ гостей Франціи. Впрочемъ, мы, съ своей стороны, убѣждены, что, признавая облегчительныя обстоятельства, присяжные хотѣли заявить этимъ только протестъ противъ смертной казни,—поддались только краснорѣчію защитника. Если же облегчительныя обстоятельства были вызваны какими либо другими сочувствіями и соображеніями, то трудно будетъ признать ихъ за самимъ приговоромъ. Но нѣтъ, сама Франція проклинала въ безчисленныхъ адресахъ, помѣщенныхъ или упомянутыхъ въ «Монитерѣ» въ теченіе цѣлаго мѣсяца, покушеніе Березовскаго, называя его самымъ гнуснымъ, самымъ низкимъ изъ преступленій. Весь міръ заклеймилъ его безъ облегчительныхъ обстоятельствъ, и мы не хотимъ вѣрить,

чтобы сенскіе присяжные захотѣли быть исключеніемъ, хотя это и можно заключить по ихъ приговору. Мы написали эти строки единственно съ тою цѣлію, чтобы приговоръ этотъ, понятый въ строгомъ смыслѣ слова, не былъ перетолкованъ къ стыду присяжныхъ, твердо убѣжденные, что его не слѣдуетъ и невозможно перетолковывать такимъ образомъ. Французскіе присяжные, которые не признали бы облегчительныхъ обстоятельствъ, если бы дѣло шло о покушеніи на ихъ собственнаго государя, не могли признать ихъ въ дѣлѣ преступленіи противъ иностраннаго государя, довѣрившагося гостепріимству Франціи. Возстать противъ примѣненія смертной казни можно было только признавъ облегчительныя обстоятельства, и присяжные произнесли облегчительныя обстоятельства, какъ они закричали бы: пощады! въ видѣ протеста противъ сохраненія въ силѣ смертной казни въ уголовномъ кодексѣ—поддаваясь въ этомъ случаѣ, какъ большая часть французскаго народа, инстинктивному стремленію къ демонстраціямъ.«

По поводу процесса Березовскаго газета »Москва« говоритъ слѣдующее: »Судъ надъ Березовскимъ оконченъ. Присяжные признали его виновнымъ, но съ обстоятельствами смягчающими вину, вслѣдствіе чего онъ приговоренъ не къ смертной казни, а къ пожизненной каторгѣ. Напрасно думаютъ нѣкоторые, что такой результатъ долженъ возмутить русское общество, и представляютъ Россію, требующею мести, жаждущею крови преступника! Россія и ея Государь стоятъ превыше всякого чувства мщенія—имъ не нужно жертвы, не нужно крови для удовлетворенія русской національной чести. Наша честь и наша совѣсть тутъ ни при чемъ. Дѣло касалось чести и совѣсти самихъ французовъ. Не будемъ же толковсть о приговорѣ и вдаваться въ юридическую его оцѣнку.

»Но есть сторона дѣла, которая не можетъ не интересовать и не возмущать насъ. Здѣсь важенъ не самый исходъ суда, а то что предшествовало приговору, и объ этомъ то мы хотимъ сказать нѣсколько словъ.

»Курсъ на французскій умъ, французскій либерализмъ и вообще на французовъ еще и прежде сильно упалъ въ русскомъ обществѣ, но все же за ними признавалась, по преданію, какая-то обаятельность пресловутой »французской вѣжливости« (la politesse française) и сильно развитаго чувства національной чести. Теперь и это обаяніе разсѣялось въ конецъ. Грубые возгласы, раздававшіеся иногда изъ толпы при появленіи гостя Франціи, Русскаго Государя, на улицахъ Парижа; встрѣча ему при посѣщеніи Дворца Юстиціи; наконецъ оправданіе таковыхъ поступковъ большею частью французской журналистики,—все это, еще до 25 мая (6 іюня), краснорѣчиво свидѣтельствовало —до какой степени самыя элементарныя требованія вѣжливости утратили для французовъ свою обязательную силу. Франція—эта »старшая дочь« цивилизаціи явилась въ данномъ случаѣ менѣе цивилизованною чѣмъ какая-нибудь Бухара или Курдистанъ. Покушеніе 25 мая—этотъ наглый оскорбительный вызовъ нравственному чувству Франціи, это вѣроломное нарушеніе гостепріимства, казалось пробудило и во французахъ уснувшее чувство народной чести. Можно было предполагать, что оскорбленная, вызванная къ отвѣту, въ виду всего міра, французская народная честь потребуетъ себѣ самаго яркаго, всеполнаго удовлетворенія, что судъ надъ преступникомъ и справедливое ему возмездіе сдѣлаются для Французовъ une question de reparation d'honneur. Но

французское негодованіе оказалось только временною вспышкой.... Французскій судъ надъ убійцей превратился въ арену новыхъ оскорбленій Лицу, предназначавшемуся быть жертвой убійцы, оскорбленій—гостю Франціи, поставившему себя подъ охрану французской чести!. Само-собой разумѣется, что всѣ эти безсильныя оскорбленія пали тутъ же обратно, всею своею тяжестью, на самихъ оскорбителей, на весь французскій народъ.

Нельзя безъ отвращенія читать защитительное слово Эммануэля Араго этого èminent orateur этого illustre orateur, какъ величаютъ его французы. Впрочемъ чувство отвращенія слишкомъ серьезно, а серьезно относиться къ громамъ краснорѣчія французскихъ »иллюстровъ« значило бы оказывать имъ честь, которой они не заслуживаютъ. Борзорѣчивый, какъ всѣ фрацузскіе адвокаты, метръ Араго, съ театральнымъ французскимъ жаромъ, съ приличною случаю декламаціей, тѣлодвиженіями съ трясеніемъ голоса, протвердилъ предъ своею французскою публикой тѣ стереотипныя фразы негодованія и симпатіи, которыми изобилуетъ рѣчь всякаго француза, когда онъ пускается говорить объ отношеніяхъ Россіи и Польши высокимъ слогомъ. Мы могли бы, нисколько не ошибившись, заранѣе разсказать рецептъ этой французской ораторской стряпни и всѣхъ тѣхъ словесныхъ прянностей и приправъ, которыми защитникъ Березовскаго долженъ былъ неминуемо уснастить свою рѣчь. Мы знали, напередъ, что встрѣтимся тутъ съ старыми знакомыми—и съ »народомъ мученикомъ (peuple martyr)«, и съ »la sainte cause de la Pologne« (священнымъ дѣломъ Польши)«, и съ названіемъ русскаго царя »папою греческой церкви,« и съ наименованіемъ Волыни—Польшею, и съ тысячью другихъ громоносныхъ терминовъ и оборотовъ, давно привычныхъ нашимъ ушамъ, давно ставшихъ общими мѣстами, но тѣмъ не менѣе еще способныхъ производить сенсаціи и агитаціи во французской, достойной своихъ ораторовъ, публикѣ. Мы были заранѣе увѣрены, что порядокъ съ обычными доводами, свидѣтельствующими о самомъ грубомъ невѣжествѣ—ignorance crasse—во всемъ что касается Россіи, эта защитительная рѣчь будетъ пересыпана условными возгласами, имѣющими непремѣнно исторгаться, въ данную минуту, изъ взволнованной груди оратора-либерала, тѣмъ болѣе Араго, какъ уже давно состоящаго и даже заматорѣлаго въ чинѣ «краснаго» и «республиканца». Но мы должны сознать, что метръ Араго превзошелъ самыя смѣлыя наши ожиданія. Онъ дошелъ до геркулесовскихъ столбовъ адвокатской театральности и недобросовѣстности, стараясь создать изъ Березовскаго—героя, дѣлающаго честь обществу, среди котораго живетъ; поразить умы присяжныхъ потрясающимъ разсказомъ о мнимой сценѣ убійства въ Варшавѣ, воспроизведеной имъ по какой-то польской картинѣ, и даже обвинить русскаго Императора въ нравственномъ нарушеніи гостепріимства!! Онъ собралъ въ своей рѣчи все, что могло возбудить въ слушателяхъ ненависть къ Россіи, не смотря на то, относилось ли оно къ дѣлу или нѣтъ; онъ сослался и на законы, сочиненные Петромъ I-мъ и какъ-то удержавшіеся въ сводѣ, и на циркуляры, вызванные необходимостью подавить страшныя неистовства и мучительства, которымъ подвергали русскихъ обывателей польскіе повстанцы. Онъ не упомянулъ, конечно, ни о трехъ тысячахъ убійствъ, изъ-за угла совершенныхъ польскимъ жондомъ, ни о жандармахъ-вѣшателяхъ и кинжальникахъ, ни о томъ, какъ поляки сдирали кожу съ живыхъ русскихъ, попавшихся имъ въ плѣнъ, ни о прочихъ подвигахъ славной націи, которой девизъ, по его словамъ: »отчизна, религія, справедливость!« Однимъ словомъ это засѣданіе французскаго суда

было публичною постановкой всѣхъ польскихъ клеветъ на Россію, пріумноженныхъ и помноженныхъ одна на другую,—вмѣстѣ съ публичною проповѣдью въ пользу политическаго убійства. И ни въ комъ эта рѣчь не вызвала ни негодованія, ни даже неодобренія; ни чье чувство приличія не смутилось такою неумѣстностью и несвоевременностью оскорбленій Россіи и ея Государя—при разсмотрѣніи дѣла о покушеніи на Его же жизнь! Мало того, что въ гостепріимномъ Парижѣ онъ подвергался опасности быть убитымъ, къ ужасу всей Россіи, но это самое подало поводъ тому же Парижу оскорбить его снова. Пусть эти оскорбленія и не способны досягнуть до лица оскорбляемаго, но тѣмъ не менѣе намѣреніе оскорбить—было, и приведено въ исполненіе безъ препятствія и безъ протеста со стороны общества какъ въ оградѣ, такъ и внѣ ограды суда.

При такихъ условіяхъ трудно отдѣлаться отъ предположенія, что будь преступникъ не полякъ, а какой-нибудь православный болгаринъ, и стрѣляй онъ въ турецкаго султана или даже египетскаго вице-короля, въ бытность ихъ гостями въ Парижѣ, тѣ же самые присяжные едва ли бы не произнесли надъ болгариномъ приговоръ къ смерти. Не можемъ мы не подозрѣвать, что обстоятельствомъ, побудившимъ присяжныхъ смягчить приговоръ о винѣ Березовскаго, было вовсе не какое-нибудь человѣколюбивое соображеніе (которое въ виду молодости и малоумія Березовскаго легко могло имѣть мѣсто), а именно то обстоятельство, что преступникъ былъ полякъ, а Государь, на жизнь котораго онъ покушался, былъ Государь—Русскій. Впрочемъ и это не потому, чтобы нашъ Горударь самъ по себѣ возбудилъ антипатію французовъ; напротивъ, личность его, по общимъ отзывамъ, произвела во Франціи дѣйствіе симпатическое,—но потому собственно, что онъ Государь—Россіи.

Россія—вотъ кому не прощается самое ея существованіе, вотъ предметъ и вражды, и зависти, и страха латино-германской Европы! И ненавидима, и неразумѣема, и незнаема, и оклеветываема чужими и своими иностранцами, стоитъ она среди міра, сама особый міръ, съ самобытными духовными и бытовыми началами, съ несомнѣннымъ залогомъ великой исторической будущности! Этотъ ненавидимый міръ есть міръ православно-славянскій, къ которому примыкаютъ и влекутся неодолимымъ влеченіемъ всѣ даже иновѣрныя славянскія племена, въ комъ не успѣло запустить глубокихъ корней латинство. Она и не понимаетъ не злобивая Русь, какою дикою злобой дышетъ къ ней цивилизованный Западъ, какъ пугается онъ каждаго въ ней проявленія жизни, какъ не терпитъ его просвѣщеніе загорающагося свѣта съ Востока! Съ недоумѣніемъ, не уступающимъ ни опыту, ни привычкѣ, смотрятъ, и до сихъ поръ наши братья Славяне на ту ярую бурю негодованія, которую поднимаетъ въ Европѣ одно ихъ предъявленіе правъ на народное бытіе одно ихъ притязаніе—жить! Пусть такъ! Не станемъ же унижаться и заискивать у Европы ея дружбы и милостиваго расположенія. Въ этой не заслуженной ненависти, въ этой неправедной злобѣ, возбуждаемой Россіей и всѣми славянскими племенами, есть своего рода величіе и возбудительная сила, есть указаніе на наше особое призваніе въ исторіи. Этою ненавистью, этою злобою опредѣляются, такъ сказать, живыя границы и нравственные признаки славянскаго міра въ Европѣ; мѣрой вражды ея измѣряется въ каждомъ славянскомъ племени внутренняя прочность славянскаго элемента. Пора понять, что Западъ любитъ только своихъ, и чѣмъ сильнѣе

въ насъ Русскихъ, въ насъ Славянахъ, народное чувство и самосознаніе, тѣмъ менѣе мы свои Западу, тѣмъ сильнѣе его ненависть. Она есть почетное свидѣтельство о нашей вѣрности нашимъ народнымъ началамъ и нашему историческому призванію.

Впослѣдствіи французскія газеты возвѣстили объ исполненіи приговора надъ преступникомъ, т. е. объ отправленіи Березовскаго въ ссылку въ Каену.

Въ началѣ нынѣшняго 1868 г. въ газетахъ пронесся слухъ о томъ, что Березовскій съ пути своего слѣдованія въ ссылку, бѣжалъ. Но не далѣе какъ въ прошломъ февралѣ, нѣкоторыми газетами, слухъ о бѣгствѣ преступника Березовскаго былъ разсѣянъ тѣмъ, что о плаваніи корабля, на коемъ изъ Тулузы отправленъ Березовскій, до послѣдняго времени не получено извѣстій.

КОНЕЦЪ.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

По совершеніи во временномъ г. Житомира соборѣ божественной литургіи Его Высокопреосвященствомъ, архіепископомъ Волынскимъ и Житомирскимъ Агафангеломъ съ мѣстнымъ православнымъ духовенствомъ, 25-го мая 1868 года, въ день годовщины сохраненія жизни ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II въ Парижѣ отъ руки волынскаго поляка Березовскаго, въ присутствіи должностныхъ лицъ гражданскаго и военнаго вѣдомства, при собранномъ войскѣ, и собравшемся мѣстномъ населеніи совершены освященіе мѣста, предназначеннаго подъ постройку часовни въ память событія 25 Мая 1867 года, и закладка ея; при чемъ въ фундаментѣ воздвигаемой часовни заложенъ экземпляръ этой брошюры, заключенный въ цинковый герметически закупоренный ящикъ.